На правахъ рукописи.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

ОБЪ ОТМѢНѢ СТѢСНЕНІЙ МАЛОРУССКАГО ПЕЧАТНАГО СЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1905.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, отношеніемъ отъ 30 января с. г. № 2076, сообщилъ Августѣйшему Президенту Академіи нижеслѣдующее:

„Комитетъ Министровъ, приступивъ въ засѣданіяхъ 28 и 31 декабря 1904 года къ обсужденію способовъ исполненія предначертаній пункта 8-го Именного Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, объ устраненіи изъ постановленій о печати излишнихъ стѣсненій и о постановленіи печати въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, между прочимъ, остановился на Высочайшихъ повелѣніяхъ 18—30 мая 1876 года и 8 октября 1881 года, коими запрещены печатаніе и изданіе на малороссійскомъ языкѣ всякаго рода сочиненій, за исключеніемъ историческихъ документовъ, словарей и произведеній изящной словесности. Постановленія эти, въ свое время не опубликованныя и въ Сводъ Законовъ не вошедшія, имѣли въ виду воспрепятствовать развитію украйнофильскаго движенія, направленнаго къ литературному, а быть можетъ за симъ даже и политическому обособленію Малороссіи отъ остальной Россіи. Указанное движеніе, бывшее всегда явленіемъ наноснымъ, нынѣ не представляетъ, повидимому, сколько-нибудь серьезной опасности; между тѣмъ, примѣненіе изъясненнаго запрета, значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи книгъ, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго его уровня.

„Такое соображеніе, казалось бы, должно побуждать высказаться за желательность отмѣны этой мѣры, стѣсняющей свободу печатанія на малороссійскомъ нарѣчіи различныхъ книгъ. Но для разрѣшенія сего вопроса въ виду Комитета не имѣется достаточныхъ фактическихъ свѣдѣній. Поэтому и въ видахъ вящшей осторожности Комитетъ находитъ полезнымъ, для большаго разъясненія практическаго значенія упомянутаго запрета и проистекающихъ изъ него неудобствъ, предоставить Министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, по принадлежности, запросить мнѣнія по сему вопросу Императорской Академіи Наукъ и Императорскихъ Университетовъ Кіевскаго и Харьковскаго, а равно Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора и представить таковыя въ непродолжительномъ времени, вмѣстѣ съ своимъ по онымъ заключеніямъ, на уваженіе Комитета.

„Останавливаясь на этомъ выводѣ, Комитетъ, вслѣдствіе возникшаго въ средѣ его вопроса, считаетъ необходимымъ оговорить, что настоящимъ положеніемъ отнюдь не имѣется въ виду сколько-нибудь затрогивать вопросъ объ языкѣ преподаванія въ народныхъ школахъ малороссійскихъ губерній.

„По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ, Комитетъ положилъ: поручить Министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ—по предварительномъ сношеніи съ Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ

Генералъ-Губернаторомъ, Императорскими Академіею Наукъ и Кіевскимъ и Харьковскимъ Университетами—пересмотрѣть Высочайшія повелѣнія 18—30 мая 1876 года и 8 октября 1881 года объ ограниченіи печатанія книгъ на малорусскомъ нарѣчіи и свои заключенія по сему предмету, вмѣстѣ съ соображеніями означенныхъ лицъ и учрежденій, внести на разсмотрѣніе Комитета Министровъ.

„Такое положеніе Комитета Министровъ удостоилось въ 21 день января Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія.

„Доводя о семъ до свѣдѣнія, имѣю честь обратиться къ Вашему Императорскому Высочеству съ просьбою поручить Конференціи Академіи Наукъ обсудить означенный вопросъ и соображенія ея сообщить Министерству Народнаго Просвѣщенія".

Для разсмотрѣнія этого вопроса была образована Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ академика Ѳ. Е. Корша, изъ академиковъ: А. С. Фаминцына, В. В. Заленскаго, Ф. Ѳ. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевскаго и С. Ѳ. Ольденбурга.

Императорская Академія Наукъ, ознакомившись съ докладомъ Коммиссіи, не можетъ не признать, что цензурныя стѣсненія малорусскаго печатнаго слова, начавшіяся при томъ только съ 1863 года, не были вызваны какими бы то ни было угрожающими единству Россіи стремленіями малорусскаго народа или его интеллигенціи. Равнымъ образомъ, ничто не указываетъ на существованіе такихъ стремленій и теперь. Правительственныя распоряженія, поразившія свободное развитіе малорусской литературы, во-первыхъ, помѣшали до сихъ поръ опредѣлиться взаимнымъ отношеніямъ великорусской и малорусской литературъ, которыя, какъ въ этомъ убѣждена Академія Наукъ, не разойдутся ни въ цѣляхъ, ни въ направленіяхъ; во-вторыхъ, вызвали неестественный ростъ малорусской литературы въ Галиціи, литературы, въ значительной степени враждебной Россіи. Въ настоящее время эти правительственныя распоряженія служатъ источникомъ сильнаго и вполнѣ естественнаго недовольства образованныхъ слоевъ малорусскаго населенія Россіи. Кромѣ того, они нарушаютъ интересы сельскаго населенія Малороссіи: распространеніе книгъ духовно-нравственнаго, воспитательнаго, общеобразовательнаго содержанія задерживается отчасти полнымъ незнакомствомъ, отчасти недостаточнымъ знакомствомъ малорусовъ съ великорусскимъ книжнымъ языкомъ. Все это весьма невыгодно отражается на интересахъ всего русскаго народа.

Академія Наукъ не можетъ не замѣтить, что русское законодательство съ того самаго времени, какъ былъ составленъ первый цензурный уставъ, держалось всегда того правила, что печатное слово можетъ быть предметомъ преслѣдованія или какого бы то ни было воздѣйствія только за внутренній смыслъ того, что̀ имъ выражено: „цензура въ сужденіяхъ своихъ принимаетъ всегда за основаніе ясный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону" (Ценз. уст., ст. 105). Внѣшняя оболочка мысли, способъ выраженія ея, слова, буквы изъяты отъ цензорскихъ и всякихъ иныхъ усмотрѣній (ср. тамъ же, ст. 106 и 111). Только сцѣпленіе несчастныхъ случайностей могло поэтому подвести подъ запретъ цѣлый языкъ; только несчастная случайность могла побудить правительство къ преслѣдованію цѣлой письменности и къ принятію на себя заботы о малорусскомъ правописаніи. Академія Наукъ убѣждена въ томъ, что распоряженіе 1863 года и Высочайшія повелѣнія 1876 и 1881 годовъ не могутъ быть согласованы съ основными началами русскаго законодательства. А между тѣмъ существованіе Высочайшихъ повелѣній 1876 и 1881 годовъ не можетъ не стать предметомъ величайшихъ безпокойствъ Законодателя, послѣ выраженнаго Имъ въ Именномъ Высочайшемъ указѣ 12 декабря 1904 года требованія объ охраненіи полной силы закона. Предначертанія законовъ 18/30 мая 1876 года и 8 октября 1881 года, вопреки точному разуму основныхъ государственныхъ законовъ, не были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ, а состоявшіяся Высочайшія повелѣнія, вопреки тѣмъ же законамъ, не были обна-

родованы Правительствующимъ Сенатомъ; подобное отступленіе отъ установленнаго закономъ порядка составленія и обнародованія законовъ устраняетъ въ народѣ, на который распространяется дѣйствіе законовъ 1876 и 1881 годовъ, увѣренность, что они, при предварительномъ ихъ обсужденіи, привлекли къ себѣ въ полной мѣрѣ вниманіе Законодателя и составляютъ проявленіе дѣйствительной и непосредственной Монаршей воли (ср. извл. изъ Журн. Ком. Мин. отъ 21 и 24 дек. 1904 г. и 4 янв. 1905 г.).

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній Императорская Академія Наукъ полагаетъ, что необходимо нынѣ же отмѣнить Высочайшія повелѣнія 18/30 мая 1876 года и 8 октября 1881 года, а также удостоившееся Высочайшаго одобренія распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ 1863 года, послужившее для тѣхъ повелѣній основаніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все вышеизложенное привело Академію Наукъ къ убѣжденію, что малорусское населеніе должно имѣть такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языкѣ.

Докладъ Коммиссіи по вопросу объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова.

Коммиссія по вопросу объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова, подъ предсѣдательствомъ академика Ѳ. Е. Корша, въ составѣ академиковъ В. В. Заленскаго, А. С. Лаппо-Данилевскаго, С. Ѳ. Ольденбурга, А. С. Фаминцына, Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова, всесторонне обсудивъ вопросъ, предложенный Академіи Наукъ Комитетомъ Министровъ, пришла къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ, изложеннымъ въ предлагаемой вниманію Общаго Собранія запискѣ. Во время своихъ занятій Коммиссія получила нѣсколько цѣнныхъ сообщеній, которыми, она, однако, успѣла воспользоваться лишь настолько, чтобы вставить въ свою записку ссылки на нихъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, но, находя въ этихъ сообщеніяхъ много важнаго матеріала, признала полезнымъ присоединить ихъ къ запискѣ въ видѣ приложеній.

Первыя извѣстныя намъ попытки употребленія малорусской рѣчи въ письменности относятся къ XVI в., въ которомъ можно указать хотя-бы на Пересопницкое Евангеліе, написанное, впрочемъ, далеко не на чистомъ языкѣ. Но въ этомъ случаѣ важна не столько чистота народной рѣчи, сколько сознательное стремленіе переводчиковъ (такъ какъ на первый разъ дѣло шло лишь о «перекладахъ») къ передачѣ текста Св. Писанія и другихъ книгъ духовнаго содержанія въ формѣ, доступной пониманію со стороны большинства. Если примѣненіе народнаго языка къ литературнымъ потребностямъ не совершилось болѣе послѣдовательно и широко не только въ XVI, но и въ XVII в., то старанія переводчиковъ и писателей, обращавшихся не къ однимъ ученымъ трудамъ, отчасти намѣренно, отчасти мимовольно парализовались наличностью общепринятаго письменнаго языка, такъ называемаго славяно-русскаго, хотя въ то время уже подвергшагося въ Россіи сильному вліянію языка мѣстнаго въ болѣе или менѣе пестрой смѣси элементовъ сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ, разнообразящихся по происхожденію памятниковъ. Естественно, что эти народныя стихіи мало по малу все болѣе вторгались въ этотъ книжный языкъ и, разлагая его различнымъ образомъ, повели къ обособленію книжнаго языка Юга отъ такого же языка Сѣвера. Образчиками этого южнаго языка могутъ служить въ XVII в. не только многочисленныя произведенія богословской литературы, особенно проповѣди (казанья), но также и книги религіозно-полемическія и даже богослужебныя, принадлежащія перу преподавателей и бывшихъ уче-

никовъ «Кіево-Могилянскаго Коллегіума». Къ элементамъ малорусскимъ присоединялись на Югѣ нерѣдко и западно-русскіе, т. е. отчасти бѣлорусскіе, отчасти сѣверно-малорусскіе, изъ которыхъ еще въ XIV в. сложился канцелярскій языкъ Литовскаго Княжества, и также польскіе, входившіе въ письменность изъ переводовъ Св. Писанія и другихъ религіозныхъ книгъ съ языка польскаго и изъ судебныхъ и другихъ оффиціальныхъ документовъ правобережной Украйны. Изъ послѣдняго источника довольно много польщизны проникло и въ чисто-народную рѣчь, которая, не смотря на упомянутыя уже усилія нѣкоторыхъ популяризаторовъ, играла тогда значительно болѣе подчиненную роль, чѣмъ на Сѣверѣ, потому что малорусская интеллигенція XVI и XVII в.в. состояла, по большей части, изъ членовъ казачьей старшины, получавшей воспитаніе полу-польское, а иногда и прямо польское и черпавшей оттуда аристократическія понятія, рѣзко отдѣлявшія ее отъ простого казачества (ср. приложеніе № V).

Описанный выше малорусскій книжный языкъ во второй половинѣ XVII в. былъ занесенъ и на Сѣверъ малорусскими учеными богословами, переселившимися въ Москву, гдѣ ихъ западничество нашло почву, до нѣкоторой степени подготовленную близкими сношеніями нѣкоторыхъ бояръ съ Поляками въ смутное время, и совершенно естественно, что, напр., Сильвестръ Медвѣдевъ писалъ такъ-же, какъ его учитель Симеонъ Полоцкій, изъ произведеній котораго онъ даже позволялъ себѣ самыя безцеремонныя позаимствованія. Но это вліяніе было лишь поверхностно и кратковременно; въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, особенно въ тѣхъ, которые держались старины, оно встрѣтило себѣ рѣшительный отпоръ, какъ соблазнъ, основанный на «единоуміи съ папою и съ римскимъ костеломъ», потому что многіе изъ тогдашнихъ московскихъ людей плохо отличали нѣсколько ополяченныхъ малорусскихъ грамотѣевъ отъ Поляковъ. По этой причинѣ, ради охраны «правовѣрія» и единства «Восточной Православной Церкви» при Петрѣ Великомъ было запрещено Св. Синодомъ печатать церковныя книги «несогласно съ великороссійскими печатьми», «дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ Церкви Восточной противности произойти». Потому-же въ 1769 г. Св. Синодъ не только не разрѣшилъ печатанія южно-русскихъ букварей, но предписалъ отобрать уже находящіеся на рукахъ, такъ какъ буквари того времени разсматривались какъ церковныя книги и печатались «благословеніемъ всего освященнаго собора». Отъ духовенства исходило и усиленіе великорусскаго элемента въ преподаваніи Кіевской Духовной Академіи, настоятельно проводившееся ректоромъ Самуиломъ Миславскимъ и вполнѣ удавшееся подъ вліяніемъ уже довольно значительной въ то время великорусской письменности, языкъ которой въ концѣ XVIII в. совершенно вытѣснилъ собою уже вымиравшій славяно-русскій. Вообще же малорусская письменность не подвергалась въ XVIII в. никакимъ стѣсненіямъ, а малорусская народная пѣсня пользовалась во второй его половинѣ широкой распространенностью въ Москвѣ и въ Петербургѣ, какъ видно, напр., изъ тогдашнихъ пѣсенниковъ. Правда, изъ того времени мы не знаемъ никакихъ малорусскихъ письменныхъ памятниковъ, кромѣ комическихъ интермедій и виршей различнаго содержанія — поздравительныхъ, сатирическихъ, любовныхъ, — но причина этого заключается лишь въ указанномъ выше взглядѣ на малорусскій языкъ, какъ на рѣчь простонародную, недостойную допущенія въ литературу и неспособную служить ей орудіемъ, — обстоятельство, вслѣдствіе котораго мы не находимъ просторѣчія и въ великорусской письменности помимо комедіи.

Первой серьезной попыткой употребленія чисто-малорусскаго языка

для литературныхъ цѣлей, впрочемъ серьезной больше по объему, чѣмъ по содержанію, была «перелицёванная» Энеида И. П. Котляревскаго, изданная въ 1798 г., за которой уже въ XIX в. послѣдовали его-же комедіи: «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівник». Въ этихъ комедіяхъ обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, насмѣшливое отношеніе автора къ тому малорусско-польско-великорусскому языку украинскихъ канцелярій, на которомъ написаны въ началѣ XVIII в. и нѣкоторыя произведенія отнюдь не оффиціальнаго характера, напр., историческія. Слѣдуетъ отмѣтить также его глубокую симпатію къ малорусской народности и къ малорусскому языку, которымъ онъ воспользовался не только для этихъ произведеній, болѣе или менѣе комическихъ, однако не лишенныхъ и трогательныхъ чертъ, но и для «Оды до князя Куракина». Такимъ любовнымъ отношеніемъ къ малорусской народности въ ея чистомъ, неподдѣльномъ видѣ, какою она проявляется въ «хлопѣ», Котляревскій рѣзко отличается отъ прежнихъ дѣятелей малорусской письменности и ужь по этой причинѣ долженъ быть признанъ первымъ украинскимъ «народовцемъ» и отцемъ малорусской литературы, и не только беллетристической, а и научной, такъ какъ онъ оставилъ рукописныя «Замѣтки» о нѣкоторыхъ малорусскихъ обычаяхъ. Его примѣръ обратилъ вниманіе земляковъ на особенности украинской народности, особенно въ словесныхъ ея произведеніяхъ, и вызвалъ много произведеній въ стихахъ и въ прозѣ, написанныхъ по-малорусски и проникнутыхъ сочувствіемъ къ простому народу съ его этнографическими особенностями. Первымъ трудомъ по собиранію украинскаго пѣсеннаго матеріала былъ сборникъ князя Цертелева, вышедшій въ 1819 г. За нимъ послѣдовали сборники Максимовича, Метлинскаго и длинный рядъ другихъ, не прерывающійся до нашихъ дней. Изъ писателей этого направленія можно назвать Квітку, превосходнаго разсказчика, соединившаго въ себѣ характеристическія черты малорусскаго духа — юморъ и чувствительность, Петра Артемовскаго-Гулака, автора остроумныхъ стихотвореній, Гребенку, писавшаго повѣсти и стихи, баснописца Глѣбова. У Квітки мы находимъ и попытку къ бесѣдѣ съ простымъ народомъ на его языкѣ о важныхъ для него вопросахъ, нравственныхъ, общественныхъ и экономическихъ: это — его «Листы до любезныхъ землякôвъ», числомъ 4. Вообще Квітка былъ уже вполнѣ сознательнымъ народолюбцемъ или, какъ бы сказали о немъ, если бы онъ жилъ позже, украйнофиломъ (ср. приложеніе № III), не только любившимъ свой народъ, но и стремившимся къ его просвѣщенію безъ утраты отличающихъ его особенностей. О малорусскомъ языкѣ онъ пишетъ Максимовичу слѣдующее: «Мы должны пристыдить и заставить умолкнуть людей, съ чуднымъ понятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 милліоновъ говорятъ, который имѣетъ свою силу, свои красоты, неудобоизъяснимыя на другомъ, свои обороты, юморъ, иронію и все какъ будто у порядочнаго языка». Квітка былъ родомъ изъ Харькова, Артемовскій-Гулакъ былъ профессоромъ и потомъ ректоромъ Харьковскаго Университета, гдѣ къ занятіямъ малорусскимъ языкомъ поощряли также Срезневскій, въ качествѣ профессора славянскихъ нарѣчій, Метлинскій, бывшій тогда адъюнктомъ, страстный любитель всего малорусскаго и собиратель малорусскихъ пѣсенъ, и Костомаровъ, занимавшій тамъ скромную должность субъинспектора. Въ сороковыхъ годахъ интересъ къ малорусской народности вмѣстѣ съ Метлинскимъ и Костомаровымъ перешелъ изъ Харькова въ Кіевъ, гдѣ въ 1846 г. образовалось Кирилло-Меѳодіевское братство подъ предсѣдательствомъ Костомарова съ участіемъ Бѣлозерскаго, Николая Артемовскаго-Гулака, Навроцкаго, къ кото-

рымъ нѣсколько позже присоединились Марковичъ (впослѣдствіи мужъ извѣстной писательницы Марка Вовчка) и др. Украйнофильство этого общества носило характеръ демократическо-освободительный, выразившійся въ борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ, и опиралось на панславистическія основы, такъ какъ члены его мечтали о единеніи между славянскими племенами, среди которыхъ они требовали самостоятельнаго положенія и Малорусамъ. Но правительство признало такія мечтанія политически опасными и болѣе или менѣе тяжко покарало его членовъ и даже кое-кого изъ близкихъ ихъ знакомыхъ, напр., Кулiша и Шевченко. Что касается великорусскихъ литераторовъ, то одни изъ нихъ не обратили на своихъ малорусскихъ собратовъ никакого вниманія, другіе же не только встрѣтили ихъ привѣтливо, но и удѣляли имъ мѣсто въ своихъ изданіяхъ. Такъ, статья Квітки противъ Максимовича о малорусскомъ правописаніи, впрочемъ писанная по-великорусски, появилась въ «Маякѣ», а его малорусскія повѣсти: «Салдацький патретъ» и «Божі діти» помѣщены въ «Утренней Звѣздѣ» и въ «Утренней Зарѣ»; нѣсколько «Баёкъ» Гребенки было напечатано въ «Утренней Звѣздѣ», а его переводъ «Полтавы» Пушкина — отчасти тамъ-же, отчасти въ «Московскомъ Телеграфѣ». Свой альманахъ малорусскихъ произведеній разныхъ авторовъ Гребенка собирался выпускать частями при «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, но встрѣтилъ препятствіе въ Бѣлинскомъ, завѣдывавшемъ отдѣломъ литературной критики. Отношеніе цензуры къ малорусской письменности было то-же, что и къ великорусской. «Байки» Глѣбова нашли себѣ мѣсто даже въ оффиціальныхъ «Черниговскихъ Вѣдомостяхъ». Итакъ Малорусы, какъ народники и демократы, въ началѣ XIX в. до 40-хъ годовъ его естественно встрѣчали себѣ сочувствіе только у тѣхъ изъ великорусскихъ литераторовъ, которые были наиболѣе свободны отъ западническо-аристократическаго оттѣнка, свойственнаго значительной части великорусской литературы 20-хъ, 30-хъ и начала 40-хъ годовъ, т. е. у тѣхъ, которые слыли у своихъ противниковъ, и отчасти справедливо, за глашатаевъ реакціи. Этимъ объясняется презрительный и даже враждебный взглядъ на нихъ западниковъ, выразившійся особенно рѣзко въ незаслуженномъ и крайне одностороннемъ отзывѣ Бѣлинскаго по поводу сборника «Ластівка», изданнаго Гребенкою въ 1841 г.: «Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума»! И самъ ученый издатель и комментаторъ Бѣлинскаго, С. А. Венгеровъ, объясняетъ этотъ презрительный отзывъ знаменитаго критика его «безсознательно-пренебрежительнымъ отношеніемъ къ «мужицкому» и простонародному», которое замѣчается у него и въ другихъ случаяхъ. Этотъ аристократическій налетъ, сказывавшійся въ великорусской литературѣ вплоть до 50-хъ годовъ, не былъ, конечно, чуждъ и малорусской интеллигенціи, считавшей въ своихъ рядахъ много потомковъ казачьей старшины, но никогда не выражался на малорусскомъ языкѣ именно потому, что эти аристократы, истинные и самозванные, тянули къ своимъ великорусскимъ товарищамъ и вмѣняли себѣ въ обязанность презрѣніе къ простонародной рѣчи, которой нѣкоторые изъ нихъ кстати и не знали. Потому въ дѣлѣ демократизма малорусская литература лѣтъ на 50 обогнала великорусскую. Отсюда и сравнительная близость старшихъ малорусскихъ писателей къ тѣмъ изъ великорусскихъ литераторовъ, которые были на худомъ счету у московскихъ и петербургскихъ либераловъ. Но въ дѣйствительности малорусская литература до половины 40-хъ годовъ отличалась отъ великорусской именно только своимъ глубокимъ, послѣдовательнымъ демократизмомъ, что вполнѣ понятно, такъ какъ

малорусская народность была тогда представляема почти только низшими сословіями; а въ другихъ своихъ стремленіяхъ и въ составѣ своихъ дѣятелей украинская письменность была такъ-же разнообразна, какъ великорусская. Работниками на ея нивѣ являлись люди самыхъ различныхъ направленій и состояній: Котляревскій—офицеръ, рѣшительный монархистъ и консерваторъ, Квітка —помѣщикъ, державшійся того-же образа мыслей, Петръ Артемовскій-Гулакъ—профессоръ русской исторіи и также отнюдь не отличавшійся вольнодумствомъ, Гречулевичъ (проповѣди котораго во второмъ изданіи были привѣтствованы «Русскою Бесѣдою», органомъ московскихъ славянофиловъ конца 50-хъ годовъ)—священникъ, искренне заботившійся о духовномъ просвѣщеніи своей паствы, которая говорила только по-малорусски, и т. д. Гроза, разразившаяся надъ Кирилло-меѳодіевскимъ братствомъ приблизительно такимъ-же образомъ, какъ надъ кружкомъ Петрашевскаго, показала великорусскимъ либераламъ, что Украинцы — не сплошь невѣжественные и косные мужики и любители этихъ мужиковъ со всею ихъ темнотою, а правительство усмотрѣло въ намѣреніяхъ братства признакъ того, что вредныя ученія проникли и въ эту, до тѣхъ поръ, какъ оно думало, безразличную среду, и даже преувеличило значеніе этого открытія. Но на дѣлѣ и Кирилло-меѳодіевское братство не было такимъ характеристическимъ явленіемъ, по которому представлялось бы возможнымъ опредѣлить отличительныя черты тогдашняго украйнофильства: сущностью этого направленія было просто литературное и народно-воспитательное движеніе южной вѣтви Русскаго народа, сознавшей себя, какъ этнографическую величину, особую отъ вѣтви сѣверной, имѣвшую свое самостоятельное прошлое и тѣмъ пріобрѣтшую право на развитіе не только тѣхъ свойствъ, которыми она примыкаетъ къ Русскому племени вообще, но и своихъ отличій отъ политически господствующей его части, точно такъ-же, какъ эта господствующая часть развиваетъ свои отличія отъ своихъ южныхъ соплеменниковъ,—движеніе, успѣвшее уже кое что создать на пользу южно-русскаго народа, а слѣдовательно и на пользу всего Русскаго племени.

Послѣ сказаннаго понятно, сколько жизни и энергіи должно было внести въ дѣятельность поборниковъ малорусской народности то пробужденіе всего русскаго общества, которымъ отмѣчается вторая половина 50-хъ годовъ. Все то, о чемъ еще недавно едва смѣли мечтать передовые русскіе люди, казалось, готово было осуществиться. Начались толки о близкомъ освобожденіи крестьянъ. Если ожиданіе этого великаго правительственнаго акта возбуждало самыя свѣтлыя и далеко идущія надежды среди Великорусовъ, то каково же было настроеніе народа украинскаго, и въ его дѣятеляхъ, всецѣло преданныхъ демократическимъ идеаламъ, и въ крестьянской массѣ, еще помнившей свободу, которая была отнята у нея всего сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ? И вотъ къ 60-мъ годамъ мы видимъ небывалое оживленіе въ украинской литературѣ. Много книгъ разнообразнаго содержанія на малорусскомъ языкѣ стало появляться не только на Украйнѣ, но и въ Москвѣ, въ Саратовѣ, особенно въ Петербургѣ. Такъ, въ 1857 г. явились первыя повѣсти Марка Вовчка, изображающія печальное положеніе украинскаго простонародья, преимущественно крѣпостныхъ, драматическія произведенія Ващенка-Захарченка, сборникъ Николая Гатцука «Вжинокъ рідного поля», напечатанный въ Москвѣ, въ типографіи Каткова, выдуманною собирателемъ азбукою, которую онъ предложилъ и въ своей позднѣйшей книжкѣ (1863 г.) «Украïнська абетка». Появившійся въ томъже 1857 г по-великорусски историческій романъ Куліша «Чорна рада»

(въ «Русской Бесѣдѣ») былъ напечатанъ и по-малорусски въ 1859 году, когда вышелъ и «Малорусскій литературный сборникъ» Д. Л. Мордовцева и др. Съ 1860 до 1863 г. включительно издано нѣсколько дешевыхъ книжекъ для просвѣщенія простого народа: буквари («граматки»), какъ «Домашня наука» Шейковскаго, свѣдѣнія о космографіи и естественныхъ наукахъ, какъ «Дещо про світъ Божій» и т. п., и самъ Катковъ собиралъ деньги на такія изданія. Въ 1861 и 1862 годахъ издавался научно-литературный журналъ «Основа» подъ редакціей Бѣлозерскаго. Въ томъ-же 1861 г. было оффиціально поручено Кулішу перевести на малорусскій языкъ Положеніе о крестьянахъ. Можно было ожидать полнаго расцвѣта малорусской письменности во всѣхъ родахъ, выработки единаго малорусскаго литературнаго языка, осмысленнаго первоначальнаго обученія малорусскаго простого народа посредствомъ родной его рѣчи...

Правда, въ это время на горизонтѣ внутренней политики собирались все болѣе и болѣе грозныя тучи, изъ которыхъ можно было ожидать грома, но не въ сторону Малороссіи. А между тѣмъ эта гроза нежданно-негаданно оборвалась отчасти и на нее. Для объясненія этого страннаго «похмелья во чужомъ пиру» слѣдуетъ возвратиться отъ 1863 г. на нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ то самое время, какъ Россія готовилась къ освобожденію крестьянъ, Польша мечтала объ освобожденіи изъ-подъ русскаго ига, и польскіе помѣщики правобережной Украйны задумали воспользоваться этими ожиданіями для цѣлей польскаго дѣла, убѣдивъ правительство, что освобожденіе крестьянъ пойдетъ удачно лишь тогда, когда они будутъ достаточно просвѣщены, и такимъ путемъ испросивъ разрѣшеніе на устройство деревенскихъ школъ при помѣщичьихъ домахъ. Образовалось въ Кіевѣ тайное школьное общество для распространенія польщизны въ крестьянской средѣ. Кіевскіе студенты изъ Малорусовъ отвѣтили на эти затѣи въ 1859 году устройствомъ воскресныхъ и другихъ частныхъ низшихъ школъ, къ которымъ вскорѣ присоединилось народное училище въ Бѣлой Церкви, открытое по почину о. Лебединцева, законоучителя тамошней гимназіи, впослѣдствіи протоіерея Софійскаго собора, поборника употребленія малорусскаго языка въ обученіи простого народа и въ проповѣди и перевода Св. Писанія на этотъ языкъ. Въ этихъ школахъ преподаваніе велось какъ по малорусскимъ, такъ и по великорусскимъ книжкамъ. Поляки пустили въ ходъ обвиненіе учителей этихъ школъ въ возбужденіи крестьянства къ мятежу, обзывая ихъ при этомъ хлопоманами, — кличкой, примѣнявшейся впослѣдствіи къ украйнофиламъ и нѣкоторыми великорусскими охранителями, хотя она была изобрѣтена польскими помѣщиками для обозначенія своихъ-же демократовъ. Попечитель Кіевскаго учебнаго округа, Н. И. Пироговъ, подсмѣивался надъ этими доносами, выводя изъ нихъ лишь то, что, значитъ, школы идутъ хорошо, но администрація вдалась въ обманъ, вслѣдствіе чего получались такія странныя явленія, какъ, напр., то, что Кулішева «Граматка», свободно продававшаяся на лѣвомъ берегу Днѣпра, была воспрещена на правомъ. Невѣроятно, но вѣрно, что поляки въ борьбѣ съ украинскими воскресными школами нашли себѣ пособниковъ среди высшаго кіевскаго духовенства. Совокупными усиліями этого страннаго союза былъ вытѣсненъ изъ Кіевскаго Университета ревностный приверженецъ воскресныхъ школъ, популярный между русскими студентами профессоръ русской исторіи Павловъ, состоявшій по назначенію Пирогова инспекторомъ этихъ школъ, но навлекшій на себя непріязнь кіевскаго, впослѣдствіи с.-петербургскаго митрополита Исидора своимъ свободомысліемъ, которое позволило и полякамъ ославить его безбожникомъ и космополитомъ. Какъ-бы для того, чтобы

усугубить противуестественность этого похода противъ малорусской народной школы, къ числу враговъ ея присоединилась и редакція еврейской газеты «Сіонъ», пустившая впервые обвиненіе украинцевъ въ «сепаратизмѣ». Это словечко было немедленно подхвачено Катковымъ и, къ сожалѣнію, Иваномъ Аксаковымъ. Къ этому времени, въ 1862 г., подоспѣли петербургскіе пожары, которые Катковъ приписалъ въ значительной мѣрѣ воскреснымъ школамъ. Вслѣдствіе такого извѣта эти школы были закрыты по всей Россіи, и къ 1863 г., когда вспыхнуло польское возстаніе, въ юго-западной Руси народное образованіе оказалось почти всецѣло въ польскихъ рукахъ. Правда, въ 1862 г. еще держалась русская школа въ Бѣлой Церкви, и митрополитъ кіевскій Арсеній предписалъ священникамъ своей митрополіи завести приходскія школы, но въ то время, какъ и теперь, эти училища значились больше на бумагѣ, а гдѣ и были, едва влачили жалкое существованіе. Однако петербургскіе украйнофилы тѣмъ менѣе падали духомъ, что нашли энергическаго защитника украинскаго народнаго образованія въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія, Головина, назначеннаго по рекомендаціи умнаго, просвѣщеннаго и либеральнаго Великаго Князя Константина Николаевича. Головинъ рѣшительно стоялъ за допущеніе малорусскаго языка въ низшія школы и за распространеніе Евангелія въ малорусскомъ переводѣ, который и былъ предъ тѣмъ представленъ Морачевскимъ правительству для разрѣшенія. Съ цѣлью подготовленія народныхъ учителей въ Кіевѣ была открыта «Временная педагогическая школа», въ которой большинство преподавателей, и при томъ добровольныхъ и безплатныхъ, состояло изъ студентовъ, учившихъ недавно въ воскресныхъ школахъ, но устройство сельскихъ школъ, мысль о которыхъ была сочувственно встрѣчена крестьянствомъ, не могло состояться безъ содѣйствія помѣщиковъ, а на него, конечно, нельзя было разсчитывать. Изданіе малорусскихъ книгъ продолжалось по прежнему, и нѣкоторые изъ украйнофиловъ добивались даже введенія малорусскаго языка въ украинскія училища уже не какъ вспомогательнаго, а какъ главнаго, и въ поддержку этимъ требованіямъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія была напечатана статья Лавровскаго о самостоятельности малорусскаго языка («Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно въ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями»). Однако старанія Головина все чаще разбивались о противодѣйствіе министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева, и Св. Синода съ первоприсутствующимъ митрополитомъ Исидоромъ во главѣ. Въ письмѣ къ Головину отъ 18 іюля 1863 г. Валуевъ возражаетъ противъ его заступничества за права малорусскаго языка тѣмъ, что будто-бы такого языка и нѣтъ, а называютъ малороссійскимъ тотъ-же русскій языкъ, лишь испорченный польскимъ, и что замыслы Малорусовъ не только совпадаютъ съ намѣреніями поляковъ, но и чуть-ли не вызваны польскою интригою. Если бы не были извѣстны подлинныя даты тогдашнихъ событій, трудно было-бы повѣрить, что это сказано черезъ полгода послѣ появленія польскихъ мятежныхъ шаекъ. При сопоставленіи доносовъ тѣхъ самыхъ поляковъ, которые тогда уже вполнѣ раскрыли свои карты, невольно вспоминаются знаменитыя слова ксендза въ комедіи Бомарше: «Клевещите, клевещите: изъ этого всегда что-нибудь да останется». Но весьма вѣроятно, что мысль о связи малорусскаго литературнаго движенія съ политическимъ польскимъ внушена не дѣятелями будущаго возстанія, что̀ было-бы странно, а дѣло не обошлось безъ участія такихъ лицъ, которыя близко знали еще не за долго до того модныя среди украинскихъ поляковъ «балагульство» и «козакофильство», состоявшія во

внѣшнемъ подражаніи малорусскимъ крестьянамъ и прежнимъ казакамъ и отразившіяся въ произведеніяхъ Мальчевскаго, Залѣсскаго, Чайковскаго (Садыкъ-паши) и особенно—Тимка Падуры, но не поведшія ни къ малѣйшему сближенію между польскими помѣщиками и ихъ малорусскими крѣпостными. Какъ бы то ни было, враги духовной самостоятельности малорусскаго племени, и чужіе и свои, добились того, что на малорусскую письменность обрушился тяжкій ударъ. Любопытно, что непосредственной причиной его было не какое-либо неблагонадежное сочиненіе на малорусскомъ языкѣ, а упомянутый выше переводъ Евангелія, тщательно, благоговѣйно и умѣло исполненный инспекторомъ Нѣжинскаго Лицея, Филиппомъ Семеновичемъ Морачевскимъ, смотрѣвшимъ на свой трудъ, какъ на богоугодный подвигъ. Когда этотъ переводъ, горячо одобренный и рекомендованный Академіей Наукъ, поступилъ на благословеніе Св. Синода, оттуда онъ былъ посланъ для оцѣнки и заключенія епископу Калужскому Іакову Миткевичу, шефу жандармовъ князя Долгорукому и Кіевскому генералъ-губернатору Анненкову. Изъ нихъ первый сначала склонялся къ одобренію труда Морачевскаго, но потомъ, уступивъ постороннимъ вліяніямъ, объявилъ его излишнимъ при великорусскомъ переводѣ, понятномъ будто бы всякому Малорусу, второй отозвался умѣренно и неопредѣленно, третій призналъ его «опаснымъ и вреднымъ» потому, что существованіе особой малорусской литературы, дозволеніе котораго вытекаетъ изъ дозволенія Св. Писанія на малорусскомъ языкѣ, повлечетъ за собою отторженіе Малороссіи отъ Россійской державы (чѣмъ, сколько извѣстно, повторилъ доводы своего предшественника, Васильчикова). Нечего и прибавлять, что Св. Синодъ не далъ своего благословенія на обнародованіе перевода Морачевскаго. Но дѣло не ограничилось этимъ отказомъ. Мысль, высказанная Анненковымъ, вошла уже въ обиходъ нѣкоторыхъ правительственныхъ сферъ, и 20 іюня 1863 г. состоялось распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, удостоившееся Высочайшаго одобренія, о пріостановкѣ печатанія книгъ религіозныхъ и учебныхъ на малорусскомъ языкѣ, такъ что примѣненіе этого языка, какъ и сказано прямо въ этой бумагѣ, оказалось разрѣшеннымъ лишь для изящной словесности. Тщетны были протесты Головина: Валуевъ отвѣчалъ на нихъ упомянутымъ выше письмомъ, а его распоряженіе было вскорѣ подтверждено путемъ соглашенія между нимъ и шефомъ жандармовъ (объ этомъ узаконеніи относительно малорусской литературы и о послѣдовавшихъ за нимъ ср. приложенія I и VIII).

Украинская литература, полная надеждъ на лучшее будущее, была разомъ пришиблена: ея дѣятелямъ, не смотря на разнообразіе ихъ призваній, оставалось довольствоваться писаніемъ безвредныхъ, но и безполезныхъ разсказиковъ и стишковъ, а если они хотѣли преподать народу кое-какое поученіе по части сельскаго хозяйства, вопросовъ нравственныхъ или чего-бы то ни было изъ круга знаній, доступныхъ и нужныхъ простолюдину, они были вынуждены, наперекоръ свойству предмета и направленію своихъ способностей, предлагать такое поученіе въ беллетристической формѣ, чему не мало примѣровъ, смѣшныхъ для непосвященнаго въ эту тайну и глубоко прискорбныхъ и досадныхъ для знающаго ее, нетрудно привести вплоть до настоящаго времени.

Но стремленіе образованныхъ украинцевъ къ просвѣщенію своей меньшей братіи, любовь къ своему языку, уже испытавшему свои силы на разныхъ поприщахъ, наконецъ, и естественная реакція противъ незаслуженнаго гоненія, почти отнявшаго у нихъ право на пользованіе родною рѣчью, не только спасли ихъ отъ унынія, но и заставили подумать о сред-

ствахъ къ удовлетворенію своей законной потребности въ словесномъ общеніи съ непросвѣщенными земляками. Это средство было подъ рукою: за австрійскимъ рубежомъ, въ Галиціи, такіе-же Малорусы, какъ наши, говорятъ, пишутъ и печатаютъ на своемъ языкѣ невозбранно. И вотъ, литературная работа украинцевъ переносится во Львовъ къ великой пользѣ и гордости Австріи, но и къ не меньшему, если не еще большему, вреду и униженію Россіи. Со второй половины 60-ыхъ годовъ Галицкая малорусская письменность начала расширяться и совершенствоваться въ такой мѣрѣ, о какой при своихъ мѣстныхъ силахъ она едва-ли когда могла бы мечтать (ср. приложеніе IV). Нисколько не умаляя дарованій и учености зарубежныхъ Малорусовъ, можно смѣло сказать, что, помимо значенія всякаго прилива новыхъ сотрудниковъ, присоединеніе къ нимъ соплеменниковъ изъ Россіи имѣло для поднятія ихъ литературы важность особенную, такъ какъ 1) даровитыхъ людей между нашими Малорусами должно быть больше, чѣмъ у австрійскихъ, уже по той простой причинѣ, что первые чуть не въ десятеро многочисленнѣе послѣднихъ (ср. приложеніе IX), 2) наши, отчасти по той-же причинѣ, гораздо богаче зарубежныхъ. И всѣ эти дарованія и деньги, которыя, будучи употреблены на мѣстѣ, принесли бы Россіи неисчислимую пользу, стали уходить за границу на созданіе такого умственнаго центра, на который почти всякій украинскій писатель съ тѣхъ поръ всецѣло возлагаетъ свои надежды, если въ своемъ литературномъ творчествѣ выйдетъ изъ тѣсныхъ рамокъ безразличной беллетристики. А между тѣмъ такой центръ могъ бы, — нѣтъ! долженъ былъ бы находиться въ предѣлахъ Россійской Имперіи, въ которой живетъ огромное, подавляющее большинство малорусовъ. Но и для этого большинства перенесеніе литературной дѣятельности въ Галицію послужило далеко не полнымъ вознагражденіемъ за утрату права на родное слово въ отечествѣ, такъ какъ сочиненія, написанныя въ Россіи и напечатанныя во Львовѣ, лишь рѣдко доходили до тѣхъ, кому они были предназначены, и такимъ образомъ по большей части не достигали своей главной цѣли, а необходимѣйшій источникъ духовнаго просвѣщенія, Св. Писаніе, которымъ галицкіе Малорусы свободно пользуются въ переводѣ на ихъ родной языкъ, было доступно украинскому простонародью лишь въ церковно-славянскомъ или въ великорусскомъ переводѣ, что̀ равняется тому, что оно вовсе не было ему доступно. Какая тяжкая ошибка съ точки зрѣнія политики, и внутренней и внѣшней! И какъ она очевидна, особенно послѣ того, что̀ уже случилось! И тѣмъ не менѣе эта роковая ошибка не только не была исправлена, но черезъ 13 лѣтъ еще усугублена.

Распоряженіе 1863 г., какъ и всѣ подобныя ему мѣры, вызванныя не дѣйствительными потребностями государства, а кабинетными соображеніями отдѣльныхъ государственныхъ людей, не всегда ясно отличающихъ явленія жизни отъ ихъ бумажнаго отраженія, сначала исполнялось неукоснительно, но къ 70-ымъ годамъ, послѣ того, какъ правительственный персоналъ отчасти измѣнился, недовѣріе къ Малорусамъ какъ-бы ослабѣло. Въ 1872 г. было разрѣшено устройство южно-русскаго отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ. Это учрежденіе объединило и оживило дѣятельность украинскихъ статистиковъ, этнографовъ и другихъ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ своей родины, и совершенно естественно выдвинуло снова на очередь вопросъ о народномъ обученіи. Въ 1873 г. Костомаровъ вновь завелъ рѣчь о популярно-научныхъ книгахъ. Но снова явилось и недоброжелательство. М. Юзефовичъ, въ 1863 г. издавшій брошюру «La question Russo-polonaise jugée par un petit-russien» въ доказательство полной неза-

висимости малорусскихъ интересовъ отъ польскихъ, въ 70-ыхъ годахъ уже тайный совѣтникъ и предсѣдатель Кіевской археографической коммиссіи, забилъ тревогу въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Кіевлянинѣ». Его сообщенія были приняты къ свѣдѣнію, и въ 1876 г. въ Петербургѣ собралась коммиссія изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, оберъ-прокурора Св. Синода, шефа жандармовъ и Юзефовича. Въ этой коммиссіи было рѣшено наложить слѣдующія ограниченія на малорусскую письменность: 1) ввозъ малорусскихъ какихъ-бы то ни было книгъ и брошюръ изъ-за границы воспретить, 2) печатаніе и изданіе малорусскихъ произведеній и переводовъ въ Имперіи воспретить, кромѣ: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, изъ которыхъ первые предписано печатать съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ, а вторые — безо всякихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго (т. е. великорусскаго) правописанія и только по разсмотрѣніи рукописей въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, 3) малорусскія сценическія представленія и чтенія, а также слова при нотахъ воспретить. Эти постановленія были представлены Императору Александру II, лѣчившемуся въ то время въ Эмсѣ, и тамъ удостоились Высочайшаго утвержденія. Такъ состоялся законъ $^{18}/_{30}$ мая 1876 г. Но обнародованъ онъ не былъ, и тѣ, которыхъ онъ ближе всего касался, догадывались объ его существованіи мало по малу, не получая книгъ, выписываемыхъ ими изъ Галиціи, терпя отказы въ пропускѣ своихъ произведеній, написанныхъ безъ *ъ* и *ы*, тщетно добиваясь разрѣшенія малорусскаго спектакля или концерта или находя въ рукописяхъ своихъ сборниковъ малорусскихъ пѣсенъ пощаженными только ноты. Въ Великой Россіи многіе узнали объ этомъ законѣ впервые года черезъ два или три по его утвержденіи изъ статьи въ Revue des deux mondes «La liberté en Russie», куда свѣдѣнія о немъ проникли, можетъ быть, изъ брошюры Драгоманова, представленной имъ парижскому съѣзду литераторовъ. Но явно-ли, тайно-ли, этимъ закономъ малорусская письменность въ Австріи была еще болѣе отрѣзана отъ русскихъ интересовъ и окончательно сдѣлана орудіемъ протеста и враждебной русскому правительству пропаганды, а въ Россіи отдана на полный произволъ цензурѣ или, вѣрнѣе, личному усмотрѣнію того или другого начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати или его помощниковъ, и для того, чтобы напечатать «И шуме и гуде, дрібний дощик иде», приходилось обращаться во Львовъ. И среди этихъ новыхъ ограниченій оказывается одна льгота сравнительно съ распоряженіемъ 1863 г.: разрѣшено издавать историческіе памятники и документы. Какому благодѣтелю малорусская литература обязана этимъ частичнымъ расширеніемъ правъ? По всей вѣроятности, самому виновнику этого суда надъ украинской письменностью, предсѣдателю Кіевской археографической коммиссіи, которому обнародованіе документовъ было, конечно, весьма желательно, но казалось неудобнымъ, хотя и не совсѣмъ невозможнымъ, въ обходъ закона послѣ того, какъ онъ самъ явился въ нѣкоторомъ родѣ законодателемъ.

Съ закономъ 1876 г., какъ и слѣдовало ожидать, повторилось то-же, что̀ было съ закономъ 1863 г., только чуть-ли не еще скорѣе, и на первый разъ вслѣдствіе не какихъ-либо украйнофильскихъ происковъ, а произвола или недоумѣнія цензурнаго вѣдомства. 26 іюля 1876 г. духовная цензура запретила представленное ей С.-Петербургскимъ комитетомъ цензуры иностранной галицкое изданіе «Оповѣдане про жите св. мучениковъ Бориса и Глѣба», какъ написанное по-малорусски; но иностранная цензура обратила вниманіе Главнаго Управленія на то, что книжка напечатана церков-

ными буквами,—и Главное Управленіе разрѣшило ее. Судя по тому, что это распоряженіе было повторено 1 апрѣля 1880 г., оно осталось тогда безъ исполненія, но во второй разъ оно должно было возъимѣть надлежащее дѣйствіе, будучи подкрѣплено соображеніемъ, что употребленіе церковнаго шрифта «въ малороссійскихъ изданіяхъ представляется весьма желательнымъ», хотя, если-бы, напримѣръ, пѣсенка въ родѣ «Ой, Семене, Семене, Чом не ходиш до мене?» появилась отпечатанною буквами Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, такое противорѣчіе формы съ содержаніемъ неизбѣжно вызвало-бы репрессію со стороны той-же цензуры, которая нашла-бы въ немъ—и совершенно справедливо—нѣчто весьма похожее на кощунство. Объ ослабленіи бдительности Главнаго Управленія позволительно догадываться по тѣмъ случаямъ, въ которыхъ можно установить, по крайней мѣрѣ, предварительную работу мѣстныхъ цензурныхъ комитетовъ и цензоровъ надъ малорусскими рукописями, представленными для разрѣшенія къ печати. 9 іюня 1878 г. Одесскому временному присутствію по внутренней цензурѣ было предписано представлять рукописи на малороссійскомъ нарѣчіи не иначе, какъ съ заключеніемъ о содержаніи ихъ въ чисто цензурномъ отношеніи, изъ чего, повидимому, слѣдуетъ, что оцѣнка сочиненій по существу предоставлялась мѣстной цензурѣ. За то съ формальной стороны Главное Управленіе отнюдь не отказывалось отъ своего авторитета, какъ видно, напр., изъ запрещенія поэмы В. Бѣлаго «Марко проклятый» (1 апрѣля 1878 г.), уже просмотрѣнной С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ и отпечатанной въ корректурѣ, за то, что авторъ пишетъ *і* вмѣсто *и*. Вѣрность закону 1876 г. проявилась и въ запретѣ, наложенномъ 26 мая того-же года на третій выпускъ «Збирныка писень» Лисенка (съ одобреннымъ цензурой правописаніемъ), но 25 мая слѣдующаго года была «дозволена къ обращенію въ Россіи» учебная книга «Руска читанка для высшои гимназіи. Уложивъ Александеръ Барвиньскій. У Львовѣ. 1870» въ трехъ частяхъ, и состоялось это разрѣшеніе въ отвѣтъ на запросъ все той-же иностранной цензуры, въ тѣ годы, очевидно, болѣе свободомысленной, нежели внутренняя.

Либеральныя вѣянія 1880 г. отразились и на малорусской литературѣ. 8 декабря этого года съ Высочайшаго соизволенія была внесена Костомаровымъ въ Академію Наукъ премія его имени за составленіе малорусскаго словаря. 12 января 1881 г. Кіевскій (нынѣ Варшавскій) генералъ-губернаторъ М. И. Чертковъ вошелъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ длинной запиской, исходнымъ пунктомъ которой послужила просьба Лисенка о допущеніи третьяго выпуска его сборника малорусскихъ пѣсенъ, напечатаннаго въ Лейпцигѣ, къ обращенію въ Россіи, а дальнѣйшее содержаніе направлено на защиту Малорусовъ отъ подозрѣній въ сепаратизмѣ и на доказательство возможности полнаго уравненія малорусскихъ литературныхъ и музыкальныхъ произведеній въ правахъ относительно цензуры съ великорусскими. 13-го того-же января временный Харьковскій генералъ-губернаторъ князь Дондуковъ-Корсаковъ по поводу двухъ присланныхъ ему малорусскихъ книгъ также представилъ обширную, но довольно неопредѣленную записку о правахъ малорусскаго языка, впрочемъ отчасти въ пользу малорусской письменности и, между прочимъ, сценическихъ представленій, исполненія пѣсенъ и печатанія ихъ съ текстами. Слѣдствіемъ этихъ записокъ былъ докладъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева Императору Александру III и Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ правилъ 1876 г. Состоялось особое совѣщаніе при участіи тайнаго совѣтника К. П. Побѣдоносцева, статсъ-секретарей Островскаго и Сольскаго и исправляющаго должность начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати, гофмейстера

князя Вяземскаго. На этомъ совѣщаніи было рѣшено правила 1876 г. сохранить, но дополнить слѣдующими постановленіями: 1) разрѣшить печатаніе малорусскихъ словарей подъ условіемъ соблюденія правописанія или обще-русскаго или употреблявшагося не позже XVIII в.; 2) разрѣшеніе сценическаго представленія малорусскихъ пьесъ и публичнаго исполненія малорусскихъ пѣсенъ и куплетовъ, дозволенныхъ цензурою, поставить въ зависимость отъ усмотрѣнія высшихъ мѣстныхъ властей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а допущеніе печатанія малорусскихъ текстовъ при нотахъ, не иначе, какъ съ соблюденіемъ обще-русскаго правописанія, предоставить Главному Управленію по дѣламъ печати; 3) воспретить устройство спеціально малорусскаго театра и формированіе труппъ для исполненія исключительно малорусскихъ пьесъ. Эти постановленія были Высочайше утверждены 8 октября 1881 г., но не обнародованы, а лишь сообщены соотвѣтствующимъ органамъ управленія «конфиденціально». Данныя, на которыхъ построены эти постановленія, очевидны: это—премія Костомарова за составленіе малорусскаго словаря, которую странно было-бы отклонить, и съ одной стороны ходатайства Кіевскаго и Харьковскаго генералъ-губернаторовъ за малорусскую сцену и пѣсню, а съ другой—страхъ передъ возможностью возникновенія особаго малорусскаго театра, усиленный, конечно, старымъ призракомъ украинскаго сепаратизма, какъ можно заключить изъ дважды повтореннаго требованія такъ называемаго обще-русскаго правописанія.

Итакъ, Высочайше предписанное разсмотрѣніе закона 1876 г., который и самъ далеко не былъ свободенъ отъ вліянія случайности, было произведено не на основаніи всесторонняго изученія вопроса, а при помощи лишь кое-какого новаго матеріала, случайно попавшаго подъ руку. Впрочемъ, называя данныя закона 1881 г. случайными, мы должны оговориться. Случайны они только въ смыслѣ своей неполноты, но никакъ не происхожденія: одновременное заступничество обоихъ высшихъ представителей администраціи на Украйнѣ за духовные интересы мѣстнаго населенія, хотя, можетъ быть, и было вызвано непосредственно какимъ-нибудь запросомъ сверху, важно само по себѣ въ качествѣ краснорѣчиваго свидѣтельства о давно назрѣвшихъ потребностяхъ ввѣреннаго имъ края,—свидѣтельства, тѣмъ болѣе цѣннаго, что его нельзя заподозрѣть ни въ преступной тенденціозности, ни въ легкомысленной поспѣшности. М. И. Чертковъ, вѣрность котораго видамъ Государства и административная опытность не могутъ быть подвержены ни малѣйшему сомнѣнію, счелъ своимъ долгомъ вступиться за права малорусской литературы въ полномъ ея объемѣ; князь Дондуковъ-Корсаковъ не пошелъ въ своей запискѣ такъ далеко, потому что не былъ чуждъ ходячаго въ нѣкоторыхъ сферахъ недовѣрія къ Малорусамъ, однако былъ вынужденъ приблизительно къ такому-же отзыву вѣскими фактами, на нѣкоторые изъ которыхъ онъ и ссылается.

Законъ 1881 г. въ силу свойства данныхъ, изъ которыхъ почерпнуто его содержаніе, внесъ въ законодательство объ Украйнѣ извѣстнаго рода облегченія, но гораздо меньшія, чѣмъ, можетъ быть, казалось его составителямъ. Употребленіе обще-русскаго, т. е. на самомъ дѣлѣ великорусскаго, правописанія въ малорусскихъ текстахъ есть вообще затѣя неисполнимая, потому что правописаніе неизбѣжно подчиняется фонетикѣ, а въ работахъ лингвистическихъ, какъ словарь, представляется дѣломъ прямо немыслимымъ, и потому попытку составленія малорусскаго словаря подъ такимъ условіемъ можно уподобить покушенію съ негодными средствами, въ чемъ легко убѣдиться путемъ попытки обратной—составленія великорусскаго словаря «кулішівкою». Что́ до примѣненія «правописанія, употреблявшагося въ Ма-

лороссіи не позже XVIII вѣка», то, не говоря уже о произвольности такого обязательства, упомянутое здѣсь правописаніе есть величина совершенно миѳическая, такъ какъ всякій писалъ въ то время болѣе или менѣе по своему и, если-бы мы вздумали подражать Малорусамъ XVII и XVIII в.в., у насъ явились-бы, напр., написанія *пѣпъ*, *тѣлько*, *вѣнъ*, какъ писалъ Некрашевичъ, вмѣсто *пôпъ*, *тôлько*, *вôнъ* или *піп*, *тілько*, *він*. Разрѣшеніе малорусскихъ спектаклей лишь съ особаго каждый разъ дозволенія мѣстнаго высшаго начальства равняется въ дѣйствительности почти полному воспрещенію правильно функціонирующаго театра, хотя-бы и смѣшаннаго по языку даваемыхъ пьесъ. Но и эта обязательная смѣшанность — если только она предполагалась для каждаго спектакля, какъ была осуществлена на практикѣ, — сама по себѣ должна была весьма стѣснительно отозваться на объемѣ ставимыхъ на сцену драматическихъ произведеній, т. е. на всемъ репертуарѣ. Запретъ формированія чисто малорусскихъ труппъ или требовалъ двойного состава, непосильнаго частнымъ театрамъ, или исключалъ возможность подготовки хорошихъ актеровъ, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы могла образоваться путная сценическая школа при постоянныхъ переходахъ отъ «Назара Стодоли» къ «Татьянѣ Рѣпиной» или къ «Королю Лиру» и отъ «Пошились у дурні» къ «Горю отъ ума» или къ «Врачу поневолѣ». Однако законъ 1881 г. оказался все-таки облегченіемъ, благодаря тому, что сами тѣ, кому пришлось наблюдать за его исполненіемъ, сознавали или чувствовали несоотвѣтствіе между его цѣлями, сравнительно либеральными, и редакціей, парализующей эти цѣли. Собиратели матеріаловъ для словаря записывали слова фонетической азбукой тѣмъ смѣлѣе, что видѣли уже не одинъ примѣръ цензурнаго допущенія книгъ, написанныхъ такимъ образомъ, а театральные антрепренеры для того, чтобы выиграть время, нужное для представленія болѣе или менѣе длиннаго малорусскаго драматическаго произведенія, ограничивали часть великорусскую постановкой передъ нимъ или послѣ него водевильчика или сценки, которые и разыгрывались, пока съѣзжалась или разъѣзжалась публика,—разыгрывались формально и безучастно, при чемъ, напр., актеръ, изображавшій прогорѣвшаго франтика, говорилъ, что онъ только-что «проковтнув» сотню устрицъ и т. п. Въ 1884 г. Главное Управленіе по дѣламъ печати обратило вниманіе губернаторовъ на такой обходъ закона, но изъ этого замѣчанія ничего не вышло. Понемногу стали проскальзывать въ печать переводы съ великорусскаго языка на малорусскій, и въ 1892 г. Главное Управленіе напомнило цензорамъ незаконность этого явленія, впрочемъ по тексту правилъ 1876 г. весьма спорную, и кстати старалось поощрить ихъ бдительность относительно и оригинальныхъ малорусскихъ произведеній, которыя они должны «съ особою строгостью и вниманіемъ разсматривать, подвергая исключеніямъ и запрещая при этомъ не только все, противорѣчащее общимъ цензурнымъ правиламъ, но при малѣйшемъ къ тому поводѣ, по возможности, сокращая число такихъ бездарныхъ произведеній въ цѣляхъ чисто государственныхъ» (предложеніе Гл. Упр. по д. п. С.-Петербургскому Цензурному Комитету отъ 8 января 1892 г. за № 96). Въ 1894 г. подтверждено въ самой рѣзкой формѣ запрещеніе ввоза малорусскихъ книгъ изъ-за границы. Въ 1895 г. воспрещены малорусскія книги для дѣтскаго чтенія, чтó въ сущности есть также повтореніе прежняго запрета, содержащагося въ постановленіяхъ 1863, 1876 и 1881 гг. Довольно было-бы и этихъ неоднократныхъ повтореній того, чтó уже значится въ прежнихъ законахъ (впрочемъ не обнародованныхъ), для доказательства полнаго противорѣчія этихъ законовъ условіямъ и потребностямъ дѣйствительной жизни.

Прежде чѣмъ перейти къ тому заключенію, которое должно быть естественнымъ выводомъ изъ предыдущихъ нашихъ разсужденій, остается разсмотрѣть тѣ аргументы, къ которымъ прибѣгали правительственныя лица и учрежденія, а также публицисты для того, чтобы оправдать законность стѣснительныхъ мѣръ, ограничившихъ свободу малорусскаго печатнаго слова. Сдѣлать это необходимо: многіе аргументы таковы, что къ нимъ возможно вернуться во всякое время и при всякихъ новыхъ условіяхъ: они именно основаны на соображеніяхъ общаго характера, а не на тѣхъ дѣйствительныхъ потребностяхъ населенія малорусскаго края, которыя однѣ, какъ намъ кажется, должны имѣть рѣшающее значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ.

Аргументы эти переносятъ насъ прежде всего въ область культурной исторіи русской народности: этой исторіей, по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ, должно опредѣлиться отношеніе малорусской литературы къ литературѣ «общерусской» и малорусскаго языка къ языку «общерусскому». Остановимся сначала на вопросѣ о языкѣ. Точно ли мы въ правѣ говорить объ языкѣ «общерусскомъ»? Не подлежитъ сомнѣнію, что предки Великорусовъ и Малорусовъ говорили нѣкогда на одномъ языкѣ: этотъ языкъ, не дошедшій до насъ въ письменныхъ памятникахъ и возстановляемый предположительно, въ наукѣ принято называть языкомъ «общерусскимъ». Но, конечно, не его имѣютъ въ виду при противоположеніи малорусскаго «общерусскому». Еще въ эпоху доисторическую «общерусскій» языкъ представлялъ въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ рѣзкія діалектическія отличія, дающія основанія допускать исконное дѣленіе Русскаго племени на три группы: сѣвернорусскую, среднерусскую и южнорусскую. Южнорусскіе памятники древней нашей письменности XI и XII вѣковъ, какъ впервые доказано нашимъ почтеннымъ сочленомъ академикомъ А. И. Соболевскимъ, представляютъ рядъ типическихъ особенностей малорусской рѣчи: изъ нихъ можно съ увѣренностью заключить о значительномъ удаленіи южнорусскихъ (малорусскихъ) говоровъ какъ отъ среднерусскихъ, такъ и отъ сѣвернорусскихъ уже въ періодъ до-татарскій. Этому удаленію не могло помѣшать и то политическое объединеніе русскихъ племенъ, которое видимъ въ X и XI вѣкахъ: напротивъ, распаденіе русской земли на удѣлы, усиленіе новаго политическаго центра въ бассейнѣ Оки и верхняго теченія Волги, паденіе Кіева во второй половинѣ XII столѣтія — все это въ значительной степени обособляетъ югозападную Русь, а нашествіе Татаръ довершаетъ это обособленіе. Позже, въ предѣлахъ литовско-русскаго государства, южнорусскія племена находятъ условія для сближенія съ другими русскими племенами, а именно съ той западной вѣтвью среднерусскихъ племенъ, которая легла въ основаніе бѣлорусской народности. Восточная же вѣтвь среднерусовъ, объединенная Москвой съ племенами сѣвернорусскими, входитъ вмѣстѣ съ послѣдними въ составъ великорусской народности. Только позднѣйшая колонизація XVII и XVIII вѣковъ сближаетъ великорусскія и малорусскія племена въ бассейнахъ Сейма, Донца и Дона. Такимъ образомъ историческія условія содѣйствовали полному разобщенію югозападной Россіи (Малороссіи) и области, занятой Великорусами: отсюда существенныя отличія въ языкѣ обѣихъ народностей — великорусской и малорусской. Историческая жизнь этихъ народностей не создала общаго для нихъ языка; она, напротивъ, усугубила тѣ діалектическія отличія, съ которыми предки Малорусовъ, съ одной стороны, Великорусовъ—съ другой, выступаютъ въ началѣ нашей исторіи. И конечно, живой великорусскій языкъ, на которомъ говоритъ народъ въ Москвѣ, Рязани, Ярославлѣ, Архангельскѣ, Новгородѣ, не можетъ

быть названъ «общерусскимъ», въ противоположность малорусскому языку Полтавы, Кіева или Львова.

Но не имѣются ли основанія признать общерусскимъ нашъ литературный языкъ? Не образовался ли онъ совокупными усиліями всѣхъ русскихъ народностей, не отразилъ ли онъ въ себѣ особенности всѣхъ русскихъ нарѣчій? По неоднократно высказывавшемуся замѣчанію нѣкоторыхъ публицистовъ, Малорусы играли видную роль въ созданіи и въ выработкѣ нашего литературнаго языка. Для доказательства этого положенія признается достаточнымъ упомянуть о вліяніи малорусскихъ писателей и ученыхъ дѣятелей XVII и XVIII в.в. сначала на московскую образованность, а затѣмъ и на Петровскія реформы. Дѣйствительно, вліяніе это отразилось и на нашемъ литературномъ языкѣ, но оно было преходящимъ: усилія великихъ писателей нашихъ все болѣе сближали книжный языкъ съ народнымъ, и ничто еще не остановило того направленія, которое уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка сдѣлало нашъ литературный языкъ вполнѣ великорусскимъ, освободивъ его, между прочимъ, отъ наноснаго малорусскаго произношенія, не чуждаго, по указанію профессора Будде, языку Ломоносова и Сумарокова. Великорусскій литературный языкъ, въ основаніи своемъ представляющій пеструю смѣсь церковнославянскихъ элементовъ (въ области лексической и отчасти грамматической) съ элементами живой рѣчи великорусскихъ племенъ, съ давняго времени, можно сказать съ XIV в., пріобрѣталъ все болѣе и болѣе народную окраску. Его развитіе именно въ этомъ направленіи было останавливаемо два раза—первый разъ въ XV вѣкѣ, когда ему пришлось выдержать борьбу съ вновь нахлынувшими со славянскаго юга, благодаря сербскимъ и болгарскимъ ученымъ, инославянскими элементами; второй разъ—въ XVII вѣкѣ, когда его наводнили особенности малорусской книжной рѣчи. Но великорусская стихія оба раза вышла побѣдительницей, и нашу литературную рѣчь, рѣчь образованныхъ классовъ и письменности всѣхъ родовъ, должно признать вполнѣ великорусскою. Основаній назвать теперь эту рѣчь «общерусскою» мы не видимъ, ибо она не представляетъ изъ себя амальгамы, въ которой бы, хотя и неравномѣрно, отразились особенности всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчій.

Правда, нашъ великорусскій литературный языкъ пріобрѣлъ общерусское значеніе: въ извѣстной степени этому содѣйствовало то обстоятельство, что силой вещей онъ сталъ языкомъ государственнымъ; но главнымъ образомъ, это зависѣло отъ культурнаго роста великорусской народности, отъ развитія ея литературы и школьной образованности. Реформы Петра Великаго, сблизившія Россію съ Западомъ, усилили просвѣтительное значеніе великорусскихъ центровъ, Москвы и Петербурга, и втянули въ одну общую жизнь Великую и Малую Россію: послѣдней нечего было противопоставить той свѣтской образованности, которая, благодаря данному Петромъ Великимъ направленію, неудержимымъ потокомъ разлилась по лицу всей объединенной московскими государями Русской земли. Этимъ опредѣлилось проникновеніе великорусскаго языка на югъ, въ малорусское Приднѣпровье. Книжная рѣчь малорусская вырабатывалась въ XVI и XVII вѣкахъ на основѣ двухъ письменныхъ языковъ — церковнославянскаго и западнорусскаго, въ свою очередь проникшагося польскими элементами; въ значительно меньшей степени, чѣмъ книжная рѣчь великорусская, она приблизилась къ языку народа, и этимъ прежде всего объясняется постигшая ее во второй половинѣ XVIII вѣка судьба: она забывается и безъ всякой борьбы уступаетъ мѣсто великорусскому литературному языку.

Подъемъ культуры, образованности, о которомъ мы только что гово-

рили, завершается такимъ образомъ естественнымъ вытѣсненіемъ книжнаго малорусскаго языка языкомъ великорусскимъ. Но этотъ же подъемъ вызываетъ къ жизни факторы, въ предшествующую эпоху почти не находившіе себѣ исхода и законнаго выраженія. Русскій человѣкъ настолько охватывается свѣтскимъ просвѣщеніемъ, что онъ не можетъ уже довольствоваться тѣмъ, что̀ давало его предкамъ церковное образованіе, оставлявшее безъ отвѣта бо̀льшую часть потребностей мыслящаго и чувствующаго существа,—пользованіемъ церковнымъ и далекимъ отъ родного книжнымъ языкомъ. Съ появленіемъ свѣтской образованности, письменность, не переставая удовлетворять религіознымъ потребностямъ, дѣловымъ нуждамъ, открываетъ для русскаго человѣка возможность выражать и чувства и думы въ новыхъ, непривычныхъ для его предковъ формахъ. И это прежде всего отражается на сближеніи книжной рѣчи съ разговорной, литературнаго языка съ языкомъ повседневныхъ чувствъ и мыслей. Мы видѣли, какъ успѣшно, благодаря именно свѣтской образованности, освободился великорусскій литературный языкъ отъ наносныхъ элементовъ, чуждаго произношенія, необычныхъ словъ. Въ Малой Россіи, гдѣ книжный малорусскій языкъ былъ уже забытъ и оставленъ, та же свѣтская образованность должна была вызвать другое, хотя и сходное, явленіе: живой разговорный языкъ становится письменнымъ языкомъ. Мысли и чувства Малоруса неудержимо рвутся на бумагу, и ему нѣтъ иного исхода, какъ выразить ихъ обычнымъ своимъ просторѣчіемъ, ибо чуждый ему великорусскій литературный языкъ не можетъ стать проводникомъ родной его рѣчи, не можетъ и, по существу своему, не долженъ быть съ нею сближенъ и сравненъ. Реформы Петра Великаго вывели Россію на путь свѣтской образованности: въ результатѣ, съ одной стороны, книжный великорусскій языкъ сравнялся съ разговорнымъ языкомъ Великорусовъ, а съ другой, разговорный языкъ Малорусовъ сталъ языкомъ новой малорусской письменности. Не допустить законность и естественность этого послѣдняго результата—равносильно было бы признанію того, что свѣтская образованность не коснулась Малоруса; это было бы равносильно признанію того, что на сѣверѣ—въ Москвѣ и Петербургѣ—свѣтская образованность должна была сблизить языкъ разговорный и письменный, давъ первому изъ нихъ перевѣсъ, на югѣ же, въ Кіевѣ, та же свѣтская образованность должна была только замѣнить старый письменный языкъ новымъ, еще болѣе отличнымъ отъ разговорнаго, еще болѣе ему чуждымъ.

Публицисты, отрицавшіе право существованія малорусскаго книжнаго языка, охотно ссылались на Бѣлоруссію: они запугивали русское правительство и русское общество перспективой требованія свободы для бѣлорусскаго печатнаго слова. Что скажетъ будущее, не знаемъ; но прошлое ясно свидѣтельствуетъ, что бѣлорусская интеллигенція ополячилась тогда, когда Великорусы и Малорусы еще свято блюли свои книжные языки. И у этой интеллигенціи не было ни охоты, ни основанія прибѣгать къ народному языку, между тѣмъ какъ Малорусы сдѣлали это въ силу крайней необходимости.

Законностью и естественностью возникновенія малорусскаго письменнаго языка опредѣляется законность и всего дальнѣйшаго его развитія. Источникомъ его былъ, какъ мы видѣли, живой разговорный языкъ—живой разговорный языкъ украинской интеллигенціи, взросшей въ совершенно отличныхъ условіяхъ отъ интеллигенціи великорусской. Она и въ XVIII вѣкѣ и позже, въ XIX, продолжала воспринимать польскую культуру, которой не пришлось вытѣснить ни Москвѣ, ни Петербургу, и это несмотря на весьма

упорное проникновеніе элементовъ культуры великорусской, поддержанной и общей вѣрой и общими государственными интересами. Такимъ образомъ, въ разговорномъ языкѣ украинской интеллигенціи, ставшемъ письменнымъ языкомъ съ начала XIX вѣка, появляются въ качествѣ наносныхъ элементовъ на народной малорусской основѣ, съ одной стороны, польскіе, съ другой великорусскіе слова и обороты. И въ будущемъ оба указанные письменные языка — польскій и великорусскій — должны служить источниками обогащенія малорусской письменной рѣчи. Обращеніе къ этимъ источникамъ вполнѣ законно: перевѣсъ будетъ принадлежать тому изъ обоихъ языковъ, который сумѣетъ привязать къ себѣ малорусскую литературу тѣсными, братскими узами. Вліяніе великорусскаго письменнаго языка на Малорусскій, казалось, было вполнѣ обезпечено при тѣхъ условіяхъ, при какихъ возникла новая письменность: по-малорусски начинаютъ писать люди, отлично владѣвшіе великорусскимъ языкомъ; малорусскія книжки появляются въ центрахъ великорусской образованности; литературныя произведенія Малорусовъ печатаются въ великорусскихъ журналахъ и сборникахъ. Но отмѣченныя выше цензурныя стѣсненія 1863 и 1876 годовъ, какъ мы видѣли, переносятъ литературную дѣятельность Малорусовъ въ Зарубежную Русь: здѣсь она развивается подъ сильнымъ вліяніемъ польской и нѣмецкой литературы и совершенно естественно пропитывается польскими элементами въ области лексики и синтаксиса. Малорусскому языку галицкой письменности ставятся въ укоръ эти его польскіе элементы, эта чуждая украинскому слуху окраска, которой онъ подвергся во Львовѣ. Но польскіе элементы не затемнили народной основы языка: они заняли только мѣсто тѣхъ великорусскихъ элементовъ, вторженіе коихъ было бы неизбѣжно при широкомъ и свободномъ развитіи малорусской письменности на Украйнѣ. Обогащеніе иноязычными элементами—это удѣлъ каждаго литературнаго языка (западноевропейскіе элементы въ нашей великорусской рѣчи доказываютъ, что отъ вліянія иноземщины не обезпечены даже весьма развитые письменные языки). Но совершенно неизбѣжнымъ становится вліяніе сосѣднихъ языковъ, когда языки эти принадлежатъ родственному племени: такъ польскій литературный языкъ отразилъ на себѣ вліяніе чешскаго, а польскіе пуристы ведутъ безплодную и утомительную борьбу съ вліяніемъ великорускимъ; такъ словенскій языкъ проникся элементами сербско-хорватскими; такъ болгарскій языкъ весь насквозь пропитанъ великорусской стихіей. И такъ же точно нельзя было малорусскому языку уберечься ни отъ великорусскаго, ни отъ польскаго вліянія. Умѣніе воспользоваться иноязычными элементами, отсутствіе боязни къ нимъ, смѣлое отношеніе къ новому лексическому матеріалу — весьма часто свидѣтельствуютъ о силѣ и крѣпости юнаго литературнаго языка, неудержимо стремящагося къ все большему захвату въ области выраженія человѣческихъ мыслей и чувствъ.

Развитіе литературнаго языка идетъ, конечно, параллельно съ развитіемъ самой письменности. Многіе великорусскіе публицисты ставили вопросъ, нужна ли вообще малорусская письменность? Другіе желали ограничить область распространенія этой письменности нѣкоторыми опредѣленными рамками: естественнымъ признавалось писаніе по-малорусски стиховъ и разсказовъ изъ народнаго быта; умѣстнымъ казалось собирать народныя пѣсни и сказки; наконецъ, для малорусскаго языка отводилась, пожалуй, и вся область изящной словесности. Но переступать за эту область ему возбранялось, возбранялось публицистами, вслѣдъ за правительственными распоряженіями, въ интересахъ именно великорусской письменности. Отвѣтъ на праздный, впрочемъ, вопросъ, нужна ли вообще малорусская

письменность, дала сама жизнь: мы видѣли широкое развитіе этой письменности даже въ періодъ до шестидесятыхъ годовъ, т. е. до того времени, какъ реформы Александра II возродили русскій народъ въ новыхъ формахъ быта, и убѣдились при этомъ, что дѣятелями этой литературы были люди разныхъ слоевъ общества, разныхъ воззрѣній и разнаго воспитанія. Малорусская письменность возникновеніемъ своимъ удовлетворила, очевидно, назрѣвшей потребности, и въ созданіи ея всего менѣе принимала участія политическая интрига или нездоровая тенденція. Пусть отмѣченные нами выше факты изъ начальной исторіи малорусской письменности отвѣтятъ на возникающій у насъ, въ виду настойчивыхъ утвержденій нѣкоторыхъ публицистовъ, вопросъ: да можно ли въ самомъ дѣлѣ ограничить область употребленія литературнаго языка тѣми или другими предѣлами? Котляревскій, прибѣгшій къ родному языку для созданія своеобразнаго эпическаго произведенія, обратился къ нему же въ «Одѣ до князя Куракина». Квітка-Основяненко, писавшій разсказы изъ малорусскаго быта, рѣшился заговорить по-малорусски и о предметахъ болѣе серьезныхъ въ «Листахъ до любезнихъ землякôвъ». Максимовичъ записываетъ сначала малорусскія пѣсни, а потомъ переводитъ на малорусскій языкъ Слово о полку Игоревѣ; а черезъ два года послѣ этого онъ издаетъ переводъ Псалмовъ. О. Гречулевичъ печатаетъ на малороссійскомъ языкѣ свои проповѣди, а также «Катехизическія бесѣды на символъ вѣры» и молитву Господню. Возможно ли остановить зародившуюся мысль, мысль, окрыленную къ тому же родною рѣчью? Чтò остановитъ ее на народныхъ жартахъ и виршахъ, чтò помѣшаетъ ей воплотиться въ новыхъ формахъ поэзіи, проникнуть въ романъ и разсужденіе, перенестись въ прошлое родного народа, позаботиться объ его будущемъ, перейти, наконецъ, въ область вѣры и сосредоточиться на переводѣ Священнаго Писанія или составленіи книгъ для духовно-нравственнаго чтенія? Нѣтъ, творческая мысль не можетъ быть остановлена искусственными преградами. За то всякія искусственныя преграды дадутъ ей всегда ложное тенденціозное направленіе: приведенные выше факты показали, какъ былъ загнанъ широкій и свободный потокъ малорусской творческой мысли въ узкія рамки политической партіи, образовавшейся въ Галиціи, но усиливающей свои ряды, оживляющей свою дѣятельность выходцами изъ нашей Украйны, — партіи могущественной и популярной именно потому, что одна она блюдетъ свободное развитіе малорусской письменной рѣчи. Стѣснительные законы 1863 и 1876 года были введены, можно думать, въ интересахъ великорусскаго литературнаго языка. Но не въ такого рода мѣрахъ нуждается этотъ языкъ и его письменность для своего распространенія и законнаго вліянія на общественную жизнь. Названные законы изъяли изъ области вліянія великорусской литературы значительнѣйшую часть малорусской письменности, которая, влѣдствіе запрещенія ввоза книгъ, не могла быть даже предметомъ обсужденія великорусской печати. Эти законы разрушили ту братскую связь, которая завязывалась въ разныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ между великорусскою и малорусскою письменностью. Они прекратили и братское между ними соревнованіе, разъединивъ ихъ окончательно и устранивъ ту общую почву, на которой естественнымъ образомъ опредѣлились бы взаимныя отношенія между обѣими письменностями. Мы видѣли, наконецъ, что эти законы содѣйствовали искусственному росту малорусской литературы въ Галиціи, ибо здѣсь, во Львовѣ и Черновцахъ, ей пришлось отвѣтить сразу всѣмъ многообразнымъ требованіямъ жизни: малорусскій языкъ сталъ языкомъ просвѣщенія и политики, науки и литературы. Правда, и здѣсь онъ встрѣтился съ великорусскою письменностью, поддержанною старою

галицкою партіей, но вражда, смѣнившая прежнее братство въ Россіи, перенеслась и сюда, и языкъ — въ началѣ, пожалуй, одинъ только языкъ — сталъ источникомъ непримиримой вражды между двумя половинами галицкой интеллигенціи. Нравственный ущербъ, нанесенный великорусской народности и ея письменности отколовшеюся или точнѣе отколотою отъ нея письменностью малорусскою, не вознаградится поддержкой, оказанной Россіей нѣкоторымъ періодическимъ изданіямъ Святоюрской партіи.

Законы 1863 и 1876 года стали началомъ и источникомъ тяжкихъ испытаній для великорусскаго литературнаго языка въ Галиціи, ибо выросшая бокъ о бокъ съ нимъ малорусская письменность съ каждымъ годомъ отнимала изъ подъ ногъ его почву и это тѣмъ легче и успѣшнѣе, что эта народная литература поощрялась Австрійскимъ правительствомъ, враждебно настроеннымъ къ старой галицкой партіи. Перебросивъ малорусскую литературу въ Зарубежную Русь, мы прекратили братское соревнованіе ея въ Россіи съ литературой великорусской; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы скомпрометтировали великорусскіе, а пожалуй и общерусскіе интересы въ Галиціи, ибо воздвигли противъ нихъ искусственную коалицію мѣстныхъ малорусскихъ и польскихъ интересовъ. Великорусскіе интересы выдержали бы съ успѣхомъ соревнованіе съ малорусскими въ Россіи; но ничто не спасетъ ихъ въ Галиціи, разъ одна Галиція останется ареной этого соревнованія, перешедшаго въ братоубійственную вражду.

Публицистами, враждебными самостоятельности малорусской письменности, выдвигается еще одинъ аргументъ, не лишенный практическаго значенія. Отмѣчая различія въ народномъ языкѣ губерній, населенныхъ Малорусами, они спрашиваютъ: гдѣ единство того языка, который создастъ эту письменность? Не распадется ли эта письменность на рядъ мелкихъ провинціальныхъ литературъ, разрабатывающихъ мѣстные жаргоны? Въ этихъ опасеніяхъ мы склонны видѣть заботливость о процвѣтаніи будущей малорусской письменности. Но она не нуждается въ этихъ заботахъ, ей необходима прежде всего свобода: свободное развитіе въ лучшемъ случаѣ выработаетъ одинъ общій для всѣхъ Малорусовъ литературный языкъ, въ худшемъ — Малорусы, не сознавъ духовнаго своего единства, погубятъ свою письменность въ безплодныхъ несогласіяхъ и раздорахъ. Такъ же смотримъ мы и на вопросъ о малорусскомъ правописаніи: если жизнь создастъ единство малорусскаго языка и письменности, она же выработаетъ единство и въ письмѣ.

Но если законы 1863 и 1876 года не отвѣчаютъ интересамъ великорусской народности и великорусской письменности, быть можетъ, зато они согласованы съ интересами русскаго государства. Мы видѣли именно, что противъ малорусской письменности воздвигались въ разные моменты, начиная при томъ съ 1861 года, весьма тяжкія обвиненія. Обвиненія эти относились, правда, къ «небольшому кружку людей», окрещенныхъ названіемъ украйнофиловъ: сначала ихъ упрекали въ томъ, что они находятся въ рукахъ политическихъ интригановъ и служатъ покорнымъ орудіемъ заклятыхъ враговъ своей Украйны, т. е. польскихъ агитаторовъ; говорили, что дѣятельность украйнофиловъ какъ нельзя лучше способствуетъ цѣлямъ польскихъ фанатиковъ, поставившихъ вопросъ о существованіи русскаго народа и съ удовольствіемъ ожидающихъ разложенія въ собственныхъ нѣдрахъ этого народа; утверждали, что украйнофильство идетъ «параллельно со всѣми другими отрицательными направленіями, которыя вдругъ овладѣли нашею литературой, нашею молодежью, нашимъ прогрессивнымъ чиновничествомъ и разными бродячими элементами нашего общества».

Главной виной украйнофиловъ оказывался, однако, не предполагаемый союзъ ихъ съ этими отрицательными направленiями, а явное намѣренiе ихъ издавать книги «на новосочиненномъ малороссiйскомъ языкѣ», распространять малороссiйскую грамотность, заводить малороссiйскiя школы, утверждать ученiе о какихъ-то двухъ русскихъ народностяхъ и двухъ русскихъ языкахъ. За всѣмъ этимъ все яснѣе вырисовывался призракъ сепаратизма, замыселъ разъединить единую и нераздѣльную русскую народность. Обвиненiе въ такомъ замыслѣ основывалось на неопредѣленныхъ данныхъ: правда, между представителями украйнофильства допускалось существованiе такихъ дѣятелей, «которые совершенно чужды какой бы то ни было политической цѣли и руководятся чувствомъ патрiотизма», но вмѣстѣ съ ними, — такъ утверждали добровольные обвинители, — «въ предпрiятiи создать особую малорусскую литературу и ввести въ народныя школы южнаго края преподаванiе на малорусскомъ нарѣчiи принимаютъ живое участiе такiе малорусскiе патрiоты, которые не ограничиваются мыслью создать свою особую литературу, но простираютъ виды и на политическую отдѣльность Малой Россiи отъ общаго отечества». Пока дѣло шло о народности и языкѣ, къ бдительности призывалось само общество; но когда рѣчь зашла о государственномъ единствѣ, было признано необходимымъ самое рѣшительное вмѣшательство государственной власти. Отсюда призывъ и къ обществу и къ правительству. Напуганное польскимъ возстанiемъ, хитрымъ сплетенiемъ политической интриги, раскинувшей свои сѣти не въ одномъ только югозападномъ краѣ, правительство вняло обращенному къ нему призыву. Оно рѣшило отнять у украйнофиловъ самое орудiе пропаганды — возможность распространенiя малорусской грамотности и изданiя малорусскихъ книжекъ. Таковъ смыслъ цензурнаго распоряженiя 1863 года, направленнаго противъ просвѣтительной дѣятельности на малорусскомъ языкѣ: имъ запрещалось изданiе книжекъ духовно-нравственнаго содержанiя съ одной стороны, свѣтскихъ учебниковъ — съ другой. Вмѣсто того, чтобы обрушиться противъ малорусскихъ сепаратистовъ, если бы таковые были, вмѣсто того, чтобы направить удары на политическую агитацiю, вредную для государственнаго единства, если бы эта агитацiя дѣйствительно обнаружилась, распоряженiе 1863 года поразило тѣхъ дѣятелей, которымъ были чужды какiя бы то ни было политическiя цѣли и которые «руководились чувствомъ патрiотизма»; для сепаратистовъ и политическихъ агитаторовъ создавалась зато благопрiятная почва. «Гоненiя и преслѣдованiя — писалъ Катковъ въ 1863 году по поводу украйнофильства — могутъ изъ пустяковъ создать серьезное дѣло; гоненiя и преслѣдованiя, какъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ вѣковъ, большею частiю возбуждали жизнь и силу въ томъ, что̀ само по себѣ не имѣло ни жизни, ни силы. Мы стало-быть не желаемъ, — продолжаетъ Катковъ, — гоненiй и преслѣдованiй вовсе не изъ уваженiя къ фальшивому, не въ угоду, не въ пользу ему, а напротивъ въ ущербъ ему, чтобъ не придать ему бо̀льшаго значенiя и силы». Опасенiя московскаго публициста сбылись: уже въ томъ же 1863 году Каткову приходится отмѣтить, «что въ послѣднее время, благодаря усилiямъ нашихъ украйнофиловъ и настойчивымъ требованiямъ поляковъ, львовская газета «Слово» начала отдаляться» отъ общепринятаго русскаго языка въ сторону малорусскаго; въ 1867 году украинцы вмѣстѣ съ галицкими патрiотами основываютъ львовскiй журналъ «Правда», въ 1868 году образовывается во Львовѣ товарищество «Просвiта», въ 1873 году возникаетъ во Львовѣ на средства, доставленныя изъ Россiи, общество имени Шевченка. Все это свидѣтельствуетъ о значенiи и силѣ

украйнофильскаго движенія. И только послѣ 1863 года можно признать за нимъ и силу и значеніе.

За что же подверглась стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ малорусская письменность? За то ли, что среди лицъ, принимавшихъ участіе въ распространеніи и сочиненіи малорусскихъ книжекъ, были такія, которыя мечтали объ отдѣленіи Украйны отъ Россіи? Дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ — это впасть въ нелѣпость; дать такой отвѣтъ — это допустить возможность стѣсненій и гоненій на нашу русскую литературу вообще, если среди дѣятелей ея окажутся неблагонамѣренные люди, мечтающіе о разрушеніи нашего государственнаго единства, подрывающіе своими лжеученіями основы общественнаго строя. Отрицательное направленіе нашей политической печати вызывало репрессивныя противъ нея мѣры, но мѣры эти, стѣсняя извѣстные органы печати, не распространялись на всю литературу вообще, а печать противоположнаго направленія даже поддерживалась и поощрялась всякими средствами. Недовѣріе къ печати вызвало въ 1872 году дополненія къ временнымъ правиламъ 1865 года, но это недовѣріе не посягнуло на существованіе ни русской прессы, ни русской литературы. Признаемъ поэтому невѣроятнымъ, чтобы неблагонадежность нѣкоторыхъ украинскихъ писателей могла вызвать гоненіе на всю вообще малорусскую литературу, гоненіе, первыми жертвами которой оказываются Морачевскій, благонамѣреннѣйшій патріотъ и благочестивый переводчикъ Четвероевангелія, а вмѣстѣ съ Морачевскимъ и священникъ Опатовичъ, не увидѣвшій выхода уже напечатаннаго имъ второго изданія своихъ «Оповіданній зъ святого писання», изданія, уже дозволеннаго Святѣйшимъ Синодомъ. Очевидно, правительство, издавшее распоряженіе 1863 года, руководилось иными, болѣе вѣскими соображеніями: «горячечная», какъ ее опредѣляютъ обвинители, дѣятельность украйнофиловъ, дѣятельность, не представлявшаяся сама по себѣ преступною, могла — такъ думало, повидимому, правительство — привести къ нежелательнымъ результатамъ, къ духовному отдѣленію Украйны отъ Великой Россіи, а духовная рознь могла бы повести и къ пополитическому распаденію. Вотъ вѣроятные мотивы рѣшительной мѣры, положившей конецъ свободному развитію малорусской литературы. Мѣра эта всецѣло основывалась въ такомъ случаѣ на предположеніяхъ, цѣнность и убѣдительность которыхъ весьма относительна. Почему малорусская грамотность должна была привести именно къ разъединенію, остается невыясненнымъ. Литература является прежде всего отраженіемъ реальныхъ стремленій того общества, которому она принадлежитъ, а малорусское общество того времени, какъ это ясно изъ самыхъ трактатовъ противъ украйнофильскаго направленія, признаннаго плодомъ иноплеменной интриги, не стремилось къ сепаратизму: оно жило одною общею жизнью со всѣмъ русскимъ обществомъ вообще, въ немъ обнаруживались тѣ-же положительныя и тѣ-же отрицательныя стремленія, которыя раздѣляли общество и въ великорусскихъ центрахъ. Впрочемъ, послѣдующее показало, что и позже, послѣ образованія и усиленія галицкой народной партіи, Малорусы были чужды сепаратистскихъ стремленій: если бы такія стремленія были среди нихъ, они нашли бы себѣ выраженіе и на великорусскомъ языкѣ, пользованіе которымъ не было возбранено Малорусамъ. Великорусскій языкъ могъ бы такъ же успѣшно, какъ и малорусскій, служить орудіемъ пропаганды въ пользу сепаратизма, если бы Малорусы когда нибудь серьезно задумались надъ мыслью объ основаніи своего особаго государства. Идея покорила бы себѣ форму: пропаганда по-великорусски пошла бы не менѣе успѣшно, чѣмъ пропаганда по-малорусски. Мѣра, направленная противъ языка,

не поразила бы мысли, если-бъ таковая дѣйствительно зрѣла среди Малорусовъ. Мы имѣемъ полное основаніе противопоставить приведенному выше предположенію другое: свободное развитіе малорусской литературы содѣйствовало бы братскому единенію Южной Россіи со всей остальной. У малорусской литературы не было и не могло быть какихъ бы то ни было спеціальныхъ, чуждыхъ великорусской литературѣ интересовъ: обѣ литературы трудились бы надъ общими вопросами, выдвигаемыми общими государственными и общественными интересами. А благодаря этому, Украйна все болѣе проникалась бы общерусскими идеями, общерусскими стремленіями. Мы вѣримъ въ культурную силу нашей великорусской литературы: вліяніе обезпечено ей даже на Западѣ среди великихъ культурныхъ націй Европы. Неужто же возможно допустить, чтобы не пошла съ нею рядомъ, въ дружномъ общеніи и въ полномъ сознаніи единства интересовъ, юная малорусская литература? Предыдущія соображенія не позволяютъ намъ признать стѣснительныя мѣры 1863 года результатомъ зрѣлаго обсужденія и всесторонней оцѣнки интересовъ русской народности, великорусскаго племени, русской литературы и государства: мы, къ сожалѣнію, должны назвать ихъ плодомъ самаго печальнаго недоразумѣнія.

Но это недоразумѣніе принесло горькіе плоды. Мы видѣли, какъ, непосредственно за распоряженіемъ 1863 года, украинцы переносятъ свою дѣятельность въ Галицію. Мы желаемъ процвѣтанія малорусской литературѣ, мы радуемся успѣхамъ ея, хотя бы во Львовѣ или даже въ Америкѣ. Но съ грустью убѣждаемся въ томъ, что она проникается все болѣе и болѣе враждебнымъ отношеніемъ къ Россіи. Это объясняется отчасти оторванностью ея отъ русской почвы; малорусская заграничная литература — а съ 1863 года почти уже нельзя говорить о своей русской литературѣ на малорусскомъ языкѣ—разсматриваетъ русскія явленія съ точки зрѣнія иноземной, не вдумываясь въ нихъ, не углубляясь въ нихъ такъ, какъ это возможно только русскимъ людямъ, живущимъ на своей родинѣ, а потому умѣющимъ различать то, что̀ такъ необходимо различать, умѣющимъ также прощать и надѣяться. Но, въ значительной степени, враждебное къ Россіи настроеніе галицкой малорусской литературы зависѣло отъ тѣхъ самыхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя ограничили область малорусскаго печатнаго слова: отнять у образованныхъ людей право писать на родномъ языкѣ—это посягнуть на то, что̀ этимъ людямъ дорого такъ же, какъ дорога самая жизнь, это посягнуть на самую жизнь народа, ибо въ чемъ иномъ выразится она, какъ не въ словѣ, носителѣ мысли, выразителѣ чувства, воплощеніи человѣческаго духа? Государство, не умѣющее обезпечить одно изъ самыхъ элементарныхъ правъ гражданина — право говорить печатно на родномъ языкѣ, возбуждаетъ въ гражданинѣ не уваженіе къ себѣ, не любовь, а безотчетный страхъ за существованіе. Этотъ страхъ порождаетъ недовольство и революціонныя стремленія. Этотъ страхъ обратилъ многихъ украйнофиловъ изъ ревностныхъ сыновъ Россіи, «чуждыхъ какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей», на путь открытаго недовольства. Одно изъ нашихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій пришло въ 1876 году къ убѣжденію, «что вся литературная дѣятельность такъ называемыхъ украйнофиловъ должна быть отнесена къ прикрытому только благовидными формами посягательству на государственное единство и цѣлость Россіи». Заключеніе это значительно ослабляется предположеніемъ, высказаннымъ въ томъ же 1876 году не менѣе авторитетнымъ учрежденіемъ о томъ, что «въ писаніяхъ современныхъ дѣятелей украйнофильства не только сквозитъ

смута, но и высказывается явно мысль объ обособленіи Малороссіи отъ остальной Россіи, обособленіи пока еще только литературномъ, но за которымъ естественно и даже необходимо *должно послѣдовать* стремленіе къ обособленію политическому»; но все же нельзя не признать, что семидесятые годы были дѣйствительно ознаменованы враждебными выходками Малоруссовъ противъ тѣхъ государственныхъ порядковъ, при которыхъ имъ приходилось терять право говорить печатно на родномъ языкѣ. Чѣмъ же вызваны были эти выходки, какъ не репрессивной мѣрой 1863 года, отдававшей малорусскую письменность на полное усмотрѣніе цензуры и мѣстной администраціи?

Мѣра эта была тѣмъ опаснѣе для государственнаго порядка, что она не была облечена въ форму закона. Отсюда раздраженіе противъ кажущагося произвола мѣстныхъ властей, негодованіе на государственные порядки, не обезпечивающіе элементарной законности. Отсюда также дружныя усилія украинцевъ провести свои книги вопреки и наперекоръ придирчивой цензурѣ; такъ въ 1873—1875 годахъ имъ удалось напечатать до двадцати книгъ разнаго содержанія.

Административное распоряженіе, чтобы остаться дѣйствительнымъ, не быть задавленнымъ жизнью, къ тому же не вѣдающею о немъ и къ нему не подготовленною (ибо только законъ есть общеобязательная и общеизвѣстная юридическая норма), — такое распоряженіе должно возобновляться отъ времени до времени и при томъ все въ болѣе и болѣе суровыхъ формахъ — и это послѣднее въ зависимости отъ того, насколько безсильнымъ оказывалось предшествовавшее ему распоряженіе. Распоряженіе 1863 года пришлось возобновить въ 1876 году, но въ еще болѣе категорической и жесткой формѣ: оставшійся необнародованнымъ законъ 18/30 мая вооружаетъ первымъ пунктомъ своимъ цензуру противъ ввоза «какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малорусскомъ нарѣчіи». Такая мѣра объявила всю галицкую малорусскую литературу нелегальною; нелегальнымъ объявлено и самое существованіе такой литературы — а это могло послужить только къ вящшему озлобленію тружениковъ малорусской письменности, вынужденныхъ не по доброй волѣ перенести свою дѣятельность въ Зарубежную Русь. И въ этой Зарубежной Руси по-малорусски писались вовсе не однѣ политическія статьи, направленныя противъ Россіи: здѣсь развивалась политическая литература, посвященная своимъ мѣстнымъ интересамъ, здѣсь разрабатывались наша древняя письменность и исторія, составлялись буквари и грамматики, хрестоматіи и словари, издавалось Священное Писаніе, печатались, наконецъ, невиннѣйшіе по содержанію стихи и пѣсни. И на все это въ Россіи наложенъ былъ запретъ только за то, что оно напечатано по-малорусски.

Второй пунктъ закона 18/30 мая 1876 г. въ сущности подтверждаетъ распоряженіе 1863 года, допуская печатаніе по-малорусски только произведеній изящной словесности: оговорка, разрѣшающая печатаніе историческихъ документовъ и памятниковъ, весьма характерна, если сопоставить ее съ утвержденіемъ нѣкоторыхъ публицистовъ относительно того, что малорусскій языкъ придуманъ лишь недавно, что онъ является однимъ изъ плодовъ польской интриги, стремящейся разъединить русскую семью и русскую народность. А между тѣмъ изъ пункта а) статьи 2-й оказывается, что есть историческіе документы и памятники, писанные по-малорусски. Да, составителямъ проекта закона 1876 г. было очевидно, что мнѣніе авторитетныхъ публицистовъ — и не одныхъ публицистовъ — о томъ, что кто-то когда-то придумалъ малороссійскій языкъ, — не больше, какъ плодъ невѣжественнаго или

злостнаго измышленія: малороссійскій языкъ имѣетъ даже свою исторію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ текстъ 2-й статьи разсматриваемаго закона обнаруживаетъ новую и до тѣхъ поръ неизвѣстную точку зрѣнія: изъ него можно заключить, что, по мнѣнію составителей проекта, сближенію малорусскаго языка съ великорусскимъ препятствуетъ придуманное украйнофилами правописаніе. Составители проекта предложили запретить новое правописаніе и потребовать, чтобы «въ произведеніяхъ изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія». Итакъ, передъ нами образчикъ самаго грубаго смѣшенія двухъ совершенно разныхъ явленій: языка и письма. Никакая система правописанія не въ состояніи оказать какое-бы то ни было вліяніе на языкъ, который развивается по совершенно независящимъ отъ человѣческой воли законамъ. Между тѣмъ навязываніе языку несвойственнаго ему правописанія самымъ невыгоднымъ образомъ отзывается на книжной производительности; такое правописаніе задерживаетъ выходъ книги и ложится поэтому на свободную мысль, свободное творчество болѣе тяжелымъ гнетомъ, чѣмъ всякія цензурныя стѣсненія. Мы далеки отъ мысли приписывать составителямъ проекта Высочайшаго повелѣнія 1876 года жестокое желаніе посредствомъ узаконеннаго имъ правописанія задержать развитіе даже изящной словесности малорусской (ибо задержать «вредныя направленія» въ относящихся сюда произведеніяхъ предположено правиломъ о томъ, «чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописей въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати»); по этому самому мы склонны думать, что ими руководила мысль сблизить посредствомъ правописанія малорусскій языкъ съ русскимъ. Странное заблужденіе! Прежде всего, что̀ разумѣть подъ требованіемъ придерживаться общепринятаго русскаго правописанія? Если понимать требованіе закона 1876 года такъ, что, напр., малорусскія слова: віра, дід, місто—должны явиться въ великорусской оболочкѣ: вѣра, дѣдъ, мѣсто, т. е. чтобы звукъ і изображался буквой ѣ, спрашивается, что̀ помѣшаетъ Малорусу изображать черезъ букву ѣ звукъ і также, напр., въ словахъ: лід или ніс?—и ихъ онъ напишетъ лѣдъ, нѣсъ. Выиграетъ ли отъ этого дѣло сближенія съ великорусскимъ языкомъ, гдѣ эти слова звучатъ лёдъ, нёсъ? Если, вслѣдствіе навязаннаго ему правописанія, Малорусъ долженъ написать мыло съ ы, а мило съ и, гдѣ найдется тотъ корректоръ, тотъ ученый справщикъ, который въ малорусскомъ звукѣ и сумѣетъ для каждаго случая различить два разныхъ звука, совпавшихъ въ одномъ едва ли еще не въ эпоху до-татарскую? И объ этомъ смѣшеніи и и ы громко будутъ свидѣтельствовать прежде всего тѣ историческіе малорусскіе документы, при печатаніи которыхъ законъ требуетъ «безусловно» удерживать правописаніе подлинниковъ, не подновляя его, очевидно, и въ направленіи къ общепринятому русскому правописанію. Но если дѣло идетъ не объ общепринятомъ правописаніи, а только объ общепринятыхъ въ русскомъ алфавитѣ буквахъ, то почему запретнымъ оказалось писать віра, ліс вм. вира, лисъ, если і — русская буква(міръ), и почему малорусскій звукъ и, не смягчающій предшествующей согласной, предложено изображать черезъ ы, а не и? Во всякомъ случаѣ малорусское письмо съ внѣшней стороны могло бы сравниться съ великорусскимъ скорѣе всего, придерживаясь правописанія Малоруса Максимовича. Но, кому же нужно такое внѣшнее сближеніе?

Третій пунктъ разсматриваемаго закона воспрещаетъ различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчіи. Изъ распоряженія 1863 года, равно также изъ 2-го пункта закона 18/30 мая 1876 г.

можно было бы вывести заключеніе, что правительство намѣревалось указать малорусской литературѣ должныя границы и этимъ содѣйствовать размежеванію ея съ литературой великорусской, т. е. что оно приняло на себя ту задачу, которую могло разрѣшить только свободное, безпрепятственное соревнованіе обѣихъ русскихъ литературъ. Но 3-й пунктъ разсматриваемаго закона доказываетъ уже прямо враждебное отношеніе даже къ малорусской изящной словесности, ибо онъ преслѣдуетъ сценическія представленія произведеній, относящихся къ этой словесности. Больше того, допуская изданіе малорусскихъ драмъ, комедій, трагедій и не разрѣшая ихъ исполненія на сценѣ, правительство ограничиваетъ также употребленіе живого языка, что̀ еще явственнѣе выступаетъ изъ воспрещенія «чтеній на малороссійскомъ нарѣчіи». Наконецъ, тотъ же 3-й пунктъ закона 1876 года изгоняетъ малорусскій языкъ изъ такой области литературы, въ которой, казалось бы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было его замѣнить языкомъ великорусскимъ: запрещеніе печатанія текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ на языкѣ малорусскомъ изгоняетъ этотъ языкъ изъ романса и пѣсни и равносильно запрещенію пѣть по-малорусски. Съ 1876 года на малорусскомъ языкѣ нельзя ни пѣть, ни говорить публично, печатаніе же произведеній изящной словесности ставится подъ строжайшую цензуру.

Только горячая любовь къ родной Украйнѣ помогла малорусскому образованному обществу перенести тяжкій и совершенно имъ незаслуженный ударъ.

Въ 1881 году, какъ мы видѣли, сдѣлано нѣсколько облегченій тяжелыхъ условій, въ которыя было поставлено малорусское слово: дозволено печатаніе словарей и текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ. Облегченія эти были, очевидно, сдѣланы только въ интересахъ великорусскаго общества: лишить его возможности знакомиться съ малорусскимъ искусствомъ на сценѣ и въ музыкальномъ исполненіи признано несправедливымъ; лишить русскую науку знакомства съ богатѣйшимъ составомъ малорусской лексики признано нежелательнымъ. Къ интересамъ малорусскаго народа мысль законодателя не обращалась, не обращалась она къ нимъ до самыхъ послѣднихъ дней, когда Высочайше утвержденное 21 января сего года положеніе Комитета Министровъ поставило на очередь вопросъ объ отмѣнѣ законовъ 1876 и 1881 годовъ.

Знакомство съ исторіей цензурныхъ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова убѣждаетъ въ томъ, что они вызваны не правильнымъ соображеніемъ государственныхъ пользъ и нуждъ, а различными случайностями и одностороннею оцѣнкой общественныхъ движеній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Разсмотрѣніе аргументовъ, выдвинутыхъ въ публицистикѣ противъ существованія малорусской литературы, противъ ея самостоятельнаго и свободнаго развитія и въ пользу ея стѣсненія, привело къ заключенію, что аргументы эти основаны частью на одностороннемъ пониманіи исторіи малорусскаго народа и его языка, частью же на тенденціозномъ стремленіи ограничить права малорусской народности въ угоду неправильно понятыхъ интересовъ великорусскихъ и общерусскихъ.

Изученіе текста правительственныхъ распоряженій 1863, 1876 и 1881 года выяснило намъ тотъ ущербъ для духовнаго развитія малорусской народности и тотъ вредъ для русскаго государства, которые были неминуемымъ слѣдствіемъ ихъ появленія. Цензурная практика, основывавшаяся на указанныхъ распоряженіяхъ, доказала всю тщету усилій, напра-

вленныхъ къ подавленію того, что̀ выдвинуто дѣйствительными, жизненными потребностями населенія.

Итакъ, знакомство съ прошлымъ поднятаго въ настоящее время вопроса побуждаетъ насъ высказаться за необходимость отмѣны Высочайше одобреннаго распоряженія 1863 года и Высочайшихъ повелѣній 1876 и 1881 годовъ.

Но отмѣна эта представляется еще болѣе неотложною, еще болѣе необходимою, какъ только мы, оставивъ прошлое, обратимся къ настоящему, какъ только мы задумаемся надъ культурными потребностями малорусскаго населенія Южной Россіи. На эти именно потребности указалъ въ своемъ журналѣ отъ 28 и 31 декабря 1904 г. Комитетъ Министровъ: «продолжающееся примѣненіе наложеннаго запрета,—читаемъ мы въ извлеченіяхъ изъ этого журнала, — значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія книгъ на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго уровня крестьянъ малороссійскихъ губерній».

Коммиссія имѣетъ возможность подтвердить каждое слово означеннаго заявленія Комитета Министровъ цѣлымъ рядомъ данныхъ.

Во-первыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что нынѣшній низкій уровень культурнаго развитія крестьянъ малорусскихъ губерній долженъ стать предметомъ самыхъ серьезныхъ и неотложныхъ заботъ Россіи. Этотъ низкій уровень, доказанный наблюденіями многихъ безпристрастныхъ изслѣдователей, давно уже обратилъ на себя вниманіе земствъ и сельско-хозяйственныхъ комитетовъ малорусскихъ губерній, и многіе изъ нихъ возбуждали передъ правительствомъ ходатайства о допущеніи популярныхъ изданій на малорусскомъ языкѣ. Экономическій совѣтъ Черниговскаго губернскаго земства въ 1902 году указалъ на необходимость распространенія брошюръ и другихъ изданій по сельскому хозяйству на мѣстныхъ народныхъ языкахъ. То же самое высказалъ и Борзенскій (Черниговской губерніи) сельско-хозяйственный комитетъ. На необходимость популяризаціи прикладныхъ знаній на малорусскомъ языкѣ указали Полтавскій и Новомосковскій (Екатеринославской губерніи) сельско-хозяйственные комитеты. На важность популяризаціи сельско-хозяйственныхъ знаній указывалъ въ своемъ докладѣ Ананьевскому сельско-хозяйственному комитету извѣстный авторъ брошюръ по сельскому хозяйству на малорусскомъ языкѣ Чикаленко. Агрономическій съѣздъ въ Москвѣ въ 1901 году постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи издавать книги и сельско-хозяйственную газету на малорусскомъ языкѣ. Кустарный съѣздъ въ Полтавѣ въ 1902 году высказался за изданіе книгъ и руководствъ для кустарей на малорусскомъ языкѣ. Сельско-хозяйственныя общества Миргородскаго и Полтавскаго уѣздовъ возбудили ходатайства объ изданіи сельско-хозяйственныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ и т. д. О необходимости отмѣны ограниченій, установленныхъ для малорусскаго языка, какъ проводника въ народъ знаній вообще, возбуждались ходатайства земствами Херсонскимъ губернскимъ въ 1880, Черниговскимъ уѣзднымъ въ 1880, Полтавскимъ губернскимъ въ 1904, сельско-хозяйственными комитетами Хотинскимъ (Бессарабской губерніи), Бердянскимъ (Таврической губерніи), Хорольскимъ и Лохвицкимъ (Полтавской губерніи) и мн. др. Коммиссія, приводя всѣ эти данныя, разсѣянныя во многихъ печатныхъ источникахъ, даетъ мѣсто въ приложеніяхъ (см. № II) къ настоящей запискѣ полученному ею сообщенію С. Ѳ. Русовой, гдѣ подведенъ итогъ цѣлому ряду наблюденій въ области внѣшкольнаго народнаго образованія.

Во-вторыхъ, безусловно справедливо указаніе Комитета Министровъ на то, что законы 1876 и 1881 годовъ затрудняютъ распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи. Коммиссія имѣла въ своемъ распоряженіи рядъ достовѣрныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о затруднительности для Малоруса пониманія великорусскаго книжнаго языка. Нѣкоторыя такія данныя приведены и въ упомянутыхъ сообщеніяхъ. Особенно важно отмѣтить, что Малорусу съ трудомъ дается пониманіе великорусскихъ книгъ, посвященныхъ изложенію даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, въ виду именно различія обоихъ языковъ въ обозначеніи предметовъ обиходнаго употребленія: слова лошадь, меринъ, телѣга, одонье, омшеникъ, овинъ, рига, клѣть, подволока, полынья, глазъ, лобъ, затылокъ, туча, молнія, радуга, колодезь, прудъ, мельница, мельникъ, боровъ, кукушка, тряпка, изба, калитка, форточка, пѣтухъ, насѣдка, нашестъ и т. д. непонятны или малопонятны Малорусу. Самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствуютъ о томъ же затрудненія, испытываемыя даже образованными Малорусами при знакомствѣ съ нашей книжной рѣчью; объ этихъ затрудненіяхъ говорятъ многіе наблюдатели, начиная съ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. И не напрасно, конечно, Малорусы такъ охотно прибѣгали и прибѣгаютъ къ «рідній мові» для выраженія на письмѣ своихъ мыслей и чувствъ.

Коммиссія имѣетъ основаніе утверждать, что распространеніе книгъ среди малорусскаго населенія на родномъ для него языкѣ пошло бы гораздо успѣшнѣе, чѣмъ на языкѣ великорусскомъ. И на это имѣются многочисленныя доказательства; объ этомъ именно говоритъ фактъ успѣшнаго распространенія въ Малороссіи книгъ, напечатанныхъ въ Галиціи, при чемъ такое распространеніе не останавливается передъ запретительными мѣрами, грозящими обывателямъ, у которыхъ найдутся, напримѣръ, сочиненія Шевченка или Котляревскаго во Львовскихъ изданіяхъ, самыми серьезными непріятностями до отсидки въ тюрьмѣ включительно. Малорусскіе грамотные крестьяне съ жадностью набрасываются на все, что̀ написано на родномъ ихъ языкѣ: при отсутствіи легальной литературы на малорусскомъ языкѣ, нелегальная литература имѣетъ тѣмъ бо́льшее распространеніе и тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на населеніе. Вышеизложенное въ достаточной мѣрѣ иллюстрируется письмомъ бывшаго исправника Ш., помѣщеннымъ въ № 9 Гражданина за 1905 годъ (см. приложеніе № X).

Коммиссія имѣетъ также основаніе думать, что отмѣна стѣсненій малорусскаго печатнаго слова окажетъ вліяніе не только на подъемъ знаній въ народной средѣ, путемъ распространенія среди Малорусовъ научно-популярныхъ изданій, но и на общій подъемъ культурнаго облика народа. Нельзя не признать, что пренебрежительное отношеніе къ родной рѣчи влечетъ за собой отрицательное отношеніе и къ семьѣ и къ родной средѣ, а это не можетъ не отразиться самымъ печальнымъ образомъ на нравственномъ складѣ сельскаго населенія Малороссіи. (Ср. соображенія проф. В. П. Науменка, въ приложеніи № VI).

Нашему правительству не могутъ быть, конечно, чужды интересы и образованной части русскаго, а въ частности малорусскаго, общества. Законы 1863, 1876 и 1881 годовъ даютъ нѣкоторое право на развитіе одной только изящной словесности. Но изящная словесность является лишь однимъ изъ способовъ обнаруженія духовной жизни образованнаго человѣка. Страна производитъ не однихъ литераторовъ: она выдѣляетъ и мыслителей, и ученыхъ, и публицистовъ, и общественныхъ дѣятелей. Отказывать этимъ людямъ въ томъ, что̀ разрѣшено труженикамъ въ области изящной

словесности, отказывать имъ писать и печатать по-малорусски несправедливо. Къ тому же, какъ мы видѣли, это и невозможно: Малорусы печатаютъ свои ученые труды, публицистическіе трактаты, свои мысли и изслѣдованія во Львовѣ, Вѣнѣ, Черновцахъ. Мы желали бы, чтобы малорусская литература во всемъ составѣ своемъ оставалась русскою. Мы находили бы полезнымъ обратить силы и способности даровитыхъ Малорусовъ на пользу взростившаго ихъ края. Великорусскую народность, сильную не одною своею численностью, не пугаетъ существованіе польской, нѣмецкой, латышской, литовской, армянской, грузинской, еврейской, татарской литературъ въ предѣлахъ Россіи. Зачѣмъ же пугаться русской? Поляки, нѣмцы, армяне имѣютъ къ тому же свои особенные національные интересы: они не смѣшались съ русскимъ народомъ, культурныя и вѣроисповѣдныя различія между ними и русскимъ населеніемъ весьма значительны. Но Малорусы всею совокупностью своей дѣятельности на пользу русскаго государства и русской общественности являются вѣрными и испытанными сынами русскаго народа: они пишутъ вмѣстѣ съ нами въ великорусскихъ газетахъ и журналахъ, читаютъ вмѣстѣ съ нами лекціи, издаютъ научныя руководства, участвуютъ въ общественныхъ собраніяхъ и говорятъ тамъ вмѣстѣ съ нами по-великорусски. Измѣнятъ ли они своему русскому направленію, когда имъ дозволятъ говорить и писать на родномъ русскомъ нарѣчіи?

Стѣснительныя запрещенія 1863, 1876 и 1881 годовъ угнетающимъ образомъ ложатся на творческія способности образованныхъ Малорусовъ: пользоваться нероднымъ, непривычнымъ съ дѣтства, не воспринятымъ съ молокомъ матери языкомъ для воплощенія творческой мысли и фантазіи возможно лишь при особомъ лингвистическомъ дарованіи. Тяжелое состояніе малорусскаго писателя рисуетъ намъ письмо г. Леонтовича, присланное имъ Д. Л. Мордовцеву, а г. Мордовцевымъ доставленное въ Коммиссію (печатается въ приложеніи № VII).

Такимъ образомъ оказывается, что въ ненормальныхъ условіяхъ духовной и умственной жизни живетъ въ Россіи народность, насчитывавшая въ январѣ 1897 года до 23 милліоновъ 700 тысячъ душъ (см. сообщеніе А. А. Русова въ приложеніи № IX).

Коммиссія съ полнымъ убѣжденіемъ рѣшается въ заключеніе своего доклада повторить слѣдующія слова Ю. Ѳ. Самарина, сказанныя имъ въ 1850 году: «Пусть же украинскій народъ сохраняетъ свой языкъ, свои обычаи, свои пѣсни, свои преданія; пусть въ братскомъ общеніи и рука объ руку съ великорусскимъ племенемъ развиваетъ онъ на поприщѣ науки и искусства, для которыхъ такъ щедро надѣлила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ея стремленій; пусть учрежденія, для него созданныя, приспособляются болѣе и болѣе къ мѣстнымъ его потребностямъ».

I.

Очеркъ развитія дѣйствующаго цензурнаго режима въ отношеніи малорусской письменности.

Корни ограничительныхъ распоряженій по отношенію къ малорусскому слову заложены въ далекомъ прошломъ. Одновременно съ присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому государству началась долгая, глухая и упорная борьба московскаго правительства съ тѣми особенностями пріобрѣтеннаго края, которыя поддерживали въ его населеніи память о его автономіи, національное самосознаніе и привычки демократическаго уклада. Процессъ политической ассимиляціи Украины съ Россіей длился до конца XVIII в. и закончился съ раздѣлами Польши. Что касается ассимиляціи культурной, то эта задача для тѣхъ средствъ, которыми пытались ее разрѣшить, оказалась непосильной и до настоящаго времени не можетъ считаться рѣшенной.

Подозрительное отношеніе къ малорусской письменности установилось еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, правительство котораго принимало мѣры противъ распространенія богослужебныхъ книгъ, печатавшихся въ вольныхъ украинскихъ типографіяхъ, опасаясь ущерба православію отъ наплыва южно-русскихъ изданій, съ мѣстными отличіями, въ равной мѣрѣ представлявшимися московскому духовенству ересью, — касались ли они мелочей церковной обрядности, вытекали ли изъ раціоналистическихъ или католическихъ тенденцій малорусскихъ богослововъ. Первая цензура въ Россіи была, такимъ образомъ, заведена спеціально для изданій малорусской печати, но пока только по отношенію къ содержанію этихъ изданій и чисто на религіозной почвѣ. Впрочемъ и въ эту пору правящія сферы обращали вниманіе на то, чтобы въ Малороссіи священники произносили молитвы «голосомъ, свойственнымъ россійскому нарѣчію».

Петръ I поставилъ вопросъ гораздо шире и въ своемъ указѣ 5 октября 1720 г., сосредоточивая надзоръ за украинскими типографіями въ московской духовной коллегіи, объявилъ подлежащими преслѣдованію и языковыя отличія малорусскихъ изданій: «А и оныя церковныя старыя книги, для совершеннаго согласія съ великороссійскими, съ такими же церковными книгами сравнивать прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатьми, дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ немъ не было. А другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, не объявляя объ оныхъ въ духовной коллегіи, и не взявъ отъ оной позволенія, въ тѣхъ монастыряхъ не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти». Этимъ указомъ были поставлены первыя законодательныя

препятствія свободному развитію малорусской письменности, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщенію малорусскаго народа на родной ему почвѣ; возбуждавшіяся кіевскою типографіею ходатайства о разрѣшеніи печатать украинскіе буквари, такъ какъ народъ не покупаетъ букварей московскаго типа,—не удовлетворялись.

Съ послѣдней четверти XVIII в. кіевскіе митрополиты, подъ вліяніемъ правительства, вводятъ великорусскій языкъ въ преподаваніе кіевской академіи, которая затѣмъ служитъ примѣромъ и другимъ духовнымъ школамъ. Одновременно, съ отмѣною стараго, украинскаго школьнаго строя, правительство вводитъ новую систему свѣтскихъ школъ, гдѣ преподаваніе происходитъ на великорусскомъ языкѣ. Подвергается гоненію украинское произношеніе, — даются инструкціи преподавателямъ, издаются спеціальныя руководства. Епархіальное начальство продолжаетъ слѣдить, чтобы священники и дьячки читали по церковно-славянски съ соблюденіемъ великорусскаго, а не украинскаго произношенія.

Малорусское общество того времени въ большинствѣ охотно шло на встрѣчу объединительнымъ мѣропріятіямъ правительства въ области школы и письменности, частью подчиняясь естественной силѣ тяготѣнія къ центру, частью привлекаемое личными интересами. Ускоренный политикою Екатерины II процессъ разслоенія малорусскаго народа на привилегированное меньшинство и закрѣпощенную массу сильно способствовалъ обрусѣнію верхняго слоя населенія малорусскихъ губерній. Но основною причиною успѣшности принятыхъ мѣръ къ очисткѣ южно-русской письменности отъ мѣстной окраски былъ самый характеръ тогдашней малорусской книжной рѣчи, развившейся на церковно-школьной почвѣ и, по обилію элементовъ церковно-славянскаго языка, очень близкой къ языку современной великорусской литературы.

Обрусѣніе малорусскаго литературнаго языка и малорусской школы положило рѣзкую грань между образованнымъ обществомъ Малороссіи и ея простымъ народомъ, для котораго по прежнему орудіемъ слова, мысли и поэтическаго творчества оставался живой малорусскій языкъ. По мѣрѣ дальнѣйшей эволюціи литературнаго русскаго языка въ сторону разговорной великорусской рѣчи, онъ становился все болѣе чуждымъ малорусскому простонародью. Съ другой стороны, тѣ образованные малороссы, которые, не порывая связей съ роднымъ бытомъ, ощущали стремленіе къ литературной дѣятельности, уже не могли для изображенія окружающей обстановки и для характеристики мѣстной народной жизни довольствоваться литературнымъ языкомъ, утратившимъ мѣстный колоритъ и потерявшимъ способность воспринимать элементы мѣстнаго разговорнаго языка. На этой почвѣ, подъ вліяніемъ устной народной словесности и давнишнихъ попытокъ личнаго творчества на живомъ малорусскомъ языкѣ, въ концѣ XVIII в. возникло малорусское литературное движеніе, открывшее «Энеидой» Котляревскаго такъ называемый новый періодъ малорусской литературы.

Произведенія первыхъ малорусскихъ писателей этого періода не встрѣчали никакого противодѣйствія со стороны цензуры, оцѣнивавшей ихъ только въ отношеніи содержанія и притомъ, по сравненію съ послѣдующимъ режимомъ, очень снисходительно. Такъ, многія мѣста «Энеиды», касающіяся отношеній крѣпостного права, едва-ли прошли бы черезъ цензуру нашего времени. Но уже Квитка не могъ напечатать составленныхъ имъ для народнаго чтенія очерковъ священной исторіи и исторіи Украины. Во всякомъ случаѣ, въ теченіе первой половины XIX в. цензура

еще не располагала опредѣленными указаніями правительства на вредъ малорусской литературы самой по себѣ. Проводившіе эту точку зрѣнія указы Петра I были забыты, быть можетъ, потому, что они непосредственно относились къ исчезнувшему уже макароническому литературному языку, не имѣя въ виду живой народной рѣчи.

Тяжкій ударъ постигъ малорусскую литературу въ 1847 г. въ связи съ дѣломъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Опять таки принятыя въ этомъ случаѣ суровыя мѣры по отношенію къ отдѣльнымъ писателямъ и ихъ произведеніямъ были направлены не противъ литературнаго малорусскаго движенія, а противъ опредѣленныхъ идей, которыя проводились подвергнутыми карѣ лицами или имъ приписывались. Здѣсь впервые оффиціально были формулированы тѣ обвиненія, которыя впослѣдствіи стали исходною точкою приписываемыхъ малорусскому литературному движенію сепаратистическихъ тенденцій. «Шевченко,—писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ графъ Орловъ,—сочинялъ стихи на малороссійскомъ языкѣ самаго возмутительнаго содержанія. Въ нихъ онъ то выражалъ плачъ о мнимомъ порабощеніи и бѣдствіяхъ Украйны, то возглашалъ о славѣ гетманскаго правленія и прежней вольницѣ козачества... Шевченко пріобрѣлъ между своими друзьями славу знаменитаго малороссійскаго писателя, и потому стихи его вдвойнѣ вредны и опасны. Съ любимыми стихами въ Малороссіи могли посѣяться и впослѣдствіи укорениться мысли о мнимомъ блаженствѣ временъ гетманщины, о счастьѣ возвратить эти времена и о возможности Украйнѣ существовать въ видѣ отдѣльнаго государства»... «Вина Кулиша заключается въ томъ, что онъ, пламенно любя свою родину Малороссію, въ напечатанныхъ имъ книгахъ съ восторгомъ описывалъ духъ прежняго казачества, наѣзды гайдамаковъ изображалъ въ видѣ рыцарства, представлялъ исторію этого народа едва-ли не знаменитѣе всѣхъ исторій, славу его показывалъ всемірною; приводилъ украинскія пѣсни, въ которыхъ выражается любовь къ свободѣ; описывалъ распоряженія императора Петра I и его преемниковъ въ видѣ угнетенія и подавленія правъ народныхъ».

На основаніи представленія шефа жандармовъ, помимо личныхъ каръ, которыя были наложены на замѣшанныхъ въ дѣлѣ украинцевъ, были приняты слѣдующія мѣры по цензурному вѣдомству: запрещены и изъяты изъ продажи сочиненія — Шевченко «Кобзарь», Костомарова «Украинскія баллады» и «Вѣтка», Кулиша «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», «Украина» и «Михайло Чернышенко»; два цензора, пропустившіе «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», были подвергнуты административнымъ взысканіямъ; кромѣ того, кіевскому и харьковскому генералъ-губернаторамъ предписано было «наблюдать во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ, не остались ли въ обращеніи стихотворенія Шевченка, рукопись «Законъ Божій» и другія возмутительныя сочиненія; также не питаютъ-ли украинцы мысли о прежнихъ вольностяхъ, о гетманщинѣ и о правахъ на отдѣльное существованіе, и обращать вниманіе особенно на тѣхъ, которые занимаются малороссійскими древностями, исторіею и литературой, и стараться прекращать въ этой области наукъ всякое злоупотребленіе, но самымъ незамѣтнымъ и осторожнымъ образомъ, безъ явныхъ преслѣдованій и, сколь возможно, не раздражая уроженцевъ Малороссіи».

Съ этого времени цензура стала крайне подозрительно относиться къ произведеніямъ на малорусскомъ языкѣ. По словамъ Костомарова (въ письмѣ къ Герцену), украинскія книги систематически запрещались, преслѣдовались даже научныя статьи о Малороссіи на русскомъ языкѣ; слова

«Украина, Малороссія, Гетманщина» признавались нецензурными. Даже простые сборники народныхъ пѣсенъ встрѣчали въ цензурѣ крайне придирчивое отношеніе; историческіе памятники подвергались исправленіямъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по мнѣнію цензуры, выражалось явное пристрастіе къ малорусской народности. Такъ, въ 1853 г. возникли пререканія между временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ и кіевскимъ цензурнымъ комитетомъ, по поводу лѣтописи Грабянки, изъ которой цензура желала исключить нѣкоторыя мѣста. Главное управленіе по дѣламъ печати, становясь на сторону цензора, мотивировало свое рѣшеніе секретнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, предписывавшимъ слѣдить за тѣмъ, чтобы писатели насколько возможно осторожнѣе выражались тамъ, гдѣ идетъ рѣчь про малорусскую народность или языкъ, и не отдавали предпочтенія любви къ родинѣ надъ любовью къ отечеству.

Такимъ образомъ, въ этихъ мѣропріятіяхъ правительство все еще пока держалось на общей почвѣ, преслѣдуя преимущественно выраженіе идей и стремленій, признаваемыхъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ вредными и нежелательными. Этотъ принципъ нашелъ выраженіе, между прочимъ, въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, изданномъ въ 1847 г., въ которомъ министръ говоритъ: «Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть». При такомъ взглядѣ, цензура не усматривала никакой опасности въ переводахъ съ русскаго на малорусскій языкъ («Басни Крылова», переводъ Мазюкевича, 1853 г.) и церковныхъ проповѣдяхъ на малорусскомъ языкѣ (Гречулевичъ, 1849 г.), — которые впослѣдствіи были отнесены къ запретной литературѣ.

Общественное оживленіе, охватившее Россію въ концѣ 50-хъ годовъ, отразилось и на малорусской литературѣ, которая фактически перестала испытывать исключительныя цензурныя стѣсненія. Малорусскіе литераторы получили возможность имѣть свой періодическій органъ — «Основу», гдѣ печатались не только беллетристическія, но и публицистическія произведенія по-малорусски. Малорусскій языкъ получилъ доступъ въ народную школу; широкіе размѣры приняло изданіе народныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ были малорусскія азбуки, ариѳметика, разсказы изъ священнаго писанія, популярно-научныя брошюры; малорусскія произведенія помѣщались на страницахъ оффиціальныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» южно-русскихъ губерній; въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» появились ученыя работы, отводившія малорусскому языку самостоятельное мѣсто рядомъ съ русскимъ и польскимъ; правительство ассигновало пособіе на изданіе малорусскихъ учебниковъ для народныхъ школъ и пришло къ заключенію о необходимости обращаться къ малорусскому народу съ законодательными актами на его родномъ языкѣ: положеніе 19 февраля 1861 г. было съ Высочайшаго соизволенія переведено Кулишомъ на малорусскій языкъ, уже начато печатаніемъ, и только чисто частныя причины помѣшали своевременному осуществленію этого предпріятія.

Рѣзкій поворотъ въ настроеніи правящихъ сферъ, произведенный польскимъ возстаніемъ 1863 г., послужилъ исходною точкою новаго періода реакціи по отношенію къ малорусскому культурному движенію, въ оживленіи котораго правительство заподозрило «сепаратистскіе замыслы,

враждебные къ Россіи и гибельные для Малороссіи». Просвѣтительныя стремленія малорусской интеллигенціи были квалифицированы, какъ политическая пропаганда, не имѣющая подъ собою никакой почвы. Наиболѣе яркое выраженіе этотъ взглядъ нашелъ въ письмѣ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева къ министру народнаго просвѣщенія графу Головину отъ 18 іюля 1863 г., гдѣ вопросъ о малорусскомъ литературномъ движеніи разсматривается въ новомъ освѣщеніи и рѣшается вполнѣ категорически въ указанномъ смыслѣ. По словамъ Валуева, большинство малороссіянъ того мнѣнія, что «никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, и что нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародьемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши; что обще-русскій языкъ также понятенъ для малороссовъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссами, особенно поляками, такъ называемый украинскій языкъ». Малорусское движеніе, по мнѣнію Валуева, «тѣмъ болѣе прискорбно и заслуживаетъ вниманія, что оно совпадаетъ съ политическими замыслами поляковъ и едва-ли не имъ обязано своимъ происхожденіемъ».... Такимъ образомъ, за малорусскимъ литературнымъ движеніемъ усмотрѣна была «польская интрига», направленная къ ослабленію государственнаго единства Россіи,—хотя факты дѣйствительной жизни съ очевидностью указывали, что польское общество юго-западнаго края, по причинамъ соціальнаго характера, настроено къ малорусскому движенію скорѣе враждебно.

Цитированное письмо министра внутреннихъ дѣлъ явилось результатомъ предварительныхъ сношеній между нимъ, шефомъ жардармовъ и кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, ближайшимъ поводомъ къ которымъ былъ возникшій въ началѣ 60-хъ годовъ вопросъ о разрѣшеніи къ печати представленнаго инспекторомъ нѣжинскаго лицея Морачевскимъ малорусскаго перевода Четвероевангелія. Крайне неблагопріятный отзывъ по этому вопросу кіевскаго генералъ-губернатора Анненкова, признавшаго выпускъ въ свѣтъ малорусскаго перевода Новаго Завѣта «опаснымъ и вреднымъ», въ связи съ общими соображеніями правительства, цитированными выше, привелъ къ слѣдующему постановленію министра внутреннихъ дѣлъ, принятому по соглашенію съ шефомъ жандармовъ и удостоившемуся Высочайшаго одобренія:

«Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, впредь до соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода и шефомъ жандармовъ относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ, сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволять только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ-же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться».

Одновременно министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ сношеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія, шефомъ жандармовъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода по вопросу «о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на малороссійскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для обученія простонародья».

Сношеніе это, однако, не привело къ единодушному соглашенію перечисленныхъ лицъ, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія Головинъ въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ отказался раздѣлить точку зрѣнія

министра внутреннихъ дѣлъ по данному вопросу. Въ своей отвѣтной запискѣ на цитированное письмо Валуева Головинъ пишетъ: «Сущность сочиненія, мысли, изложенныя въономъ, и вообще ученіе, которое оно распространяетъ, а отнюдь не языкъ или нарѣчіе, на которомъ написано, составляютъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать — весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія. Посему Министерство Народнаго Просвѣщенія обязано поощрять и содѣйствовать подобному старанію». Въ частности, по поводу малорусскаго перевода новаго завѣта, Головинъ, объясняя отрицательный отзывъ кіевскаго генералъ-губернатора «какою-то неопытною канцелярскою ошибкой», высказывается за разрѣшеніе перевода. «Духовное вѣдомство, говоритъ онъ, имѣетъ священную обязанность распространять Новый Завѣтъ между всѣми разноплеменными жителями Имперіи на всѣхъ языкахъ, и истиннымъ праздникомъ нашей церкви былъ бы тотъ день, когда мы могли бы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ, хатѣ и юртѣ находится экземпляръ Евангелія на языкѣ, понятномъ обитателямъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны, всемѣрно старается о распространеніи въ своихъ училищахъ, и черезъ нихъ въ народѣ, книгъ духовнаго содержанія, печатаетъ ихъ въ числѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ, и въ ряду этихъ книгъ Новый Завѣтъ на мѣстномъ нарѣчіи долженъ бы занимать первое мѣсто. Посему малороссійскій переводъ Евангелія, исправленный духовною цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, и Министерство Народнаго Просвѣщенія должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полнаго успѣха».

Несмотря на отсутствіе окончательнаго соглашенія между министрами, распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ по цензурному вѣдомству сохраняло свою силу въ теченіе тринадцати лѣтъ, хотя и не во всѣхъ частяхъ и не во все время въ одинаковой степени. Сообщенное одновременно Святѣйшему Синоду, чрезъ посредство синодальнаго оберъ-прокурора (Указъ Синода духовнымъ цензурнымъ комитетамъ 10 іюля 1863 г. № 2156), распоряженіе это сразу пріобрѣло для духовнаго вѣдомства силу закона, которая остается за нимъ и по настоящее время. Немедленно было пріостановлено обсужденіе вопроса о малорусскомъ Евангеліи, запрещенъ былъ выпускъ въ свѣтъ разрѣшенныхъ ранѣе и уже отпечатанныхъ къ тому времени разсказовъ изъ Священнаго Писанія священника Опатовича и нѣсколькихъ житій святыхъ, — за что впослѣдствіи Синодъ долженъ былъ по суду возмѣстить издателямъ убытки; затѣмъ, по настоящее время, въ силу упомянутаго указа, духовные цензурные комитеты не допускаютъ къ печати ни одной малорусской рукописи «духовнаго содержанія» — ни разсказовъ изъ Священной Исторіи, ни проповѣдей, ни житій святыхъ, ни даже беллетристическихъ произведеній съ религіозными сюжетами, — вообще, ничего, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ религіи и церкви.

Въ области гражданской цензуры распоряженіе 1863 г. не имѣло столь безповоротно рѣшительнаго значенія. Въ теченіе 60-хъ годовъ, подъ давленіемъ этого закона, новыхъ малорусскихъ книгъ почти не появлялось. Семидесятые годы принесли съ собою значительное фактическое облегченіе цензурнаго режима, совпавшее съ оживленіемъ литературной работы малорусской интеллигенціи. Открывшійся въ 1872 г. въ Кіевѣ юго-западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества объединилъ на почвѣ этнографическихъ изслѣдованій многихъ выдающихся работни-

ковъ, труды которыхъ въ экспедиціи Чубинскаго (1869—1870 гг.) составили блестящій вкладъ въ науку русской этнографіи. Появляются новые крупные таланты въ области художественнаго творчества. Благодаря снисходительному отношенію цензуры, выходятъ въ свѣтъ даже популярныя произведенія историческаго, юридическаго и естественно-научнаго содержанія. Общее число разрѣшаемыхъ цензурою къ печати малорусскихъ книгъ сильно возросло.

Широкая литературная, научная и просвѣтительная дѣятельность кіевскаго малорусскаго кружка вызвала безпокойство въ средѣ крайнихъ сторонниковъ обрусительной политики, которые въ газетныхъ статьяхъ и частныхъ сообщеніяхъ старались обратить вниманіе высшаго правительства на опасность украинофильской пропаганды, стремящейся привить народнымъ массамъ южной Россіи идею о самобытности малорусской національности.

Для всесторонняго обсужденія этого вопроса, въ началѣ 1875 г., по Высочайшему повелѣнію, было образовано, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, совѣщаніе изъ министра народнаго просвѣщенія, оберъ-прокурора Св. Синода и главнаго начальника III отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, при участіи предсѣдателя Кіевской Археографической Коммиссіи, т. с. Юзефовича. При обсужденіи вопроса, совѣщаніе основывалось, главнымъ образомъ, на сообщеніяхъ т. с. Юзефовича и частью на свѣдѣніяхъ, которыми располагали главное управленіе по дѣламъ печати и III отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. По мнѣнію т. с. Юзефовича, идея малорусской самобытности являлась измышленіемъ австрійско-польской интриги и не имѣла почвы въ исторіи и духѣ малорусскаго народа; пропаганда украинофиловъ до послѣдняго времени не пользовалась успѣхомъ: серьезное значеніе она пріобрѣла лишь со времени учрежденія въ Кіевѣ Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ составъ котораго вошли крайне неблагонамѣренныя лица. Современное украинофильство, по мнѣнію т. с. Юзефовича, маскируетъ собою идеи соціализма и потому требуетъ энергичныхъ мѣръ для пресѣченія зла. Изъ свѣдѣній главнаго управленія по дѣламъ печати совѣщаніе усмотрѣло, что цензурное вѣдомство также видитъ въ литературной дѣятельности украинофиловъ стремленіе обособиться отъ великорусской литературы, а слѣдовательно скрытое посягательство на государственное единство Россіи. III отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи указало на случаи распространенія среди сельскаго населенія книгъ и брошюръ на малорусскомъ нарѣчіи, хотя и разрѣшенныхъ къ печати цензурою и не имѣющихъ, по содержанію своему, антиправительственнаго характера, но раздаваемыхъ съ предвзятою цѣлью.

На основаніи этихъ свѣдѣній и соображеній, совѣщаніе признало, что украинофильское движеніе исходитъ изъ превратнаго убѣжденія въ рѣзкомъ различіи между малорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями и имѣетъ конечною цѣлью сначала литературное, а затѣмъ и политическое обособленіе Малороссіи отъ остальной Россіи. Въ виду этого, совѣщаніе, считая украинофильское движеніе въ его современной формѣ явленіемъ крайне опаснымъ, признало необходимымъ: принять ограничительныя мѣры по отношенію къ Кіевскому Отдѣлу Императорскаго Географическаго Общества; установить надзоръ за преподавателями и библіотеками учебныхъ заведеній малороссійскихъ губерній; субсидировать галицкую руссофильскую газету «Слово», въ видахъ противодѣйствія галицкому украинофильству, служащему какъ-бы точкою опоры кіевскимъ украинофиламъ; наконецъ, съ

цѣлью положить предѣлъ распространенію книгъ и брошюръ на малорусскомъ нарѣчіи, совѣщаніе выработало слѣдующія правила:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи, безъ особаго на то разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати, какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малорусскомъ нарѣчіи.

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности; но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ; въ произведеніяхъ-же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія, и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописей въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

3. Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малороссійскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на немъ текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ.

Постановленія совѣщанія были Высочайше утверждены 18/30 мая 1876 г., причемъ сверхъ того Высочайше повелѣно было закрыть кіевскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ его тогдашнемъ составѣ.

Законъ 1876 г., оставшійся оффиціально не опубликованнымъ, представляетъ основное законоположеніе, которымъ до настоящаго времени регулируется существованіе и развитіе малорусской литературы. Послѣдующія измѣненія и наслоенія не мѣняли его общей тенденціи — пріостановить естественное развитіе и литературную разработку живого малорусскаго языка.

Новый ударъ, постигшій малорусское литературное движеніе, на первыхъ порахъ отозвался сильнымъ сокращеніемъ литературной производительности на малорусскомъ языкѣ. Категоричность постановленій 1876 г., не оставлявшая сомнѣній въ томъ, что дальнѣйшее развитіе малорусской литературы не отвѣчаетъ видамъ правительства, обусловила особенную строгость цензуры, распространявшуюся и на ту категорію произведеній, для которой, казалось-бы, законъ 1876 г. не имѣлъ въ виду устанавливать исключительныхъ мѣръ, т. е. для произведеній изящной словесности. Естественнымъ послѣдствіемъ установившагося съ 1876 г. цензурнаго режима было усиленіе участія украинскихъ литературныхъ силъ въ печати австрійской Галиціи.

Наступившее въ 1880 г. облегченіе общихъ цензурныхъ условій въ Россіи нѣсколько ослабило фактическое давленіе закона 1876 г. и привело къ новому пересмотру легшихъ въ его основаніе соображеній. Поводомъ къ этому послужили вызванныя ходатайствами малорусскихъ литераторовъ представленія министру внутреннихъ дѣлъ отъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и отъ временнаго харьковскаго генералъ-губернатора, относящіяся къ началу 1881 года. Кіевскій генералъ-губернаторъ высказалъ, что суровая мѣра 1876 г., принятая безъ вѣдома и заключенія мѣстной администраціи, не оправдывается дѣйствительною необходимостью, вызывая, между тѣмъ, нежелательное раздраженіе среди южно-русской интеллигенціи; генералъ-адъютантъ Чертковъ полагалъ, что, въ интересахъ утвержденія довѣрія къ Правительству, ограниченія 1876 г. слѣдуетъ отмѣнить и поставить литературныя произведенія на малорусскомъ нарѣчіи въ одинаковыя цензурныя условія съ произведе-

ніями на общерусскомъ литературномъ языкѣ. Харьковскій генералъ-губернаторъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ находилъ, что правила 1876 года не только не достигли цѣли, но вызвали недовольство даже въ тѣхъ слояхъ малорусскаго образованнаго общества, которые всегда были искренними приверженцами единенія съ Россіей. Въ этихъ видахъ, законъ 1876 года требуетъ, по мнѣнію князя Дондукова-Корсакова, значительнаго смягченія; запрещеніе сценическихъ представленій и музыкальныхъ пьесъ должно быть, по его мнѣнію, отмѣнено; отмѣнѣ подлежитъ также ограниченіе изданія книгъ и сочиненій на малорусскомъ языкѣ независимо отъ ихъ содержанія.

Пересмотръ правилъ 1876 г. былъ произведенъ уже во второй половинѣ 1881 г., въ образованномъ, по Высочайшему повелѣнію, особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Игнатьева, при участіи т. с. Побѣдоносцева, статсъ-секретарей Островскаго и Сольскаго и и. д. начальника главнаго управленія по дѣламъ печати гофмейстера князя Вяземскаго. Совѣщаніе это признало необходимымъ сохранить правила 1876 г. въ силѣ и на будущее время, сдѣлавъ въ нихъ лишь слѣдующія дополненія:

1) п. 2 правилъ дополнить поясненіемъ, что къ числу изданій, которыя дозволяется печатать на малорусскомъ нарѣчіи, прибавляются словари, подъ условіемъ печатанія ихъ съ соблюденіемъ общерусскаго правописанія или правописанія, употреблявшагося въ Малороссіи не позже XVIII в.;

2) п. 3 разъяснить въ томъ смыслѣ, что драматическія пьесы, сцены и куплеты на малорусскомъ нарѣчіи, дозволенныя къ представленію въ прежнее время драматическою цензурою и могущія вновь быть дозволенными главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати,—могутъ быть исполняемы на сценѣ, съ особаго, однако, каждый разъ разрѣшенія генералъ-губернатора, а въ мѣстностяхъ, не подчиненныхъ генералъ-губернаторамъ,—съ разрѣшенія губернаторовъ, и что разрѣшеніе печатанія на малорусскомъ нарѣчіи текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ, при условіи общепринятаго русскаго правописанія, предоставляется главному управленію по дѣламъ печати;

и 3) совершенно воспретить устройство спеціально-малорусскаго театра и формированіе труппъ для исполненія пьесъ и сценъ исключительно на малорусскомъ нарѣчіи.

Эти постановленія были Высочайше утверждены 8 октября 1881 г.

На основѣ правилъ 1876 и 1881 гг. цензурное вѣдомство въ послѣдующее время издавало сверхъ того особыя циркулярныя распоряженія, которыми еще болѣе усиливался установленный этими правилами ограничительный режимъ. Такъ, въ 1884 г. главное управленіе по дѣламъ печати подтвердило начальникамъ губерній о необходимости слѣдить, чтобы въ репертуаръ малорусскихъ труппъ входили русскія пьесы, и вообще наблюдать за украинофилами, «избравшими сцену орудіемъ для пропаганды своего ученія». Въ 1892 г. с.-петербургскому цензурному комитету предложено, независимо отъ безусловнаго запрещенія переводовъ съ русскаго на малорусскій языкъ, какъ прямо противорѣчащихъ п. 2 правилъ 1876 г., съ особенною строгостью разсматривать всѣ оригинальныя малорусскія произведенія, запрещая при этомъ не только все противорѣчащее общимъ цензурнымъ правиламъ, но, при малѣйшемъ къ тому поводѣ, сокращая число такихъ произведеній въ цѣляхъ чисто государственныхъ. Въ 1895 г. главное управленіе по дѣламъ печати предложило не дозволять къ печати книгъ и сборниковъ на малорусскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для дѣтскаго

чтенія, «хотя бы по существу содержанія они и представлялись благонамѣренными».

Совокупность этихъ распоряженій съ полною ясностью характеризуетъ общую тенденцію цензурнаго вѣдомства къ искорененію, во что бы то ни стало, малорусской литературы, «въ цѣляхъ чисто государственныхъ», хотя бы отдѣльныя произведенія этой литературы, по своему содержанію, и «представлялись благонамѣренными». Это была все та-же точка зрѣнія, которая была формулирована уже въ 1863 г. Валуевымъ въ исторической фразѣ: «никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ». Исторія малорусской литературы съ 1876 г. представляетъ борьбу естественнаго стремленія малорусской народности къ литературной разработкѣ живой народной рѣчи—съ предоставленною цензурному вѣдомству властью по своему усмотрѣнію подвергать запрету всякое малорусское слово, какъ по существу вредное и опасное для государственнаго единства. Въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ установившійся для малорусской литературы цензурный режимъ, при такихъ условіяхъ, свободно могъ переходить и на практикѣ постоянно переходилъ указанныя правилами 1876 г. рамки. Борьба съ цензорскимъ усмотрѣніемъ крайне затруднялась для малорусскихъ авторовъ и издателей секретнымъ характеромъ распоряженій по вопросу о малорусской литературѣ, который отнималъ у заинтересованныхъ лицъ возможность отстаивать законнымъ путемъ представлявшіяся имъ несомнѣнными права. Жалобы на цензурное вѣдомство, обращенныя къ министерству внутреннихъ дѣлъ, встрѣчали, большею частью, отвѣтъ: «ходатайство удовлетворенію не подлежитъ», — безъ дальнѣйшихъ мотивовъ и разъясненій. Когда же нѣкоторые авторы, переходя отъ инстанціи къ инстанціи, пытались, на точномъ основаніи общихъ законовъ, доводить свое дѣло до Правительствующаго Сената, послѣдній не находилъ возможности входить въ разсмотрѣніе дѣла по существу, въ виду того, что малорусская литература подчиняется особо преподаннымъ по этому предмету правиламъ.

Но, какъ уже упомянуто, примѣненіе этихъ правилъ регулировалось личнымъ усмотрѣніемъ руководителей цензурнаго вѣдомства и потому, съ 1876 г. по настоящее время, практика малорусскихъ литераторовъ и издателей накопила обильный матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что стремленіе ограничить развитіе малорусской литературы, причиняя тяжкія страданія живому народному организму, все-же, однако, было не въ силахъ заглушить требованія жизни и могло дать только нежелательныя извращенія и отклоненія отъ естественныхъ рамокъ, установленныхъ для роста малорусскаго слова природою и исторіей.

Закономъ 1876 г. малорусская литература была, въ сущности, отдана въ крѣпостное владѣніе цензурному вѣдомству, которое безконтрольно и безотвѣтственно имѣло возможность по своему усмотрѣнію видоизмѣнять объемъ примѣненія закона, оставшагося скрытымъ отъ тѣхъ, кого онъ касался. Въ этомъ примѣненіи сразу обозначились два теченія: одно, основанное на духѣ и мотивахъ правилъ 1876 г., стремилось расширить ихъ рамки по возможности до полнаго истребленія малорусскаго слова; другое характеризовалось извѣстною уступчивостью требованіямъ жизни, указывавшею, что и сами исполнители правилъ 1876 г. не находили возможнымъ доводить ихъ примѣненіе ad absurdum. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ теченій привело къ тому, что въ теченіе тридцати лѣтъ своего существованія законъ

1876 г., оставаясь, какъ общее правило, грозою для малорусскаго литературнаго движенія и притомъ все усиливая раскаты своего грома и силу удара своихъ молній,—въ то-же время фактически, отдѣльными отступленіями цензорской практики, былъ въ разное время отмѣненъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Этими именно частичными отступленіями цензурное вѣдомство какъ нельзя лучше и ярче подчеркивало полную несостоятельность установившагося режима. Мы приведемъ наиболѣе характерные примѣры неустойчивости цензурной практики по каждому изъ пунктовъ закона 1876 года.

Пунктъ первый закона воспрещалъ ввозъ въ предѣлы Имперіи, безъ особаго разрѣшенія, какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ на малорусскомъ языкѣ. Первымъ исключеніемъ изъ этого правила явились изданія галицкихъ «москвофиловъ», въ томъ числѣ и народныя изданія («Наука» Наумовича), писанныя живою народною рѣчью; этого рода изданія пропускаются въ Россію свободно, безъ «особаго разрѣшенія». Но за то, съ другой стороны, произведенія литераторовъ, принадлежащихъ къ «украинофильской» партіи, иногда не допускались ко ввозу, не смотря на полученное предварительно разрѣшеніе. Такая судьба постигла книгу Франка «В поті чола», вслѣдствіе доноса, указавшаго на то, что въ Галиціи эта книга обращалась съ предисловіемъ Драгоманова.

Довольно продолжительное время исключеніемъ, хотя и не безусловнымъ, были періодическія изданія, выходившія во Львовѣ. Основываясь на буквѣ закона 1876 г. («не допускать ввоза.... книгъ и брошюръ»), нѣкоторыя мѣстныя цензурныя учрежденія свободно пропускали изъ-за границы газеты и журналы: «Діло», «Правду», «Батьківщину», «Дзвінокъ», «Зорю». Послѣдняя успѣла пріобрѣсти въ Россіи до 400 подписчиковъ—и, быть можетъ, именно въ виду столь «широкаго» распространенія, около средины 90-хъ годовъ вдругъ стала для своихъ подписчиковъ запретнымъ плодомъ. Замѣнившій «Зорю» ежемѣсячный журналъ «Літературно-науковий Вістник» почти три года пропускался въ Россію и, въ виду этого, редактировался очень осторожно, чтобы не вызвать недовольства цензуры содержаніемъ статей; но въ 1901 г., когда число подписчиковъ «Вістника» по сю сторону границы дошло до 150 человѣкъ, граница передъ нимъ была закрыта. Въ послѣдніе годы соблюденіе п. 1 закона 1876 г. въ отношеніи періодическихъ изданій стало послѣдовательнымъ и однообразнымъ — въ смыслѣ полнаго недопущенія ихъ ввоза.

Пунктъ второй, казалось-бы, достаточно самъ по себѣ ясный и категоричный (запрещено все, кромѣ историческихъ документовъ и произведеній изящной словесности), на практикѣ подвергался въ отдѣльныхъ случаяхъ истолкованіямъ самаго противоположнаго смысла, при чемъ натяжки, которыя дѣлало цензурное вѣдомство при расширеніи рамокъ запрета, носили иногда прямо талмудическій характеръ. Наиболѣе характернымъ въ этомъ отношеніи является вопросъ о переводахъ на малорусскій языкъ. По точному смыслу закона 1876 г., переводы произведеній изящной литературы не воспрещены: «печатаніе.... оригинальныхъ произведеній и переводовъ... воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности...», слѣдовательно, общимъ правиломъ закона является запретъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ, а исключеніемъ изъ этого правила—произведенія изящной словесности вообще. Въ первое время послѣ изданія закона 1876 г., съ наступленіемъ полосы облегченій, цензура такъ и толковала этотъ пунктъ; въ 1880—1882 гг. напечатанъ рядъ переводовъ Александрова, Олены Пчилки и Старицкаго изъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ: Лермонтова,

Козлова, Гоголя, Крылова, Некрасова, Мицкевича, Сырокомли, Гейне, Шекспира и др. *). Но уже съ 1883 г. переводы на малорусскій языкъ подвергаются систематическому запрещенію, такъ какъ цензурное вѣдомство нашло необходимымъ толковать п. 2 закона 1876 г. въ такомъ смыслѣ, что произведенія изящной словесности, по аналогіи съ историческими памятниками, дозволяются только оригинальныя, переводы же относятся къ произведеніямъ безусловно запретнымъ. Этого взгляда на практикѣ цензура придерживается и по настоящее время, не смотря на то, что въ 1892 г. состоялось отмѣченное выше распоряженіе по с.-петербургскому цензурному комитету о болѣе строгомъ отношеніи къ оригинальнымъ малорусскимъ произведеніямъ, «независимо отъ безусловнаго запрещенія переводовъ съ русскаго на малорусскій языкъ, прямо противорѣчащихъ п. 2 Высочайше утвержденныхъ правилъ 1876 г.»; ясно, казалось-бы, что даже это суровое распоряженіе признаетъ переводы съ иностранныхъ языковъ на малорусскій не противорѣчащими закону 1876 г., и, тѣмъ не менѣе, переводы не разрѣшаются цензурою къ печати, за исключеніемъ цензорскихъ недосмотровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда переводчики не упоминаютъ въ своихъ рукописяхъ имени автора или обозначаютъ свою работу спеціально изобрѣтеннымъ терминомъ—«переспів».

Другимъ, не менѣе произвольнымъ, выводомъ изъ закона 1876 года было запрещеніе литературы для дѣтскаго чтенія. Этого рода произведенія, какъ особая категорія беллетристики, по прямому смыслу п. 2, могутъ допускаться къ печати. Но на практикѣ, послѣ 1876 г. произведенія дѣтской литературы на малорусскомъ языкѣ являются рѣдкимъ исключеніемъ (упомянутый выше сборникъ Пчілки 1882 г., «Читанка», Хуторного, 1883 г.), а въ 1895 г. спеціально по поводу этого вопроса состоялось распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати, уже цитированное выше,—съ предложеніемъ не дозволять малорусскихъ книгъ и сборниковъ, предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, «хотя бы по существу содержанія они и представлялись благонамѣренными». Объясненіе этому страху цензурнаго вѣдомства предъ дѣтскою литературою находимъ въ отзывѣ одного изъ цензоровъ по поводу представленнаго въ цензуру сборника разсказовъ для дѣтей: «сборникъ, очевидно, предназначается для дѣтскаго чтенія, но дѣти должны учиться по русски». По логикѣ вещей, можно было бы ожидать, что, при такомъ взглядѣ, цензура столь-же сурово будетъ относиться и къ дѣтскимъ книжкамъ на нѣмецкомъ, французскомъ и другихъ языкахъ; но этого, какъ извѣстно, нѣтъ; всѣ-же представлявшіяся въ цензуру малорусскія хрестоматіи («Читанка», «Перший снопок», «Од льоду до льоду», «Веселка» и др.) и даже отдѣльныя стихотворенія и разсказы, разъ предполагалась пригодность ихъ для дѣтскаго чтенія, съ этого времени безусловно воспрещались. Исключеніе составляютъ популярныя «Байки» Глібова, которыя были разрѣшены къ печати въ 1895 г., хотя лишь послѣ особыхъ ходатайствъ и то съ устраненіемъ тѣхъ изъ басенъ, которыя, по мнѣнію цензора, представляли переводъ изъ Крылова.

Наиболѣе тяжело отозвался законъ 1876 г. на народной литера-

---

*) Переводы эти помѣщены въ изданіяхъ: Александровъ, Малоруськис піванки. Харьковъ, 1880 г.

Пчілка, Переклади зъ Гоголя, Кіевъ, 1881 г.

Пчілка, Українськімъ дітямъ, Кіевъ, 1882 г.

Старицький, Зъ давнёго зшитку. Пісні і думи. Ч. I, Кіевъ, 1881 г.

Старицький, Пісні і думи. Ч. II, Кіевъ, 1882 г.

Старицький, Гамлетъ принцъ Данський. Кіевъ, 1882 г.

Старицький, Байки Крилова. Кіевъ, 1882 г.

турѣ, — и въ этой именно области происходитъ особенно упорная борьба между требованіями жизни и цензурнымъ режимомъ. Здѣсь также исходною точкою цензурной практики является принципъ: «малороссы должны учиться по русски», а слѣдовательно произведенія, имѣющія цѣлью распространить въ народной массѣ полезныя свѣдѣнія, должны быть написаны на государственномъ языкѣ. Этотъ принципъ, можно думать, имѣлся въ виду и составителями закона 1876 г., обезпокоенными просвѣтительною дѣятельностью малорусской интеллигенціи 70-хъ годовъ. Прямой смыслъ закона не оставлялъ сомнѣній въ недопустимости популярной литературы, — и въ первые годы новаго режима популярныя брошюры не появлялись въ печати. Но съ начала 80-хъ годовъ почувствовалось облегченіе даже въ этой запретной области: цензура дозволила рядъ брошюръ по сельскому хозяйству, популярной медицинѣ, физикѣ, географіи, естественной исторіи*); появляются перепечатки народныхъ брошюръ начала 60-хъ годовъ; разрѣшается къ печати даже «Граматка або перша чытанка за для початку вченья» (Кіевъ, 1883), цѣль которой, по объясненію составителя, заключалась въ томъ, чтобы «облегчить обученіе первоначальной грамотѣ».

Не долго, однако, малорусская популярная литература пользовалась этою перемѣною вѣяній въ цензурныхъ сферахъ. Снова устанавливается запретительный режимъ, сквозь который изрѣдка проскальзываютъ одинокія популярно-научныя брошюрки, допускаемыя къ печати «въ видѣ исключенія», какъ полезныя въ крестьянскомъ быту. Съ конца 90-хъ годовъ с.-петербургскій цензурный комитетъ сталъ направлять брошюры по сельскому хозяйству для отзыва въ ученый комитетъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ; благопріятный отзывъ этого учрежденія о содержаніи брошюры давалъ цензурному комитету основаніе сдѣлать для нея «исключеніе» изъ закона 1876 г. Такимъ путемъ увидѣло свѣтъ нѣсколько очень цѣнныхъ брошюръ, популяризирующихъ сельскохозяйственныя знанія. Но и здѣсь цензурное вѣдомство не обходилось безъ колебаній. Когда одна изъ заслужившихъ широкую популярность брошюръ Чикаленка, вышедшая изъ продажи, была представлена на разрѣшеніе цензуры для второго изданія, она была запрещена и только послѣ жалобы автора министру внутреннихъ дѣлъ вновь дозволена къ печати.

Популярныя брошюры, касающіяся другихъ сферъ знаній, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ оффиціальныхъ учрежденій, которыя могли бы своимъ авторитетомъ склонить цензурное вѣдомство къ благопріятному рѣшенію, проходятъ въ печать только случайно и съ большими затрудненіями. Особенно враждебно почему-то относится цензура къ брошюрамъ по медицинѣ и гигіенѣ, систематически запрещая ихъ даже при очевидной пользѣ сообщаемыхъ свѣдѣній для крестьянской массы. Къ брошюрамъ по географіи, исторіи и естественнымъ наукамъ цензура относится столь-же отрицательно, хотя усвоенный нѣкоторыми авторами пріемъ изложенія и даетъ иногда подобной брошюрѣ возможность попасть въ число «исключеній». Этотъ пріемъ заключается въ беллетристической обработкѣ избранной

---

*) А именно:
Л. М. Листъ до хліборобівъ про жучка хлібоіда, Харьковъ, 1880.
Лікарь М—чъ, Про обкладки (дифтеритъ), Кіевъ, 1880.
Де-що про світъ божий, Кіевъ, 1882.
Степовикъ, Оповідання про комахъ, Кіевъ, 1882.
Хвідоровськнй — Про дифтеритъ або обкладки, Харьковъ, 1882.
Чайченко, Про гримъ та блыскавку, Харьковъ, 1883.
Гамалія, Земля и люде въ Россіи, I—VI, Кіевъ, 1883—84.
Ивановъ, Розмова про земни сылы, Кіевъ, 1885.

темы, путемъ болѣе или менѣе искусственнаго присоединенія къ ней той или другой несложной фабулы и затѣмъ—изложенія необходимыхъ свѣдѣній въ формѣ разговоровъ между дѣйствующими лицами. Такъ какъ далеко не всякая тема легко поддается беллетристической обработкѣ, то въ большинствѣ подобныхъ случаевъ авторы насилуютъ свое творчество ко вреду для живости и ясности изложенія; но за то рукопись получаетъ видъ «произведенія изящной литературы», и шансы на дозволеніе ея къ печати значительно возростаютъ: благожелательный цензоръ воспользуется формальнымъ предлогомъ, чтобы подвести такую рукопись подъ категорію произведеній, по закону 1876 г. допускаемыхъ къ печати, а съ суровымъ цензоромъ авторъ или издатель получаетъ возможность спорить, доказывая принадлежность своего произведенія къ области беллетристики. Конечно, этотъ пріемъ далеко не всегда ведетъ къ успѣху, но, въ силу практическихъ соображеній, онъ является для авторовъ почти обязательнымъ. Дѣйствующее въ С.-Петербургѣ малорусское издательское общество («Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ») въ своихъ публикаціяхъ, которыми малорусскіе литераторы приглашаются доставлять рукописи популярно-научнаго содержанія, вынуждено было включить беллетристическую форму въ число условій, которымъ должны удовлетворять представляемыя сочиненія. Другимъ тактическимъ пріемомъ въ борьбѣ малорусскихъ литераторовъ съ постановленіями закона 1876 г. — была подача разъ уже запрещенныхъ рукописей черезъ нѣкоторое время вторично, подъ новыми заглавіями. Благодаря перемѣнамъ въ цензурныхъ вѣяніяхъ или различію взглядовъ отдѣльныхъ цензоровъ, попытки этого рода иногда не оставались безплодными. Но за то нерѣдко запрещались брошюры, уже дозволенныя въ прежнее время.

Для характеристики содержанія тѣхъ популярно-научныхъ произведеній, которыя были запрещены цензурою въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, приводимъ нѣкоторые заголовки запрещенныхъ рукописей: «Про бабськи ликы и забобоны» (наблюденія сельскаго врача въ области деревенскаго знахарства; впослѣдствіи эта брошюра была разрѣшена подъ другимъ заглавіемъ, благодаря ходатайствамъ кіевскаго врачебнаго комитета и кіевскаго генералъ-губернатора); «Якъ жыве тило людське» (популярная физіологія); «Святи Кирило и Меѳодій»; «Порадныкъ матерямъ» (совѣты по гигіенѣ); «Порадныкъ жинкамъ» (тоже); «Якъ годуваты малыхъ дитей» (впослѣдствіи дозволено подъ другимъ заглавіемъ); «Якъ доглядаты малыхъ дитей»; «Оповѣдання про комахъ» (перепечатка изданія 1882 г.); «Ящуръ»; «Про горы»; «Про вулканы»; «Де-що про свитъ Божій» (запрещалось неоднократно, хотя до 1882 г. вышло нѣсколько изданій этой брошюры); «Перши кіевськи князи»; «Татары и Лытва на Украини»; «Унія и Петро Могыла»; «Велыкый войовныкъ» (объ Александрѣ Македонскомъ). Съ другой стороны, дозволены къ печати, напр., слѣдующія брошюры, хотя и не всѣ онѣ удовлетворяютъ требованію беллетристической формы: «Корыстни звирятка», «Про городыну», «Бжильныцтво», «Виноградъ», «Про сухоты на рогатій худоби», «Сіяни травы», «Про пошести або лыхи хворобы», «Худоба», «Садъ», «Садовына», «Чорный паръ», «Якъ выгадано машыною йиздыты», «Добра порада» (объ укушеніи бѣшеными собаками), «Видъ чого вмерла Мелася» (о дифтеритѣ). Часть этихъ брошюръ прошла благодаря отзыву ученаго комитета министерства земледѣлія, но нѣкоторыя, по особому снисхожденію, были пропущены и безъ такого отзыва.

Пунктъ второй закона 1876 г. разрѣшаетъ печатаніе историческихъ документовъ и памятниковъ, при условіи лишь соблюденія правописанія

подлинника. Но и въ это, совершенно ясное, постановленіе цензурная практика вноситъ свои «поправки». Такъ, журналу «Кіевская Старина» не было разрѣшено напечатать въ полномъ видѣ переписку Квитки съ Краевскимъ, относящуюся къ 30-мъ годамъ; тѣ мѣста въ письмахъ Квитки, гдѣ онъ излагаетъ свои взгляды въ защиту малорусскаго языка, были цензурою исключены. Этотъ фактъ, впрочемъ, скорѣе относится къ дѣйствіямъ общей цензуры, чѣмъ спеціально малороссійской, такъ какъ письма Квитки были писаны на русскомъ языкѣ. Но нельзя не отмѣтить, что ограничительный режимъ, установленный для малорусской литературы, распространялся цензурою и на область «Ukrainica»: все, что писалось въ русской литературѣ о Малороссіи, малороссахъ, малорусскомъ языкѣ, — разсматривалось цензурою сквозь спеціальную призму, хотя бы то были работы не публицистическаго, а научнаго характера. Весьма характерны въ этомъ отношеніи два слѣдующихъ факта: въ 90-хъ годахъ журналу «Кіевская Старина» было запрещено напечатать на своихъ страницахъ оставшійся въ бумагахъ Потебни малорусскій букварь; въ 1887 г. извѣстный педагогъ г. Науменко представилъ на разрѣшеніе с.-петербургскаго цензурнаго комитета рукопись, подъ заглавіемъ: «Опытъ грамматики малорусскаго языка»; въ тотъ же день рукопись эта была возвращена автору не прочтенною, а при личныхъ объясненіяхъ ему было сказано: «нельзя же разрѣшать къ печати грамматику того языка, который обреченъ на небытіе». Этотъ, съ такимъ легкимъ сердцемъ и столь безапеляціонно произнесенный, приговоръ опять напоминаетъ намъ о принципѣ: «малорусскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ», провозглашенномъ еще въ 1863 г., но получившемъ широкое примѣненіе только послѣ изданія закона 1876 года.

Ни законъ 1876 г., ни дополнительныя постановленія 1881 г. вовсе не упоминаютъ о періодической печати на малорусскомъ языкѣ, быть можетъ, потому, что по прекращеніи «Основы» фактически малорусской прессы не существовало: были и въ настоящее время существуютъ лишь изданія, по своему содержанію посвященныя интересамъ южной Россіи, но печатаемыя на русскомъ языкѣ. На практикѣ умолчаніе это было истолковано цензурою въ смыслѣ полнаго воспрещенія какихъ бы то ни было періодическихъ изданій на малорусскомъ языкѣ, и на этомъ основаніи многочисленныя ходатайства о разрѣшеніи малорусскихъ газетъ и журналовъ (въ одномъ 1904 г. до 10 ходатайствъ изъ разныхъ городовъ юга) отклоняются въ стереотипной формѣ: «удовлетворенію не подлежитъ». Но если еще можно признать логичность такихъ отказовъ въ связи съ прямымъ воспрещеніемъ въ законѣ 1876 г. литературы публицистическаго характера, то совершенно произвольнымъ представляется гоненіе собственно на періодичность изданій, хотя бы чисто беллетристическихъ. Между тѣмъ такое гоненіе есть фактъ. Кіевское книгоиздательство «Викъ», задумавъ издать серію произведеній украинскихъ писателей, дало ей общее заглавіе «Украинська библіотека», но этотъ заголовокъ былъ вычеркнутъ цензурою; было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи заглавія «Наша библіотека», но и оно не увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ въ словѣ «Наша» былъ усмотрѣнъ оттѣнокъ сепаратизма («Почему же *наша*? Лишь бы не *ваша*»?» — формулировалъ цензоръ свои подозрѣнія); когда, наконецъ, издатель рѣшилъ устранить подозрительное мѣстоименіе, оставивъ просто «Библіотека», то онъ вновь получилъ отказъ, на этотъ разъ сопровождаемый разъясненіемъ, что всякое общее заглавіе напоминаетъ о періодическомъ изданіи, а потому не можетъ быть допущено.

Говоря о періодическихъ изданіяхъ, слѣдуетъ указать, что устано-

вленный по закону 1876 г. порядокъ разсмотрѣнія малорусскихъ рукописей, которое сосредоточено въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, — совершенно исключаетъ возможность печатать малорусскія произведенія, хотя бы чисто беллетристическія, на страницахъ общей прессы, какъ это было въ первой половинѣ XIX в. Единственнымъ счастливымъ исключеніемъ является ежемѣсячникъ «Кіевская Старина», редакціи котораго разрѣшено, по особому ходатайству, цензуровать печатаемыя на его страницахъ малорусскія беллетристическія произведенія у кіевскаго отдѣльнаго цензора.

Остается коснуться послѣдняго пункта закона 1876 г., относящагося къ сценическимъ представленіямъ и нотнымъ текстамъ. До 1881 г. категорически выраженное въ этомъ пунктѣ воспрещеніе малорусской сцены и пѣсни соблюдалось съ такою строгостью, что исполненіе съ эстрады народныхъ малорусскихъ пѣсенъ было возможно лишь въ переводѣ ихъ текста на французскій языкъ. Законъ 1881 г. отмѣнилъ запрещеніе нотныхъ текстовъ, а разрѣшеніе театральныхъ представленій поставилъ въ зависимость отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи, совершенно воспретивъ при этомъ исключительно малорусскія труппы и театры. Это распоряженіе было истолковано въ смыслѣ дозволенія лишь смѣшанныхъ спектаклей, въ программу которыхъ должны обязательно включаться пьесы на русскомъ языкѣ; при этомъ нерѣдко мѣстная администрація выставляла требованіе, чтобы русская пьеса имѣла столько же актовъ, сколько и малорусская, такъ что антрепренерамъ пришлось, во избѣжаніе чрезмѣрной продолжительности спектаклей, имѣть въ своемъ репертуарѣ спеціально сочиненныя русскія пьесы съ очень быстрымъ ходомъ дѣйствія и очень краткими актами. Въ настоящее время это требованіе уже не предъявляется къ малорусскимъ труппамъ, но включеніе въ репертуаръ какой бы то ни было русской пьесы считается обязательнымъ.

Обзоръ основанной на законѣ 1876 г. — и не основанной на немъ — цензурной практики былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о правописаніи малорусскихъ книгъ. Законъ 1876 г. обязалъ цензурное вѣдомство не допускать никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія. Такое требованіе по самому существу было невыполнимо, ибо «общепринятое правописаніе» не могло передать особенностей малорусской фонетики. До 1883 г. поэтому цензура продолжала допускать употребленіе въ малорусскихъ изданіяхъ правописанія, введеннаго Кулишомъ,— такъ называемой «кулишовки», главную особенность которой составляетъ выраженіе остраго звука «и» черезъ «і» и звука, средняго между «и» и «ы»,—черезъ «и» («вік», «привик»). Но затѣмъ кулишовка была признана не соотвѣтствующею смыслу закона 1876 г., и малорусскіе авторы и издатели были принуждены ввести въ своихъ изданіяхъ употребляемое нынѣ правописаніе, которое едва-ли можетъ быть названо «общепринятымъ русскимъ», а между тѣмъ совершенно извращаетъ фонетическій строй малорусской рѣчи неумѣстнымъ примѣненіемъ буквы «ы» для изображенія гораздо болѣе мягкаго звука, чѣмъ соотвѣтствующій звукъ великорусскаго языка («викъ», «прывыкъ»).

Изложенные факты носятъ принципіальный характеръ, такъ какъ иллюстрируемое ими отношеніе цензурной практики къ буквѣ и духу закона 1876 г. такъ или иначе основывалось на указаніяхъ, исходящихъ свыше. Если бы мы поставили себѣ задачу охарактеризовать цензурный режимъ,

которому подвержена малорусская литература, фактами изъ болѣе обширной области личныхъ усмотрѣній отдѣльныхъ цензоровъ, то неустойчивость и произвольность цензурной практики сдѣлалась бы еще ярче; но такихъ фактовъ слишкомъ много, чтобы ихъ перечислять, а сверхъ того они носятъ слишкомъ личный и частный характеръ. Достаточно указать, что тѣ придирки цензоровъ николаевскаго времени, о которыхъ мемуаристы сообщаютъ, какъ о курьезахъ, блѣднѣютъ передъ случаями изъ практики малорусскихъ авторовъ и издателей. Одни цензора запрещаютъ тѣ произведенія, которыя еще недавно, въ другихъ изданіяхъ, были разрѣшены другими; вычеркиваются всѣ мѣста, напоминающія объ антагонизмѣ интересовъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ; исключаются такія слова, какъ «козакъ», «москаль», «украина», «украинскій», «Сичъ», «Запорожье»; запрещаются стихотворенія за заключающіеся въ нихъ «неологизмы»; не допускаются къ печати и представленію пьесы съ участіемъ дѣйствующихъ лицъ изъ интеллигенціи, мѣщанства, купечества; вообще, къ драматическимъ произведеніямъ цензура относится съ особенною строгостью, нерѣдко перерѣшая прежнія постановленія и исключая изъ репертуаровъ уже дозволенныя ранѣе пьесы.

Результатомъ охарактеризованнаго выше отношенія цензурнаго вѣдомства къ малорусской литературѣ могло быть, конечно, только сильное пониженіе литературной производительности малорусскихъ писателей въ предѣлахъ Имперіи. Нѣкоторое представленіе о размѣрахъ этого пониженія даютъ цифры, заимствованныя изъ матеріаловъ кіевскаго книгоиздательства «Викъ». За періодъ 1895 — 1903 гг. книгоиздательствомъ представлено въ цензуру 230 отдѣльныхъ названій рукописей; изъ нихъ было разрѣшено къ печати лишь 80, т. е. около $\frac{1}{3}$ всего количества; остальныя или цѣликомъ были запрещены, или подверглись такимъ урѣзкамъ, что книгоиздательство не находило возможнымъ выпускать ихъ въ свѣтъ въ разрѣшенномъ видѣ; такой результатъ получился несмотря на то, что издатели съ своей стороны, на основаніи указаній практики, принимали всѣ мѣры, чтобы придать представляемымъ на разрѣшеніе рукописямъ возможно «благонамѣренный» видъ.

Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить, что область дѣйствія закона 1876 г. далеко не ограничивается одною цензурою. Взглядъ, нашедшій себѣ выраженіе въ этомъ законѣ, не могъ не отразиться на отношеніи къ малорусской литературѣ другихъ вѣдомствъ, не связанныхъ съ нею столь непосредственно, какъ цензура. Этотъ взглядъ усвоило себѣ министерство народнаго просвѣщенія, не допускающее малорусскихъ книгъ и брошюръ въ народныя библіотеки и читальни. Въ еще большей мѣрѣ проявляетъ враждебное отношеніе къ этимъ книгамъ и брошюрамъ, хотя бы самаго невиннаго или общеполезнаго содержанія, мѣстная администрація, органы которой, особенно низшіе, крайне подозрительно относятся къ появленію малорусскихъ книжекъ въ деревняхъ, нерѣдко подвергая разнымъ притѣсненіямъ крестьянъ, уличенныхъ въ томъ, что они читали или передавали для чтенія другимъ малорусскую популярно-научную брошюрку. Эти факты въ своей совокупности оказываютъ весьма тягостное вліяніе на мѣстную жизнь малорусскихъ губерній, значительно усиливая и безъ того невыносимый гнетъ закона 1876 года.

П. Стебницкій.

II.

О необходимости малорусскихъ книгъ для поднятія умственнаго развитія малорусскаго народа.

Запрещеніе свободно пользоваться народнымъ языкомъ для распространенія просвѣщенія среди малорусскаго народа имѣетъ самое гибельное вліяніе на его умственное развитіе.

Всѣ, наблюдавшіе близко сельское населеніе въ Малороссіи, сходятся въ своихъ печальныхъ выводахъ относительно низкаго уровня его развитія. «Изгнаніе и недопущеніе книгъ, напечатанныхъ на мѣстныхъ языкахъ, въ сельскія библіотеки и пріобрѣтеніе знаній на языкѣ, мало понятномъ, ведетъ къ чисто механическому ихъ усвоенію съ малымъ участіемъ ума, разсужденія, логики и безъ всякаго участія воображенія, фантазіи, ассоціаціи идей. Отсюда, говоритъ докладчикъ одного изъ южныхъ комитетовъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, вытекаютъ неизбѣжныя печальныя послѣдствія: отсутствіе любви къ знаніямъ, слабое развитіе грамотности, рецидивизмъ безграмотности». Чтеніе книгъ на мало понятномъ языкѣ дома, безъ помощи учителя, затруднительно и не можетъ доставлять удовольствія при постоянной необходимости напряженія вниманія и вдумчивости надъ отдѣльными словами и оборотами плохо усвоенной рѣчи; семейное и домашнее чтеніе, такъ благотворно дѣйствующее и на ребенка, и на всю окружающую его среду, становится при такихъ условіяхъ совершенно невозможнымъ. «Что прочтетъ юный грамотей своему отцу, матери, сестрѣ, когда даже слова Молитвы Господней онъ говоритъ чуждыми и непонятными для нихъ звуками». Докладчикъ приводитъ при этомъ статистическія данныя о томъ, что наибольшій % рецидивистовъ безграмотныхъ замѣчается въ Кіевскомъ и Харьковскомъ военномъ округѣ (а наименьшій въ Московскомъ), и что въ малорусскихъ губерніяхъ меньше всего открыто по приговорамъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ библіотекъ, читаленъ и вообще какихъ либо самообразовательныхъ учрежденій (см. жур. и докл. Хотин. уѣздн. комит. 1902 г.).

Въ подтвержденіе этихъ заявленій возьмемъ цифры любыхъ губерній средней и южной Россіи для %-наго отношенія неграмотныхъ новобранцевъ въ 1900—1901 году.

Южная Россія.			Средняя Россія.		
въ Бессарабской	губ.	77%	въ Новгородской	губ.	45%
» Харьковской	»	67%	» Рязанской	»	41%
» Воронежской	»	63%	» Костромской	»	36%
» Полтавской	»	59%	» Тверской	»	27%
» Екатеринославской	»	58%	» Петербургской	»	19%
» Черниговской	»	57%	» Московской	»	17%
» Таврической	»	53%	» Ярославской	»	14%

(см. «Русск. Шк.» 1902 г., 10—11, ст. Бѣлоконскаго: «Итоги земской дѣятельности по народн. образованію»).

Въ такъ называемомъ Югозападномъ краѣ грамотность еще ниже, ибо тамъ всего $1/_{12}$ часть дѣтей попадаетъ въ школы. Воспрещеніе книгъ на малорусскомъ языкѣ въ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ ведетъ къ отрицательной прогрессіи количества подписчиковъ и читателей въ нихъ: такъ, въ Васильевской библіотекѣ (Полтавскаго уѣзда) за 5—6 лѣтъ число читателей уменьшилось съ 378 до 135, а въ Диканькѣ съ 332 до 91 (см. Полт. Вѣстн. 1904 г.). Очевидны результаты такихъ цифръ на общій уровень умственнаго развитія населенія. Одинъ изъ народныхъ учителей Пирятинскаго уѣзда говоритъ: «изъ моей 13-лѣтней служебной практики я убѣдился, что, если ученикъ, даже очень развитой, не занимается дома чтеніемъ книгъ, то онъ не только забываетъ все, чему его учили, а даже съ трудомъ по книгѣ читаетъ, не говоря уже о томъ, что писать онъ совсѣмъ не можетъ. «Благодаря тому, что все просвѣщеніе ведется не на родномъ языкѣ,— говорится тамъ же, — рецидивъ безграмотности у насъ широко распространенъ» (см. Очеркъ сост. нач. народн. образов. въ Полт. губ. 1897 г.).

Также отрицательно къ современному положенію народнаго просвѣщенія высказывается и Лохвицкій уѣздный комитетъ: «Крестьянинъ украинецъ, говоритъ его докладчикъ: читаетъ гораздо меньше, чѣмъ великороссъ, и даже въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ отказывается отъ книгъ по сельскому хозяйству и медицинѣ, совершенно ихъ не понимая, и слѣдовательно, лишается могучаго средства для поднятія своей сельско-хозяйственной культуры и для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Не удивительно, что книжки, издаваемыя для народа, хотя и украинскими просвѣтительными обществами, но на русскомъ языкѣ (Харьковское и Кіевское), —имѣютъ сбытъ главнымъ образомъ не въ украинскихъ селахъ, а въ отдаленныхъ сѣверныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста малоросса, а въ связи съ этимъ стоитъ и низкое развитіе его сельско - хозяйственной и промышленной культуры» (см. Доклады Лохвицк. редакц. коммис., стр. 1113).

Гласный Полтавскаго земства Леонтовичъ объясняетъ частый рецидивъ безграмотности у малороссовъ тѣмъ, что малороссъ «совсѣмъ ничего не читаетъ: своихъ книгъ онъ не видитъ, а великорусская даетъ ему слишкомъ мало». «Каждый изъ насъ, —говоритъ далѣе Леонтовичъ,—даже хорошо владѣющій иностранными языками, долженъ признаться, что книга, написанная на родномъ языкѣ, дастъ намъ больше и сильнѣе возбудитъ въ насъ умственную энергію. И чѣмъ меньше даетъ книга, тѣмъ меньше вызываетъ она интереса, тѣмъ слабѣе развиваетъ любовь къ чтенію. Многіе возражаютъ на это тѣмъ, что малорусскій и великорусскій языки настолько близки, что пониманіе великорусскаго языка не можетъ затруднить малоросса, а между тѣмъ извѣстенъ примѣръ, приводимый русскимъ педагогомъ Корфомъ, когда мальчикъ малороссъ, читая въ сказкѣ простую, повидимому, фразу: «Лиса имѣла досаду на журавля», понялъ ее довольно своеобразно: «Пішла лиса до саду». Даже образованные люди, принимаясь за переводы съ малорусскаго на великорусскій, становятся въ совершенное противорѣчіе истинному смыслу переводимаго, какъ, напр., два извѣстные перевода поэмы Шевченка «Гайдамаки» грѣшатъ такими неточностями: «Пишла луна гайемъ»—«сталъ мѣсяцъ среди поля» или «вспыхнулъ мѣсяцъ, темный лѣсъ минуя! . . . . . .» *). Еще въ худшее недоумѣніе ставятъ неподготовленнаго читателя сходныя въ обоихъ языкахъ слова,—но имѣющія разное значеніе,

*) Луна по малорусски значитъ эхо.

какъ, напр., соха, чудный, пучки, заставлять, запоминать, отбирать, теряться, люлька, товаръ, дружина, рубль, луна, пара, рожа, видъ, полъ и др. Легко понять, какъ недоступны при этомъ поэтическія метафоры и образы чужихъ поэтовъ, и становится невыразимо жалко того мальчика малороссика, котораго одна библіотекарша попросила сдѣлать переложеніе прочитанной имъ басни Крылова: «на що? в книжці може воно и до ладу, а в мене вийде Бог зна що!» (Отчетъ Нѣж. воскр. клас. 1899 г.). Въ этомъ отвѣтѣ такъ и звучитъ та роковая неувѣренность въ себѣ, упадокъ энергіи и смѣлости, неизбѣжные при постоянно наносимыхъ ударахъ самолюбію. Отчужденность отъ всей окружающей культуры ослабляетъ въ малороссѣ чувство самоуваженія и уваженія къ своимъ близкимъ, прививаетъ пренебреженіе къ своей средѣ, отрываетъ его отъ всѣхъ нравственныхъ традицій, гонитъ изъ села, дѣлая изъ него безпочвеннаго, неувѣреннаго въ себѣ изгоя.

Во всякой художественной литературѣ, больше, чѣмъ гдѣ либо, отражается національный темпераментъ, индивидуальный способъ воспріятія впечатлѣній и реагированія на нихъ. Все это затрудняетъ пониманіе тѣхъ классиковъ, знакомство съ которыми имѣло такое воспитательное значеніе: Пушкинъ, Лермонтовъ—эти великіе учителя великорусскаго народа, совершенно непонятны душѣ малоросса, а своихъ родныхъ поэтовъ Шевченка, Куліша, Квітку, Щеголева онъ не знаетъ: они запрещены, на нихъ лежитъ какая то тѣнь зловредности. Учителя Полтавской губерніи свидѣтельствуютъ о трудности усвоенія для малороссовъ литературнаго языка: «есть у насъ взрослые, —говорятъ они,—окончившіе школу, которые читаютъ Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго и несутъ такую околесную, что странно слушать» (см. Очеркъ состояніи нач. нар. образ. въ Полт. губ. 1897 г.). У Алчевской въ ея книгѣ «Что читать народу?» приведенъ случай, когда читалась извѣстная колыбельная пѣсня Лермонтова и при словахъ: «отецъ твой старый воинъ, закаленъ въ бою», въ аудиторіи послышалось сочувствіе горькой долѣ воина, что былъ заколонъ въ бою. Еще труднѣе понимать малороссу ученую книгу на великорусскомъ языкѣ, и всѣ столь популярные въ Россіи писатели Лункевичъ, Рубакинъ, Авенаріусъ, Быкова —не читаются въ Малороссіи. Если очень любознательный мальчикъ и примется искать въ этихъ книгахъ столь желанныхъ знаній, какъ много употребитъ онъ на это времени, какъ долго не будетъ ему выясняться основная мысль! Но въ каждой книгѣ, помимо главной основной идеи, есть побочныя сопредѣльныя понятія, на которыхъ читатель не останавливается вовсе или наоборотъ останавливается слишкомъ долго и среди нихъ затериваетъ главную мысль. Это чувство неясности, сознаніе малой производительности чтенія и постоянное чувство неудовлетворенности, которое испытываетъ каждый, читающій книгу на малопонятномъ языкѣ, подавляетъ въ малороссѣ всякую охоту къ чтенію, дѣлаетъ его совершенно равнодушнымъ къ книгѣ, и книга — этотъ могучій факторъ современной жизни, на которомъ зиждется не только культурность и высота умственнаго развитія населенія, но и все его экономическое благосостояніе, — отнята изъ обихода жизни цѣлыхъ милліоновъ людей. Первымъ результатомъ такого процесса, длящагося почти сто лѣтъ, — неизбѣжно является общее умственное оскудѣніе, культурныя понятія не притекаютъ, на мѣсто ихъ вторгается лжекультура со всѣмъ ея огрубляющимъ, принижающимъ національное достоинство вліяніемъ: солдатскія пѣсни, слова, повторяемыя безъ ихъ пониманія или употребляемыя въ совершенно превратномъ смыслѣ, даже обращенныя и въ брань, напр.: «Ахъ ты мануфактура»!; или, напр., «началась протекція» въ томъ смыслѣ, что идетъ дождь; или: «мнѣ подошла категорія идти въ городъ» (см. «Полтавщина»).

Въ результатѣ—извращеніе національнаго облика, цѣль ученія совершенно утеривается, остаются неумѣніе, неприспособленность идти за вѣкомъ въ области экономическихъ усовершенствованій, неспособность оріентироваться среди новыхъ условій жизни, примѣняться къ новымъ орудіямъ, новымъ способамъ труда,—изъ чего вытекаетъ то поразительное обѣднѣніе, какое переживаетъ Малорсссія при всемъ ея натуральномъ богатствѣ. Рядомъ съ этимъ отсутствіе книгъ, доступныхъ газетъ совершенно изолируетъ малороссовъ отъ окружающей ихъ общественной и государственной жизни и порождаетъ въ нихъ полное равнодушіе къ совершающемуся вокругъ нихъ процессу общественной жизни, откуда совершенно естественно вытекаетъ непониманіе такихъ обязанностей, какъ гражданина, земскаго гласнаго, присяжнаго засѣдателя, волостного судьи. Это же способствуетъ возникновенію враждебныхъ чувствъ къ образованнымъ высшимъ классамъ и къ ихъ недоступной образованности. При этомъ неизбѣжно колебаніе уваженія собственнаго достоинства и своихъ близкихъ, стыдъ самого себя, своего языка, которымъ не говорятъ хорошо одѣтые люди, на которомъ не пишется книгъ и какимъ даже нельзя молиться.

Малограмотное великорусское населеніе имѣетъ еще возможность коечему поучиться на народныхъ чтеніяхъ, получившихъ одно время очень широкое распространеніе. Но малорусскія чтенія строго воспрещаются, а слѣдить за малопонятной устной рѣчью для неподготовленнаго слушателя настолько трудно, что, даже Гоголь не увлекаетъ малорусскую аудиторію, а «слушается съ неудовольствіемъ» («Пропавшая грамота». См. Отч. Полт. коммис. нар. чт. 1902 г.), и ревизіонная коммиссія въ Полтавѣ видитъ всю необходимость «ходатайствовать о разрѣшеніи допустить для народныхъ чтеній брошюры на малорусскомъ языкѣ».

Много разъ указывалось на необходимость болѣе сознательнаго отношенія сельскаго населенія къ богослуженію, а между тѣмъ оно невозможно, пока малороссы не будутъ имѣть священнаго писанія на своемъ понятномъ языкѣ. Теперь же на каждомъ шагу происходятъ печальныя недоразумѣнія въ родѣ описаннаго въ газетѣ «Полтавщина» (1905, янв.): «Одинъ священникъ, говоря поученіе объ исцѣленіи Спасителемъ гадаринскихъ бѣсноватыхъ, упомянулъ, конечно, о свиньяхъ, потонувшихъ въ морѣ. Выходя изъ церкви, онъ слышитъ такой разговоръ: «що се батюшка говоривъ за свиней?—Э, пусте, кумо: то его свиньи були въ займани у пана цилый тиждень, винъ розсердився та ще и доси згадуе». (Т. е. «батюшка сердится на помѣщика за то, что тотъ недѣлю продержалъ его свиней»).

А между тѣмъ про тѣхъ же малороссовъ въ XVIII в. Шафонскій писалъ: «должно малороссіанамъ ту справедливость отдать, что они охотно въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточные, но и самые бѣдные мѣщане и казацкіе дѣти съ доброй воли въ училища идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневной пищи списываютъ для собственнаго и другихъ обученія печатныя книги, живутъ, терпя голодъ и холодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся и въ достойные люди выходятъ». Удовлетворялось это массовое стремленіе къ просвѣщенію народными своими школами, которыхъ пропорціонально тогдашнему населенію было больше въ XVIII в., чѣмъ въ XIX в. По Румянцовской Описи въ Черниговскомъ Полку считалось 142 села и въ нихъ 143 школы. Въ Харьковской губерніи въ 1732 г. было 46 приходскихъ школъ, а въ 1834 г., несмотря на значительно увеличившееся населеніе, было приходскихъ школъ 18 да уѣздныхъ училищъ 11—всего 39 народныхъ училищъ. Въ мѣстности теперешнихъ Черниговскаго, Городнянскаго и Сосницкаго уѣздовъ, въ 1875 г., насчитывалось

52 школы, а въ 1768 г. 134 школы или 1 школа на 746 душъ населенія, а въ концѣ XIX в. 1 школа на 6730 душъ. (См. Зем. Сборн. Черниговскій 1877 г., № 2).

Въ наши дни такой прекрасный знатокъ народной жизни, какъ Гринченко, громко заявляетъ, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, малорусскій «народъ жаждетъ книги, жаждетъ хорошихъ книгъ. Онъ стремился къ нимъ и въ прежнее время: доказательствомъ того служитъ, напримѣръ, то умственное движеніе въ Малороссіи, которое, будучи въ полномъ смыслѣ общенароднымъ, создало не на капиталы меценатовъ, а на гроши мѣщанъ и казаковъ цѣлый рядъ просвѣтительныхъ учрежденій съ Кіевской Академіей во главѣ и развило свою литературу, бывшую въ то время живой общественной силой. Если потомъ это просвѣтительное движеніе замерло, то причина этого была не въ личныхъ стремленіяхъ народа, а во многихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Если малорусскій народъ теперь интересуется хорошей книжкой, то это сдѣлала не теперешняя школа. Скажемъ болѣе: присматриваясь къ тому, что читаетъ, что думаетъ народъ, можно поражаться отсутствіемъ благодѣтельнаго вліянія современнаго, оффиціально подносимаго ему, просвѣщенія. Всѣ сильныя народныя движенія послѣдняго времени не имѣли на себѣ никакого признака этого вліянія школы. Возьмемъ такое движеніе, которое связано по многимъ причинамъ съ книгой, — движеніе, выразившееся въ исканіи міровой правды во всякихъ формахъ, напримѣръ, въ формѣ штунды; гдѣ въ этомъ движеніи замѣтно положительное или отрицательное вліяніе какого либо просвѣтительнаго учрежденія? Замѣтно вліяніе нѣмцевъ-колонистовъ, вліяніе издаваемыхъ разными сектами религіозныхъ книжекъ заграничной печати, видимъ самоучекъ-штундистовъ, собственными усиліями добывающихъ себѣ какія то убогія крохи просвѣщенія, но нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго вліянія такъ называемаго оффиціальнаго просвѣщенія». (См. Гринченко, «Книжные склады». Черн. 1895 г.). Оно остается чуждо народу, не воспитываетъ народъ, не помогаетъ ему выбиться изъ тисковъ невѣжества и нужды. Для этого нужна своя родная понятная книга, и какъ радъ ей малороссъ, когда она вдругъ нежданная вынырнетъ изъ страшнаго водоворота всевозможныхъ препятствій и остановитъ на себѣ его родственный взоръ. Стоитъ заглянуть въ отчеты Малорусскаго Петербургскаго книгоиздательства, чтобъ увидѣть, какъ бойко расходятся въ народной массѣ эти оффиціально не одобренныя книжки. Но ихъ такъ мало *), такъ трудно ихъ найти, несмотря на то, что малорусская интеллигенція первая въ Россіи поняла значеніе популярныхъ книгъ для народной массы. Уже въ 1862 г., т. е. сейчасъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, въ «Основѣ» печатается горячее обращеніе ко всѣмъ, «кто любитъ Украйну и свой народъ, къ бѣднымъ и богатымъ — жертвуйте на народныя книги, пишите ихъ, кто только можетъ: тутъ знающіе люди разберутъ рукописи и оцѣнятъ ихъ достоинство для народа. Уже пишется переводъ Евангелія, Священная Исторія и исторія церкви, геометрія и космографія, но это не мѣшаетъ присылать рукописи и по этимъ предметамъ. Пора намъ позаботиться и о своихъ дѣтяхъ и о нашемъ народѣ - пахарѣ». («Основа» 1862. Січень. 14). Костомаровъ печатаетъ въ той же «Основѣ» цѣлую программу популярныхъ изданій. «Прежде всего необходимы (кромѣ книгъ священнаго писанія) отрывки изъ поученій святыхъ

*) Напримѣръ, на ярмаркѣ въ с. Васильевкѣ (или Яновка) изъ 163 книгъ, проданныхъ офенями, было всего 14 книгъ малорусскихъ (См. Васильевская ярмарка. Изд. Полт. Стат. Отд.).

отцовъ церкви, изъ житій любимыхъ народомъ святыхъ и объясненіе богослуженія. Слѣдомъ за религіей должно слѣдовать знакомство съ природой, надобно написать для народа ариѳметику, космографію, географію и удобочитаемыя сочиненія, которыя знакомили бы народъ съ важнѣйшими сторонами естествознанія вообще» и т. д. Изъ этой програмы, ничего политическаго, разрушительнаго не имѣющей, за 43 года ничего не выполнено— не по винѣ малорусской интеллигенціи. По поводу неразрѣшенія обществу распространять грамотность въ Южной Россіи (въ 1862 г.) Конисскій писалъ: ,,населеніе Южной Россіи говоритъ языкомъ, совершенно особымъ отъ великорусскаго, а потому съ жадностью читаетъ книги на малорусскомъ языкѣ. Но бѣда въ томъ, что на этомъ языкѣ нѣтъ именно тѣхъ книгъ, которыхъ наиболѣе требуетъ народъ земледѣльческій, — книгъ по естествознанію. Желая однако удовлетворить своей потребности, ученики воскресныхъ и другихъ школъ берутъ книги великорусскія, но, читая ихъ, ничего не понимаютъ; читаетъ малороссъ слово *туча* и не понимаетъ и не предполагаетъ, что это и есть знакомая ему «хмара»". (Тамъ же, Августъ). Одинъ помѣщикъ пишетъ въ тотъ же журналъ изъ Изюмскаго у. Харьковской губ.: «между нами есть очень много людей, ясно понимающихъ, что съ распространеніемъ правильнаго образованія въ народѣ разовьется всякаго рода промышленность, а слѣдовательно улучшится земледѣліе, и наши земли, поднявшись въ цѣнѣ, станутъ давать большую ренту; только образованіе заставитъ народъ безпристрастно взглянуть на бывшія между нимъ и нами отношенія и на наши теперешнія, только образованіе примиритъ народъ съ нами».

Но одно цензурное запрещеніе за другимъ, какъ административнымъ, такъ и законодательнымъ путемъ, парализовало всѣ усилія малорусской интеллигенціи помочь своему народу выбраться изъ мрака невѣжества, недоумѣнія, безправности и обѣднѣнія, въ какомъ застала всю Россію реформа 1861 г. Но между тѣмъ, какъ за прошедшіе уже съ тѣхъ поръ 44 года Великороссія укрылась, хотя и недостаточнымъ, но сравнительно съ Малороссіей громаднымъ количествомъ просвѣтительныхъ учрежденій и создала внушительную народную литературу, пробудившую народъ къ сознательному пониманію окружающаго, и вызвала его промышленную инициативу, малорусскій народъ остался за бортомъ: для него нѣтъ ни книгъ, ни просвѣтительныхъ учрежденій; для него нѣтъ Евангелія; его религіозное чувство не согрѣто знакомствомъ съ христіанскимъ ученіемъ и христіанскимъ мартирологомъ, укрѣпившимъ это ученіе на всемъ земномъ шарѣ. Для малоросса нѣтъ и точной науки—онъ обреченъ жить въ суевѣрныхъ понятіяхъ среднихъ вѣковъ, въ полномъ духовномъ одиночествѣ.

А рядомъ, по верхнему теченію Днѣстра, для 3 милліоновъ его земляковъ, въ Галиціи, съ 1868 г. работаетъ общество народнаго просвѣщенія «Просвита», имѣющее въ настоящее время до 8000 человѣкъ. Имъ учреждены 21 фильяльное отдѣленіе, 1193 читальни со 100,000 томовъ на малорусскомъ, русскомъ и иностранныхъ языкахъ; имъ распространено въ народѣ болѣе $1\frac{1}{2}$ милліоновъ популярныхъ *малорусскихъ* книгъ. Въ каждомъ округѣ съ украинскимъ населеніемъ есть по 21 читальни общества «Просвиты», да по 50 читаленъ, самостоятельно организуемыхъ населеніемъ, и около 20 читаленъ разныхъ другихъ обществъ, союзовъ, товариществъ. Украинское населеніе въ Галиціи свободно наслаждается переводами на его родной языкъ художественныхъ произведеній Шекспира, Гете, Некрасова, Островскаго, Глѣба Успенскаго, читаетъ на своемъ языкѣ Костомарова, Пыпина, Дарвина и другихъ свѣточей мірового знанія и

лучшихъ представителей русской науки и публицистики. Это только способствуетъ взаимному духовному общенію малороссовъ въ Галиціи и великорусскихъ мыслителей. Малороссы же, живущіе одной государственной жизнью съ великороссами, не имѣютъ возможности изучать ихъ духовныя сокровища, не имѣютъ права проникаться красотой ихъ художественныхъ произведеній; имъ запрещено переводить на свой родной языкъ всѣ перлы міровой литературы; они должны оставаться нетронутыми никакой культурой, дѣтьми природы. Факты экономической жизни нашего Юга достаточно убѣдительно обнаруживаютъ, какъ трудно этимъ дѣтямъ природы идти въ ногу съ такими культурными соперниками по земледѣлію, какъ Америка и Австралія, и даже со своими ближайшими сосѣдями на тѣхъ же земляхъ, съ нѣмцами-колонистами.

А между тѣмъ такъ мало нужно, чтобы уничтожить эту вопіющую несправедливость, убивающую духовное развитіе 26-милліоннаго народа: надо дать украинцамъ все то, что нужно и другимъ народамъ, сравнять ихъ съ другими народностями Россіи въ правахъ на образованіе, на свободное употребленіе родного языка. Тогда только обезпечены будутъ ихъ національное достоинство и ихъ экономическое и культурное развитіе. Только тогда малорусскій народъ сможетъ выполнить данный ему почти 50 лѣтъ тому назадъ простой завѣтъ великаго поэта:

И чужому научатись
Й свого не цуратись.

С. Русова.

III.

Украинофильство.

Въ появленіи стремленій сократить, елико возможно, ростъ украинской письменности, кажется, играли роль опасенія, что въ такъ называемомъ «украинофильствѣ», или «украиноманствѣ», какъ стали въ послѣднее время называть это культурно-историческое движеніе умовъ въ Южной Россіи, кроются преступные замыслы политическаго сепаратизма. Поэтому интересно коснуться вопроса, что такое это пресловутое украинофильство или украиноманство: манія ли на почвѣ утопій объ образованіи на югѣ Россіи отдѣльнаго государства, или просто естественная, неискоренимая въ нормальныхъ людяхъ потребность любить свое родное?

Трудно сказать, когда въ прессѣ сервилистическаго характера появился этотъ терминъ, довольно странный съ перваго взгляда въ виду того, что нѣкоторые украинцы могли бы быть англофилами, англоманами, юдофилами, болгарофилами, но имъ нельзя не быть «украинофилами». Можно лишь путемъ отрицанія установить время, когда этого слова не употребляли. Профессора Харьковскаго университета Павловскаго, составлявшаго грамматику малорусскаго языка въ самомъ началѣ XIX вѣка, или Филомаѳитскаго, издававшаго около того же времени журналъ «Украинскій Вѣстникъ», едва ли могли называть этимъ страннымъ именемъ. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда столичная печать обратила особое вниманіе на сочиненія украинскаго философа XVIII вѣка Сковороды, и начали въ печати появляться малорусскія народныя пѣсни, стихи и т. п., — также слова этого еще не было въ употребленіи. Ни Григоровича или Максимовича, ни Срезневскаго или Бодянскаго, изучавшихъ особенности языка, быта и міровоззрѣній украинцевъ, никто не называлъ еще украинофилами только потому, что они были малороссы; не называли такъ даже и иностранцевъ Шафарика, Миклошича, Шлейхера и другихъ ученыхъ, устанавливавшихъ въ научной классификаціи и систематикѣ положеніе о существованіи особой украинской націи и особаго малорусскаго языка (Sprache, а не Mundart). Даже Кирилло-Меѳодіевское братство, выражавшее платоническія пожеланія объ освобожденіи западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ изъ подъ власти иноземцевъ, объ освобожденіи русскихъ славянъ отъ крѣпостной зависимости, о просвѣщеніи всѣхъ славянъ на національныхъ языкахъ при федеративномъ государственномъ устройствѣ ихъ, кажется, не было названо украинофильскимъ ни въ оффиціальной перепискѣ по этому дѣлу, ни въ литературѣ.

Изъ автобіографіи Костомарова видно только, что такія мечтанія признаны были вредными, за что главныя силы братства и поплатились ссылкою на нѣсколько лѣтъ. Но тотъ же Костомаровъ, раздѣлявшій выраженное Шевченкомъ пожеланіе, «щоб усі Славяне стали добрими братами

и синами сонця правди», въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій, указывая на особенности двухъ русскихъ народовъ еще на зарѣ исторической ихъ жизни въ ихъ бытѣ, характерѣ и культурѣ, нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвился въ томъ смыслѣ, что ему желателенъ разрывъ этихъ двухъ русскихъ народностей и выдѣленіе ихъ изъ состава одного государственнаго цѣлаго. Напротивъ того, вездѣ у него проглядываетъ мысль, что только совокупная работа этихъ двухъ русскихъ народностей дала прочный фундаментъ для будущаго существованія ихъ въ единомъ государствѣ и опредѣлила предѣлы возможнаго сліянія обѣихъ, при самостоятельности каждой въ своемъ духовномъ развитіи.

Въ самыхъ запрещенныхъ сочиненіяхъ Шевченка, изданныхъ за границею, также нѣтъ нигдѣ никакого намека на желаніе его въ будущемъ раздѣлить русское государство на двѣ половины по двумъ русскимъ націямъ. Никакой тѣни политическаго сепаратизма нельзя найти и въ позднѣйшихъ публицистическихъ статьяхъ Драгоманова, какія были печатаны имъ въ заграничныхъ изданіяхъ («Громадѣ», иностранныхъ журналахъ, отдѣльныхъ брошюрахъ), слѣдовательно, совсѣмъ не подцензурнымъ эзоповскимъ языкомъ. А Драгомановъ считается самымъ рѣзкимъ и крайнимъ выразителемъ украинофильскихъ тенденцій. Въ его критическихъ статьяхъ о поэзіи Шевченка, самыя пылкія мечтанія котораго состояли въ томъ, что рабовладѣльцы когда-то обнимутъ своего «найменьшого брата», иногда звучало неодобреніе тому, что поэтъ наряду съ этими своими idées fixes воспѣвалъ восторженно военно-аристократическій строй старой гетьманщины, походы козаковъ и ихъ звѣрскіе подвиги.

Послѣ освобожденія крестьянъ при послѣдовавшемъ затѣмъ болѣе снисходительномъ отношеніи цензуры къ либерально-просвѣтительнымъ и прогрессивнымъ направленіямъ въ прессѣ, среди другихъ терминовъ начинаютъ появляться и слова «украинофильство», «полонофильство» и т. п. Въ короткій періодъ большей свободы печати появилось изъ Кіева profession de foi украинофиловъ, которыхъ на мѣстѣ звали еще хлопоманами и хохломанами. Въ № 46 издававшейся въ 1862 году при журналѣ «Русскій Вѣстникъ» «Современной Лѣтописи» группа молодыхъ людей (числомъ 21) помѣстила «*Отзывъ изъ Кіева*». Эти молодые люди (между именами которыхъ встрѣчаемъ извѣстные впослѣдствіи въ литературѣ и наукѣ имена П. И. Житецкаго, В. Б. Антоновича, П. П. Чубинскаго, Ѳ. Р. Рыльскаго, А. С. Лашкевича, Б. С. Познанскаго и др.) начинаютъ свою статью съ опроверженія взводимыхъ на нихъ обвиненій въ томъ, что они отрицаютъ семейные союзы, религію, право собственности, почему яко-бы стараются, чтобы крестьяне не принимали вводимыхъ тогда уставныхъ граматъ, какъ документовъ на владѣніе землею сельскими обществами; далѣе они указываютъ, что вслѣдствіе такихъ сплетенъ, распускаемыхъ про нихъ дворянствомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, они потерпѣли страшное стѣсненіе своей дѣятельности, выразившееся въ закрытіи воскресной школы, въ устройствѣ которой они принимали участіе, и, наконецъ, откровенно излагаютъ, въ чемъ состоятъ ихъ симпатіи и антипатіи.

Прежде всего лицамъ, обзывавшимъ ихъ презрительнымъ въ аристократическихъ польскихъ гостиныхъ словомъ—«хлопоманы», а также «либералами молодого поколѣнія», они отвѣчаютъ на обвиненіе ихъ въ государственномъ сепаратизмѣ. «Это съ вашей стороны—говорятъ они—самая нелѣпая и самая наивная клевета!» и приводятъ слѣдующее доказательство ея несостоятельности: «сдѣлался ли бы народъ честнѣе, лучше и умнѣе, если бы перемѣнилось названіе политическаго организма, къ которому онъ принад-

лежитъ? Нисколько!..». «Другое дѣло, если подъ словомъ сепаратизмъ разумѣютъ желаніе развить южнорусскій языкъ и южнорусскую литературу. Это желаніе мы дѣйствительно имѣемъ; но что въ немъ видятъ преступнаго — не понимаемъ. Въ настоящее время никто, кажется, не станетъ доказывать необходимости перерабатывать одну національность въ другую. Вѣдь всѣ же сочувствуютъ стараніямъ Болгаръ, Хорватовъ, Словинцевъ, Лужичанъ возстановить или развить свои литературы; вѣдь всеобщею симпатіею пользуются усилія Русиновъ галицкихъ къ обособленію своей народности и освобожденію изъ подъ польскаго вліянія; почему же Русины русскіе должны быть одни лишены права, признаваемаго за всѣми народами? Почему имъ однимъ вмѣняется въ преступленіе то, что у другихъ считается достойнымъ похвалы?» Дальше они просятъ нападающихъ на нихъ помѣщиковъ-консерваторовъ оставить ихъ внѣ гоненій, слѣдуя совѣту Гамаліила, или убѣдить понятными аргументами въ несостоятельности ихъ стремленій; «но передъ безсмысленнымъ гуломъ, передъ стаей сплетенъ, передъ безсознательнымъ гоненіемъ мы ни въ какомъ случаѣ отступать отъ нашихъ убѣжденій не намѣрены».

Закончивъ полемическую часть съ противниками, декларанты переходятъ къ изложенію положительной части своихъ мыслей и идей. Исходя изъ того, что обученіе народа, при употребленіи его собственнаго языка, идетъ по крайней мѣрѣ втрое успѣшнѣе и скорѣе, обязанностью украинцевъ съ высшимъ образованіемъ они считаютъ — доставленіе народу возможности образоваться, сознать себя и свои нужды, умѣть заявить ихъ и вообще стать на ту степень гражданственности, на которую онъ возведенъ закономъ 1861 года. Пока малорусскій народъ не станетъ въ уровень съ настоящимъ своимъ положеніемъ (т. е. тѣмъ, въ какое онъ поставленъ по закону 19 февраля), — всякія теоріи отъ парламентарной англійской системы до самыхъ ярыхъ соціалистическихъ толковъ не имѣютъ никакого значенія. Поэтому единственное дѣло истинныхъ друзей народа пока только—вспомоществовать развитію его, ожидая терпѣливо времени, когда народъ самъ будетъ въ состояніи толковать о предметахъ, которые теперь пока еще недоступны его умственному развитію, а потому для него загадочны, темны и ненужны. Такъ какъ народъ нашъ въ высшей степени религіозенъ, то воспитаніе его должно опираться на полномъ уваженіи къ христіанскимъ истинамъ. Толкованіемъ юридическихъ и экономическихъ истинъ нужно указывать ему способы, какъ онъ законнымъ путемъ можетъ достигнуть столь страстно желаемой имъ земельной собственности. Все, что составляетъ признакъ его національной личности, при воспитаніи его должно сохраняться и развиваться естественнымъ путемъ. При этомъ слѣдуетъ усилить его уваженіе къ семьѣ, развить на разумныхъ основаніяхъ сознаніе семейныхъ обязанностей и потомъ, расширяя понятіе, отъ семьи переходить къ громадѣ. «Пока на этой ступени общественныхъ понятій можно и остановиться» — говорятъ авторы письма въ «Современную Лѣтопись».

Таковы были идеалы хлопомановъ, которыхъ еще не прозывали тогда украинофилами; но въ 70-хъ годахъ, когда въ разныхъ газетахъ и журналахъ русскихъ появилась проповѣдь «народничества», ихъ звали уже именно этимъ терминомъ. Въ 1881 году Костомаровъ въ «Вѣстникѣ Европы», по поводу вышедшаго въ Кіевѣ украинскаго альманаха «Луна», помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ: «*Задачи украинофильства*». Здѣсь онъ говоритъ: «Едва ли есть на свѣтѣ языкъ несчастнѣе малороссійскаго! Вѣка проходили одинъ за другимъ; всѣ признавали, что на свѣтѣ существуетъ малороссій-

скій народъ и говоритъ своею рѣчью; цари обращались къ этому народу съ своими граматами, и царское слово именовало его «малороссійскимъ народомъ», а для сношенія съ малороссіянами и уразумѣнія ихъ рѣчи, въ Москвѣ при посольскомъ приказѣ были особые переводчики. Никому въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, что такой народъ со своимъ языкомъ существуетъ. Но въ недавнее время книжные мудрецы выдумали, будто малороссійскаго народа нѣтъ вовсе и никогда не было, а въ краѣ, называемомъ Малороссіей, живетъ все такой же народъ, какъ и въ Москвѣ, Твери и въ Нижнемъ,—вездѣ въ русскомъ государствѣ одинъ только народъ русскій». Разсматривая затѣмъ историческія причины, которыя повели къ образованію пропасти между малорусскимъ дворянствомъ и духовенствомъ съ одной стороны и остальною массою народа съ другой, что привело первыхъ къ презрительному отношенію къ простонародью и его языку, а наконецъ и къ состоявшемуся незадолго передъ тѣмъ запрещенію печатать малорусскія книги, устраивать концерты съ пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ и спектакли съ малорусскими піесами, Костомаровъ заступается за права малорусскаго народа и его языка. Тутъ онъ высказываетъ свой взглядъ на то, что нужно имѣть большое дарованіе, чтобы для малорусскаго языка въ его развитіи составлять новыя слова и обороты, какія созданы для русской литературы Ломоносовымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Гоголемъ. Онъ находилъ, что у малорусскихъ писателей—Квитки, Гребинки, Гулака - Артемовскаго, Шевченка, Стороженка, Марка-Вовчка не встрѣчалось такихъ плохо скованныхъ словъ, какими въ русской литературѣ прославились слова «мокростувы, шарокаталище, краткоодежіе, четвероплясіе» и т. п., и предостерегалъ новыхъ писателей малорусскихъ отъ сочиненія подобныхъ же словъ, какія встрѣчались въ разбираемомъ имъ альманахѣ, (напр., «ночь - стума», «прыйдешнье) и т. п. Тутъ онъ обращался уже къ патентованнымъ «украинофиламъ» изъ высшихъ классовъ украинскаго народа, забывшихъ языкъ простонародья, и указывалъ главныя задачи ихъ дѣятельности. Главнѣйшимъ средствомъ для поднятія умственнаго горизонта малорусскаго народа и сообщенія ему въ доступной для него формѣ общечеловѣческихъ знаній онъ считалъ изданіе хорошаго малорусскаго словаря и грамматики, чтобы дать языку прочную установку. «Чѣмъ ближе по языку малорусскіе писатели будутъ къ простому народу, чѣмъ менѣе станутъ отъ него отдаляться, тѣмъ успѣхъ ихъ въ будущемъ будетъ вѣрнѣе»,—говоритъ Костомаровъ. («Вѣстникъ Европы» 1882 г., № 2, стр. 896).

Такія задачи «украинофильству» на склонѣ лѣтъ своихъ ставилъ товарищъ величайшаго малорусскаго поэта, который вмѣстѣ съ нимъ въ молодости пострадалъ болѣе за славянофильство или панславизмъ, чѣмъ за партикуляризмъ украинофильства. Задачи эти, какъ извѣстно, и до сихъ поръ не выполнены, ибо въ Россіи на малорусскомъ языкѣ нѣтъ еще ни грамматики, ни словаря этого языка. Составленныя Русовымъ и особо Науменкомъ грамматики малорусскаго языка остаются въ рукописяхъ, тогда какъ во Львовѣ и для частнаго образованія и въ учебныхъ заведеніяхъ свободно пользуются грамматиками Осадцы, Левицкаго, Огоновскаго, Смаль-Стоцкаго, словаремъ Желиховскаго и т. п. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе страннаго на первый взглядъ термина въ устахъ такого компетентнаго въ данномъ дѣлѣ автора можно считать основательнымъ.

Нужно замѣтить, что въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія слово «украинофильство» появилось во многихъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Недѣлѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Рус-

скомъ богатствѣ» и др. появлялись статьи *), въ которыхъ писали и украинофилы, которые уже сами себя такъ называли, и ихъ противники. Въ этихъ статьяхъ, кромѣ полемическаго матеріала (напоминающаго собою во многомъ то, что писалось въ XVII вѣкѣ защитниками малорусской народности изъ Кіевской ecclesiae militantis противъ польскихъ вожделѣній истребить малорусскій народъ, обративъ его въ католицизмъ), встрѣчаются положенія, дополняющія то, что сказано въ вышеприведенномъ опредѣленіи Костомарова понятія «украинофильство». Мы ограничимся цитатами изъ одной статьи М. Петрика (которую приписываютъ Драгоманову, такъ какъ его имя и отчество было Михаилъ Петровичъ) въ «Русскомъ Богатствѣ» (ноябрь 1881 г.). Статья эта написана была потому, что раньше въ томъ же журналѣ украинофильство названо было ложнымъ и ретроградным движеніемъ, ибо оно вноситъ задержку въ поступательное развитіе всего человѣчества, которое стремится создать всемірный интернаціональный языкъ. Интересно, что авторъ предшествующей статьи, объявлявшій, что для него существуетъ одинъ фетишъ—человѣчество, а національность онъ признаетъ за «пустой идолъ», называлъ себя «малороссомъ изъ партіи народниковъ», работающихъ на Украинѣ для народнаго дѣла, но никакъ не для національнаго. Петрикъ выражаетъ сначала сожалѣніе, что при спорѣ противъ украинофильства авторъ не бывалъ западнѣе Волочиска, гдѣ живетъ значительная часть малорусскаго народа, и не знаетъ, что во Львовѣ студенты, выходя изъ университета, говорятъ на украинскомъ языкѣ о Спенсерѣ, о медицинѣ, о тригонометріи, читаютъ въ переводѣ на украинскій языкъ Щедрина, Байрона, Шелли, Шекспира, Геккеля, Ланге, и что употребленіе своего родного языка нисколько не мѣшаетъ имъ слѣдить за развитіемъ всего человѣчества. Далѣе онъ совѣтуетъ ему измѣнить свою формулу: «я люблю свою семью больше себя, отечество больше семьи и человѣчество больше отечества» — на другую, болѣе естественную: «я могу быть счастливъ только въ семьѣ, семья моя только въ отечествѣ, отечество же только въ человѣчествѣ». Переходя отъ полемической части къ своему опредѣленію «украинофильства», М. Петрикъ указываетъ, что съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ перешелъ отъ вида homo alalus (безъязыкаго) къ виду homo sapiens, то дальше развивался не по направленію къ объединенію, а черезъ разнообразіе націй и языковъ; что прогрессъ всѣхъ новоевропейскихъ націй и обществъ тѣсно связанъ съ процессомъ разрушенія единства языка и съ эмансипаціей національныхъ языковъ; что бывшее единство въ группѣ православно-славянскихъ племенъ съ языкомъ церковно-славянскимъ разрушалось такими народниками, какъ Ломоносовъ, Карамзинъ, Крыловъ, Пушкинъ, Обрадовичъ, Караджичъ, козацкіе лѣтописцы XVII—XVIII вѣковъ, авторы виршей и комедій XVIII, украинофилы XIX вѣка. Выиграла ли бы солидарность человѣческая, если бы украинскій народъ отказался отъ своего языка? Вѣдь ему пришлось бы, вмѣсто одного не существующаго всемірнаго общечеловѣческаго языка, замѣнить свой родной языкъ чуть ли не четырьмя: великорусскимъ, польскимъ, нѣмецкимъ и мадьярскимъ, а можетъ быть еще даже и румынскимъ, какъ и замѣнили уже въ употребленіи свой языкъ многіе представители высшихъ классовъ этого народа. При отдѣленіи мало-

*) «Русское богатство», 1881 г., февраль, іюль, ноябрь: «Что такое украинофильство?» «Еще объ украинофильствѣ»; сентябрь: «Хохлацкій индивидуализмъ»; декабрь: «Сказка о бѣломъ бычкѣ»; 1882 г., февраль: «Еще объ украинофильствѣ».—«Вѣстникъ Европы»: «Къ спорамъ объ украинофильствѣ», 1882 г., 2.—«Недѣля» (1881 г.): «Обиженная русская народность». Ефименкова: «По поводу украинофильства».—«Русскій Вѣстникъ» (1881 и 1882 гг.): Де-Пуле: «Къ вопросу объ украинофильствѣ».—«Русская Старина», апрѣль, 1881 г. Статья Костомарова по тому же предмету и др.

русской интеллигенціи по языку отъ простонародья отсутствуетъ естественный эндосмосъ и экзосмосъ между слоями всего народа, и это патологическое явленіе, мѣшающее развитію всей націи до общечеловѣческой ступени развитія, нарушено пока только въ Галиціи; громадная же часть народа малорусскаго, далеко не бездарнаго по признанію всѣхъ наблюдателей его жизни, начиная съ XVII вѣка (Павла Алеппскаго, Кларка, Ригельмана, Коля, Боденштедта, Гакстгаузена, Устрялова, Бѣлинскаго)*), поставлена въ невозможность исполнять свою роль въ концертѣ человѣчества. Если интересы народа малорусскаго, въ большинствѣ ходящаго босикомъ и голодающаго, какъ говорилъ противникъ Петрика, ограничены только экономическими вопросами, а культурныя и политическія цѣли украинофиловъ для него безразличны, то главнѣйшій пунктъ соприкосновенія украинофиловъ, какъ націоналистовъ, съ ихъ народомъ проявляется въ ихъ желаніи посредствомъ изданій о народѣ и для народа разъяснять экономическія явленія, а такія разъясненія могутъ быть сдѣланы только на народномъ малорусскомъ языкѣ, ибо національность неотдѣлима отъ народа, какъ кожа отъ организма. Экономическое благосостояніе народа можетъ быть поднято только тогда, когда умственный и нравственный кругозоръ его расширится при помощи развитія національной письменности.

Таковы главныя положенія украинофильства, какъ они были выражены въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Позже они пополнялись тѣми или другими оттѣнками мыслей въ беллетристическихъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей, въ историческихъ или публицистическихъ статьяхъ, появляющихся въ журналѣ «Кіевская Старина», въ газетахъ, выходящихъ въ Южной Россіи, и отчасти и въ столичной прессѣ. Нигдѣ ни въ этихъ статьяхъ, ни въ публичныхъ рѣчахъ украинцевъ русскихъ и галицкихъ, какія имѣли мѣсто, напр., въ 1903 году на торжествѣ открытія памятника Котляревскому въ Полтавѣ, нельзя обнаружить какого-либо шовинизма, какой замѣчается у противниковъ украинскаго движенія даже такихъ, какъ, напр., Бѣлинскій. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, обсуждавшихъ вопросъ о ненормальномъ положеніи народной школы на Югѣ Россіи при преподаваніи не на родномъ языкѣ учащихся дѣтей, напр., въ Черниговскомъ, Полтавскомъ, Херсонскомъ, — никогда пожеланія о расширеніи правъ малорусскаго языка на развитіе не доходили до тезисовъ, угрожающихъ цѣлости русскаго государства. Можно смѣло утверждать, что всѣ украинцы, живущіе въ Россіи, не могутъ себѣ представить даже возможности говорить о какомъ-либо сепаратизмѣ въ политическомъ смыслѣ. Между тѣмъ обвиненія украинофиловъ въ ихъ злонамѣренности и измѣнѣ русскому государству въ пользу какого-то неизвѣстнаго иностраннаго, можно встрѣчать въ прессѣ, ненавидящей всякій прогрессъ.

Приведенныя же выше справки объ украинофильствѣ показываютъ только, что въ государственномъ смыслѣ оно явленіе совершенно безразличное, ибо въ нормальномъ своемъ развитіи оно обнимаетъ любовь къ своей родинѣ, не столько въ видѣ топографическихъ ея отличій и мѣстныхъ красотъ, сколько въ видѣ тѣхъ особенностей, какими отличаются бытъ и духовная жизнь малорусскаго народа, выражаемая его словесностью и языкомъ. Эти отличія — естественно-прирождены каждому украинцу, и потому бороться съ ними значитъ бороться съ самою природою. Предилекція къ своему національному обусловливается не тѣмъ или инымъ государствен-

*) Здѣсь у М. Петрика приведены длинныя цитаты изъ указанныхъ писателей, отзывающихся съ большими похвалами о бытѣ, нравственности и умѣ малороссовъ.

нымъ строемъ, а лежитъ въ человѣческой психикѣ и покрываетъ собою внѣшнія формы жизни. Поэтому украинскій сепаратизмъ для цѣлости русскаго государства столь же опасенъ, какъ, напр., для цѣлости Швейцарскаго союза опасны въ политическомъ отношеніи особенности обычаевъ, темперамента и языковъ французовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ, или разница въ обычаяхъ и языкахъ латышскомъ, литовскомъ и нѣмецкомъ въ Остъ-зейскихъ губерніяхъ Россійской Имперіи. Такимъ образомъ, опасность политическаго сепаратизма украинцевъ — одинъ призракъ; что же касается сепаратизма національнаго, то онъ, не грозя ничѣмъ единству русскаго государства, имѣетъ полное законное право на свое существованіе и уваженіе.

Поэтъ князь **Вяземскій** въ своихъ стихахъ сказалъ:

Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ слышится его природа,
Его душа и бытъ родной.

Такую же мысль развивалъ подробно **Гумбольдтъ** и послѣ него профессоръ Харьковскаго университета **Потебня** въ видѣ цѣлаго ученія, при чемъ доказывалъ разборомъ морфологическихъ, этимологическихъ и синтаксическихъ формъ языка, что послѣдній не только выражаетъ міровоззрѣніе народа, но есть единственное средство развитія духовныхъ его способностей. Безъ словъ нѣтъ мыслей, безъ языка нѣтъ ни міровоззрѣнія, ни способностей; развиваются они только совмѣстно съ развитіемъ языка, соединяющаго массу индивидуумовъ въ одну націю. Поэтому отрицать за малорусскимъ языкомъ его право на развитіе равносильно отрицанію существованія малорусскаго народа, чего не позволяетъ дѣйствительность. При этомъ, согласно ученію **Потебни**, живой языкъ вѣчно и постоянно измѣняется, рядомъ съ чѣмъ измѣняются и способъ мышленія, и объемъ и широта доступныхъ логическому изслѣдованію предметовъ сужденія. Съ увеличеніемъ лексическаго состава языка и съ разработкою этимологическихъ и синтаксическихъ его формъ расширяются и умственныя способности народа, говорящаго даннымъ языкомъ. Поэтому среди родовъ и видовъ письменности особое значеніе для общаго прогресса имѣетъ періодическая ежедневная пресса, служащая выраженіемъ повседневныхъ обычныхъ нуждъ народа. Извѣстно же, что всѣ ходатайства украинофиловъ о разрѣшеніи изданія на малорусскомъ языкѣ газетъ встрѣчали одинъ отвѣтъ отъ главнаго управленія по дѣламъ печати: «не подлежитъ удовлетворенію». Такимъ образомъ, малорусскій народъ до послѣдняго времени лишенъ одного изъ самыхъ главныхъ средствъ развитія своихъ духовныхъ способностей. Доминирующее значеніе среди славянскихъ языковъ великорусскаго языка, надъ созданіемъ котораго работали и малоруссы и великоруссы, не можетъ пострадать отъ разрѣшенія всѣхъ видовъ письменной малорусской словесности; а тѣмъ менѣе можетъ пострадать то настоящее и будущее государственное единство двухъ русскихъ народностей, которое закрѣплено и географическими и историческими особенностями громадной русской территоріи. Только это утверждали и утверждаютъ преслѣдуемые и гонимые украинофилы. Съ развитіемъ же украинофильскихъ симпатій въ малорусскомъ образованномъ обществѣ, довольно большая половина русскаго народа получитъ возможность развивать свои недюжинныя способности, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшать и свой матеріальный бытъ, что для общаго благополучія всего русскаго государства несомнѣнно желательно.

А. Русовъ.

IV.

Краткій обзоръ украинскаго литературнаго движенія въ Россіи и за границей.

Украинская литература представляетъ явленіе, можно сказать, исключительное по тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, среди которыхъ она существовала до сихъ поръ и продолжаетъ находиться и въ настоящее время. Условія эти были таковы, что по естественному ходу вещей она имѣла, если не прекратить совершенно, то во всякомъ случаѣ влачить самое жалкое существованіе. Тѣмъ не менѣе, видимъ, что, несмотря на чрезвычайно неблагопріятныя для своего развитія обстоятельства, украинская литература въ теченіе послѣдняго столѣтія растетъ количественно и качественно, привлекаетъ къ себѣ все большее число работниковъ, захватываетъ все болѣе широкій кругъ интересовъ и въ настоящей стадіи своего развитія занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ литературъ славянскаго міра. Все это можетъ свидѣтельствовать лишь о жизненности началъ, положенныхъ въ ея основу.

Украинская книжная письменность, возникшая изъ богатой народной словесности, ведетъ свою литературную традицію изъ глубокой древности. Живая струя народной рѣчи и національнаго духовнаго склада невольно пробивается даже въ такихъ, написанныхъ на условно-книжномъ, славянскомъ языкѣ, памятникахъ древнѣйшей письменности, какъ лѣтопись Нестора, Волынская лѣтопись, Печерскій Патерикъ, Хожденіе Даніила, Поученіе Владиміра Мономаха, проповѣди Кирилла Туровскаго и другихъ. Временемъ высокаго расцвѣта южно-русской письменности были XVI — XVII в., когда на Украйнѣ — въ силу особыхъ политико-соціальныхъ и религіозныхъ условій — возникла обширная полемическая литература на мѣстномъ языкѣ. Не прекращается украинское литературное творчество и въ теченіе всего XVIII вѣка, выражаясь главнымъ образомъ въ произведеніяхъ драматическихъ, историческихъ хроникахъ и мемуарахъ, въ сатирическихъ и лирическихъ стихотвореніяхъ. Но въ языкѣ всѣхъ этихъ произведеній было много все того же условнаго церковно-славянскаго элемента, что въ значительной степени лишало ихъ жизненности, въ особенности при ясно опредѣлившемся параллельномъ развитіи русской литературы на національной великорусской основѣ. Представлялось вполнѣ простымъ и естественнымъ въ своей сущности дѣломъ — возникновеніе особой украинской письменности изъ живого національно-народнаго источника. Только стихійная сила народной рѣчи могла дать украинской письменности неодолимую живучесть и явиться прочнымъ залогомъ дальнѣйшаго ея развитія, какъ это было у другихъ племенъ славянскаго міра. «Развитіе украинской литературы, — говоритъ академикъ А. Н. Пыпинъ, — было только частью цѣлаго обширнаго факта, не признать котораго нѣтъ возможности, — именно факта славянскаго возрожденія, смыслъ котораго есть

инстинктивное влеченіе массъ и благородное стремленіе ихъ лучшихъ представителей развить и выразить внутреннія народныя силы, въ той формѣ, какая дана ихъ происхожденіемъ и исторіей, — въ формѣ народной. Для цѣлаго ряда славянскихъ племенъ пробужденіе народнаго чувства было спасеніемъ ихъ національности и основаніемъ ихъ новаго развитія; сущность этого движенія есть въ высшей степени человѣчное и человѣколюбивое стремленіе—возвысить нравственное сознаніе народовъ, открыть для нихъ возможность умственной жизни, доселѣ крайне ограниченной».

Иниціатива національно-народнаго возрожденія украинской письменности принадлежитъ поэту И. П. Котляревскому. Онъ является первымъ связующимъ звеномъ между созданіями коллективнаго народнаго творчества и новыми литературно-художественными формами выраженія народнаго духа. Котляревскій первый указалъ, какія богатыя сокровища заключаются въ народномъ языкѣ, какъ органѣ литературнаго самовыраженія націи, указалъ на народную массу, ея жизнь и интересы, какъ на неисчерпаемый источникъ литературнаго творчества, и представилъ широкую картину народной жизни въ духѣ общекультурныхъ, гуманныхъ идей, которыя одушевляли лучшихъ людей его времени. Облеченныя въ національную художественную форму, согрѣтыя искреннимъ чувствомъ благороднаго сердца поэта, онѣ производили неотразимое впечатлѣніе на его земляковъ, даже на тѣхъ изъ нихъ, чьи недостатки онъ ѣдко осмѣивалъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ силѣ этого вліянія и заключается глубокое общественно-воспитательное значеніе произведеній Котляревскаго.

Съ тѣхъ поръ украинская литература никогда не теряла близкой и живой связи съ народомъ. «Любовь къ своей народности, — говоритъ профессоръ Дашкевичъ,—была главною двигательною силою новѣйшей украинской литературы». Гуманное народолюбіе Котляревскаго послужило тѣмъ прочнымъ основаніемъ, на которомъ возникла обширная литература, проникнутая тѣми же животворными началами любви къ меньшему брату, сочувствія его долѣ, стремленія придти ему на помощь. Эти начала составляютъ основной мотивъ украинской литературы на всемъ протяженіи вѣкового ея существованія, при всемъ разнообразіи затрагиваемыхъ ею темъ и положеній. Въ этой всегдашней неразрывной связи украинской литературы съ народною массой и слѣдуетъ искать причину ея живучести.

Не всѣ изъ послѣдователей Котляревскаго въ достаточной мѣрѣ уразумѣли значеніе его сатирическаго юмора и основныхъ его демократическихъ идеаловъ; нѣкоторые изъ нихъ ограничились пародіями къ народномъ духѣ (Бѣлецкій-Носенко, Кореницкій, Думитрашко), иные, какъ это замѣчалось и въ другихъ возрождавшихся славянскихъ литературахъ, обратившись къ этнографическому и историческому изученію своей родины, дали образцы чисто романтической поэзіи (Метлинскій, Петренко, Забѣлла). Но еще при жизни Котляревскаго начинаютъ свою дѣятельность писатели, которые, можетъ быть, въ большинствѣ со стихійной непосредственностью, но вполнѣ послѣдовательно осуществляли въ своей литературной дѣятельности народолюбивые завѣты родоначальника новой украинской литературы. Наиболѣе характерными представителями такого направленія были: профессоръ Харьковскаго университета П. П. Гулакъ-Артемовскій, сатира котораго «Пан та собака» была замѣчательнымъ для своего времени литературнымъ произведеніемъ, баснописцы — Боровиковскій и Гребинка и въ особенности — Г. Ф. Квитка-Основяненко, основатель украинской художественной повѣсти.

Квитка-Основяненко былъ піонеромъ народной повѣсти по отношенію

не только къ русской, но и вообще къ европейской литературѣ. Вполнѣ реалистическія тенденціи и глубокое сочувствіе народнымъ массамъ видимъ въ европейской литературѣ лишь со второй четверти минувшаго столѣтія: народныя повѣсти Жоржъ-Зандъ впервые появились въ 1838 г., «Деревенскіе разсказы» Ауэрбаха—въ 1843 г., разсказъ Григоровича «Деревня»—въ 1846 г., первый же сборникъ украинскихъ народныхъ повѣстей Квитки—въ 1834 г. Литературная инціатива Квитки выходила изъ его литературныхъ и общественныхъ взглядовъ. Онъ не удовлетворялся безсодержательностью тогдашней журнальной беллетристики и принялся за изображеніе народной жизни на народномъ языкѣ. «Мнѣ было досадно, — говоритъ этотъ писатель,—что все летаютъ подъ небесами, изобрѣтаютъ страсти, созидаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, налѣво и не писать того, что попадается на глаза? Живя въ Украйнѣ, пріучась къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ своими словами пересказать публикѣ». Относясь съ уваженіемъ къ народу и его родному слову, Квитка признавалъ необходимость и высокое значеніе произведеній на живомъ родномъ языкѣ. Въ письмѣ къ издателю харьковскаго альманаха «Утренняя звѣзда» Квитка въ 1833 г. писалъ: «Я чувъ, буцимъ то хочешъ ты тутъ же прытулыты де-що и по нашому пысаного. За сюю выгадку ажъ трычи тоби дякую. Нехай же знаютъ и нашыхъ. Бо йе таки люде на свити, що зъ насъ кепкують и говорють, та й пышуть, буцимъ то зъ нашыхъ нихто не втне, щобъ було, якъ воны кажуть, и звычайне, и нижненьке, и розумне, и полезне; и що, стало быть, по нашому, опричъ лайкы та глузования надъ дурнемъ, бильшъ ничого не можна й напысаты». А такіе взгляды, не признававшіе народнаго элемента—языка и сюжета—въ литературныхъ произведеніяхъ, были въ то время доминирующими въ литературѣ. Достаточно указать въ этомъ отношеніи, что даже Бѣлинскій писалъ по поводу одного произведенія Квитки слѣдующее: «Мужицкая жизнь сама по себѣ мало интересна для образованнаго человѣка; слѣдственно, много нужно таланта, чтобы идеализировать ее до поэзіи... Содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интересъ ихъ — мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора. Все это нѣсколько прискучило». При господствѣ и общераспространенности такого рода взглядовъ, высказываемыхъ притомъ слишкомъ авторитетными корифеями литературы, нужно было много гражданскаго мужества, чтобы удержаться на избранномъ литературномъ пути.

Высшаго своего расцвѣта украинская литература достигла въ лицѣ Т. Г. Шевченка—какъ въ художественномъ, такъ и въ идейномъ отношеніяхъ. И только что упомянутые, и многіе другіе украинскіе писатели того времени, хотя и примыкаютъ къ Шевченку по основному демократическому характеру своихъ произведеній, но вся литературная дѣятельность ихъ была результатомъ не столько глубокаго убѣжденія, сколько непосредственно стихійныхъ симпатій къ родному народу. Первымъ идейноубѣжденнымъ выразителемъ народныхъ идеаловъ въ украинской литературѣ былъ Шевченко. Въ произведеніяхъ Шевченка народъ, его жизнь, нужды и интересы выступаютъ въ своей реальной дѣйствительности. «Послѣдній кобзарь,—по мѣткой характеристикѣ Аполлона Григорьева, — и первый великій поэтъ новой великой литературы славянскаго міра», Шевченко никогда и нигдѣ не теряетъ связи съ народомъ. Нельзя указать другого поэта въ исторіи всемірной литературы, который былъ бы къ народу болѣе близокъ во всѣхъ отношеніяхъ и болѣе ему понятенъ. «Какъ бы высоко въ своихъ произведеніяхъ ни подымался Шевченко въ сферу

общечеловѣческихъ идеаловъ гуманности,—говоритъ біографъ поэта, А. Я. Конисскій, — онъ нигдѣ не отрывается отъ народа, нигдѣ не теряетъ своей народности; онъ вездѣ и всегда глубоко и истинно народенъ, потому что онъ родился и выросъ на почвѣ народной исторіи; онъ сосредоточилъ въ себѣ всѣ дурныя и хорошія стороны своего народа, въ немъ выразилась вся національная народная душа». «Исторія моей жизни, — сказалъ самъ поэтъ,—составляетъ часть исторіи моей родины». «Народъ,—по словамъ Костомарова,—какъ бы избралъ Шевченка пѣть вмѣсто себя». Шевченко, такимъ образомъ, явился продолжителемъ той глубокой культурно - національной работы, которая медленно и упорно, но за то прочно ведется массами въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, съ первыхъ проблесковъ духовнаго сознанія, и остановить стихійное теченіе которой было бы внѣ человѣческихъ силъ.

Сотрудниками Шевченка и дальнѣйшими продолжателями той же работы были П. А. Кулишъ и Н. И. Костомаровъ, дѣятельность которыхъ проявилась не только въ области художественной литературы, но и въ научныхъ трудахъ по исторіи и этнографіи. Кулишъ—очень крупная и оригинальная фигура въ украинскомъ литературномъ движеніи. «Усидчивый и энергическій работникъ, собиратель самаго разнообразнаго матеріала, при томъ натура страстная и самоувѣренная, Кулишъ,—по характеристикѣ одного литературнаго критика,—былъ какъ бы маховымъ колесомъ машины, которое само не создаетъ движенія, но разъ созданному даетъ равномѣрность и силу... Его колебанія составляли трагедію его жизни, но вносили ферментъ въ литературную жизнь Украйны; въ критическихъ произведеніяхъ Кулиша, при многихъ несправедливыхъ и одностороннихъ сужденіяхъ, затрогивались вѣрныя и глубокія мысли, не падавшія даромъ на украинскую почву». Не меньшее значеніе имѣлъ и Костомаровъ, извѣстный не столько какъ украинскій поэтъ (литературный псевдонимъ—Іеремія Галка), сколько какъ талантливый историкъ, посвятившій свой талантъ изученію прошлаго своей родины. «Онъ дѣйствительно,—говоритъ А. Н. Пыпинъ, — оказалъ великія заслуги украинскому самосознанію, избравъ для этого серьезный путь историческаго и этнографическаго изслѣдованія: изученіе исторіи и народной поэзіи навсегда оставило въ немъ почтеніе къ нравственной народной личности, и онъ больше, чѣмъ кто нибудь, сдѣлалъ для разъясненія внутренней исторіи Южной Руси». Трудами этихъ писателей народнымъ идеаламъ украинской литературы дано было прочное научное обоснованіе. Все заставляло ожидать, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ она естественнымъ своимъ ходомъ достигнетъ высокой степени развитія. Но этому помѣшало вынужденное прекращеніе, почти въ самомъ началѣ, дѣятельности помянутыхъ корифеевъ украинской литературы. Въ 1847 г. въ Кіевѣ обнаружено было существованіе кружка украинской интеллигенціи, такъ называемаго «Кирилло-Меѳодіевскаго братства», основаннаго съ цѣлью мирно содѣйствовать внутреннему развитію украинскаго народа и распространенію идеи славянской взаимности; въ результатѣ оказались сосланными: Костомаровъ — въ Саратовъ, Кулишъ — въ Тулу, Шевченко—солдатомъ въ Оренбургскій край съ воспрещеніемъ писать и рисовать.

Слѣдующія 10 лѣтъ были мертвымъ періодомъ украинской литературы; въ печати почти ничего не появлялось; произведенія начавшихъ тогда писать авторовъ,—напримѣръ, Стороженка, Руданскаго,—оставались въ рукописяхъ. Но вторая половина 50-хъ годовъ, приближеніе эпохи великихъ реформъ оживило и украинскую литературную дѣятель-

ность. Въ 1857 г. возвращается изъ ссылки Шевченко, выступаетъ вновь Кулишъ—съ исторической хроникой «Чорна рада» и чрезвычайно цѣнными «Записками о Южной Руси», появляются извѣстныя «Народни украинськи оповидання» Марка-Вовчка. Молодыя литературныя силы (Руданскій, Свидницкій, Глѣбовъ, Барвинокъ, Носъ, Олельковичъ, Мордовцевъ, Кузьменко и др.) концентрируются при журналѣ «Основа», который началъ выходить съ 1861 г. на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Для удовлетворенія ясно-сознанныхъ народно-просвѣтительныхъ потребностей издается много книгъ для народнаго чтенія, и собирается Костомаровымъ капиталъ для широкой постановки народнаго издательства. Дѣятельность украинскихъ писателей въ этомъ направленіи вызывала полное сочувствіе со стороны всѣхъ, кто близко принималъ къ сердцу просвѣтительные интересы народной массы; такъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Головинъ признавалъ, что «стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ или печатать—весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія»; точно такъ же С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности издалъ въ 1862 г. «Списокъ русскихъ и малороссійскихъ книгъ, одобренныхъ для народныхъ учителей и школъ и для народнаго чтенія», при чемъ въ спискѣ этомъ число русскихъ и малорусскихъ книгъ было одинаково.

Литературное оживленіе было слишкомъ кратковременно. Въ 1863 г. послѣдовало распоряженіе, воспрещающее печатаніе на украинскомъ языкѣ всѣхъ книгъ, не относящихся къ области изящной словесности, въ томъ числѣ и книгъ религіознаго содержанія. Соотвѣтствующія же распоряженія издавались спорадически каждый разъ, когда обнаруживались допускаемыя, въ силу неумолимыхъ требованій жизни, послабленія въ изданныхъ ранѣе запретительныхъ постановленіяхъ.

При такихъ условіяхъ нормальное развитіе украинской письменности стало совершенно невозможнымъ въ предѣлахъ Россіи. Украинскіе писатели вынуждены были искать точку приложенія для своихъ силъ въ другомъ мѣстѣ и перенесли свою дѣятельность въ единоплеменную Галичину. До 1863 г. между русской и австрійской частями Украйны не было особенно близкаго общенія. Со времени же перваго запрещенія украинской литературы въ 1863 г. связь между ними постепенно крѣпнетъ, и они вступаютъ въ тѣсное взаимообщеніе. Галичина къ этому времени достигла уже нѣкоторыхъ культурно-національныхъ успѣховъ, хотя и не особенно значительныхъ. Австрійское правительство, опираясь въ Галиціи на поляковъ, въ интересахъ послѣднихъ не предоставляло преобладающему по своей численности мѣстному украинскому населенію равныхъ съ поляками правъ политическихъ, общественныхъ и даже въ сферѣ образованія. Тѣмъ не менѣе, стѣсненія національной украинской литературы здѣсь, вообще говоря, не было. Съ 1862 г. появляется органъ галицкихъ патріотовъ «Вечерниці», не имѣвшій самостоятельнаго значенія и состоявшій большею частью изъ перепечатокъ произведеній писателей русской Украйны. Такъ же мало имѣли значенія и возникавшіе здѣсь одинъ за другимъ періодическіе органы — «Мета», «Нива», «Русалка», вскорѣ же по своемъ возникновеніи прекращавшіе свое существованіе. Силы мѣстной интеллигенціи, очевидно, были недостаточны для вполнѣ прочной литературной и матеріальной поддержки періодическаго органа печати. Условія культурно-національной дѣятельности въ Галицкой Руси значительно перемѣняются къ лучшему съ того времени, когда въ дѣятельности этой, вслѣдствіе наступившаго въ Россіи цензурнаго

режима, принимають участіе украинскіе писатели изъ Россіи. Галичина получаетъ совершенно исключительное значеніе; по словамъ одного историка, она и въ настоящемъ сыграла роль резервуара для украинской народности, — ту роль, какая принадлежала ей на зарѣ исторіи. Украинскіе писатели входятъ въ оживленныя сношенія съ мѣстными дѣятелями, принимаютъ участіе въ ихъ изданіяхъ, лично посѣщаютъ ихъ, оказываютъ имъ нравственную и матеріальную поддержку. Наиболѣе живую дѣятельность въ этомъ отношеніи обнаружили П. Кулишъ, С. Подолинскій, Ф. Вовкъ, А. Конисскій и М. Драгомановъ, — въ особенности послѣдніе два, — и своимъ личнымъ вліяніемъ, и литературными работами, и матеріальной помощью. При всемъ различіи, доходившемъ подчасъ до противорѣчія, по нѣкоторымъ вопросамъ, Конисскій и Драгомановъ, хотя и независимо другъ отъ друга и различными путями, одинаково содѣйствовали установленію взаимообщенія между Украйной и Галичиной и культурно-національному оживленію послѣдней. Въ Львовѣ въ 1867 г. основывается всеукраинскій литературный органъ «Правда», объединившій разрозненныя силы австрійскихъ и русскихъ украинцевъ; вслѣдъ за тѣмъ въ зарубежной Руси возникаетъ цѣлый рядъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ больше всего имѣли значеніе: «Зоря», «Народ», «Хлібороб», «Радикал», «Громадський Голос», «Буковина», «Батьківщина», «Діло», «Світ», «Житте і Слово», «Літературно-Науковий Вістник»; стѣсненные у себя дома въ правахъ пользованія роднымъ словомъ, россійскіе украинцы преимущественно и являлись сотрудниками этихъ изданій, помѣщая здѣсь, кромѣ беллетристики, и публицистическія свои работы, посвященныя по большей части выясненію тяжелаго положенія украинскаго слова и вообще украинской народности въ Россіи. Вслѣдствіе этого, общее направленіе сказанныхъ изданій отнюдь не отличалось благорасположенностью по отношенію къ русскому правительству, нѣсколько лишь повышаясь или понижаясь въ тонѣ, въ зависимости отъ усиленія или ослабленія господствовавшаго режима. Здѣсь же появляется очень много цѣнныхъ работъ, посвященныхъ живымъ вопросамъ текущей экономической, общественной и культурной жизни Украйны,—работъ, о недоступности которыхъ для широкаго круга украинскихъ читателей слѣдуетъ весьма пожалѣть.

Такъ какъ примѣнить у себя дома силы къ образованію народной массы на родномъ языкѣ не было возможности, то полезныя народныя книги, какъ беллетристическаго содержанія, такъ и воспрещенныя въ Россіи популяризаціи, пересылались въ Галицію и служили здѣсь къ поднятію образовательнаго уровня лишь одной, при томъ сравнительно небольшой, части украинскаго племени. Въ двухъ наиболѣе видныхъ народноиздательскихъ предпріятіяхъ Галичины—обществѣ «Просьвіта» и «Літературно-Наукова бібліотека», выпустившихъ въ свѣтъ около 400 названій, видное мѣсто принадлежитъ писателямъ изъ русской Украйны, давшимъ наиболѣе цѣнный по своему качеству матеріалъ для народнаго чтенія (произведенія Загирни, Чайченко, Левицкаго, Мирнаго, Квитки, Нищинскаго, Кулиша, Стороженко, Мордовцева и др.). Кромѣ только что упомянутыхъ, въ Галичинѣ есть еще нѣсколько другихъ издательскихъ фирмъ, выпускающихъ въ свѣтъ большое число книгъ для народнаго чтенія. По сравненію съ этимъ, въ русской Украйнѣ, во много разъ превосходящей Галичину по территоріи и населенію, имѣется не болѣе 150 дѣйствительно полезныхъ народныхъ книгъ на украинскомъ языкѣ, при томъ въ подавляющемъ числѣ — беллетристическихъ.

Необыкновенно успѣшными результатами сопровождалось участіе

украинскихъ силъ въ научной работѣ галичанъ. Въ 1873 году на собранный на Украйнѣ капиталъ (около 9 тысячъ гульденовъ) основано было «Товариство імени Шевченка», имѣвшее цѣлью содѣйствовать развитію украинской литературы—путемъ изданія книгъ и органовъ періодической печати, выдачи премій и т. п. Постепенно Общество имени Шевченка становится очагомъ литературно-научной дѣятельности всей Украйны и, для сообщенія дѣятельности его болѣе научнаго характера, реформируется въ 1892 году въ научное общество («Наукове Товариство імени Шевченка»). Тогда же, въ 1892 году, вышелъ первый томъ ученаго журнала Общества — «Записок Наукового Товариства імени Шевченка», составленный преимущественно изъ трудовъ украинскихъ авторовъ и изданный также на средства изъ Украйны; продолжая неизмѣнно пользоваться литературнымъ сотрудничествомъ и матеріальнымъ содѣйствіемъ со стороны русскихъ украинцевъ (такъ, напримѣръ, въ 1898 году одинъ изъ украинцевъ пожертвовалъ Обществу 45,000 гульденовъ), Общество особенно развиваетъ свою научную дѣятельность съ 1898 года, когда новою реформою устава еще болѣе закрѣпленъ былъ за дѣятельностью его научный характеръ, и когда во главѣ его сталъ получившій образованіе въ Россіи ученый — профессоръ Львовскаго университета М. С. Грушевскій. Работая въ областяхъ, смежныхъ съ русской исторіей, филологіей, этнографіей, Общество имени Шевченка накопило въ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ значительный запасъ цѣннаго матеріала и научныхъ изслѣдованій, представляющихъ для русскихъ ученыхъ немалый интересъ, но остающихся для нихъ малоизвѣстными. Научная дѣятельность Общества сосредоточена въ секціяхъ: историко-философской (куда входятъ и юридическія науки), филологической и математическихъ, естественныхъ и медицинскихъ наукъ. Вспомогательными органами секцій являются коммиссіи, имѣющія спеціальный характеръ: археографическая, этнографическая, юридическая, лингвистическая и медицинская. Секціи издаютъ, для болѣе обширныхъ работъ, особые «Сборники» и, кромѣ того, имѣютъ свои спеціальные органы. Историко-филологическимъ наукамъ посвященъ ученый журналъ Общества—«Записки», славящійся, между прочимъ, своимъ библіографическимъ отдѣломъ, въ которомъ трудамъ русскихъ ученыхъ удѣляется столько мѣста, какъ ни въ одномъ изъ заграничныхъ изданій. Историческая секція издаетъ еще «Історічну бібліотеку», а филологическая — «Літературну бібліотеку» — для научнаго изданія украинскихъ классиковъ. Для археографическихъ изданій существуютъ 2 серіи: «Жерела до історії України Руси»—для документальнаго матеріала и «Памятки»—для памятниковъ литературныхъ. Этнографическіе матеріалы издаются въ двухъ серіяхъ: «Етнографічний Збірник» посвященъ главнымъ образомъ народной словесности (фолькльору), а «Материяли до укр.—руської этнольогії» заключаютъ главнымъ образомъ работы по описательной этнографіи, а также и по археологіи (палеоэтнологіи). Органъ юридической коммиссіи «Часопись Правнича» преобразованъ въ послѣднее время—въ юридическо - экономическій журналъ («Часопись Правнича і Економічна»); дополненіемъ къ этому журналу является «Юридична бібліотека», гдѣ помѣщаются болѣе обширные университетскіе курсы по праву. Статьи по математическимъ и естественнымъ наукамъ помѣщаются въ изданіи «Збірник секції математично-природничо-лікарської». Въ настоящее время, кромѣ упомянутаго журнала, посвященнаго историко-филологическимъ наукамъ, и общаго бюллетеня («Хроніка Н. Т. імени Шевченка»), Общество издаетъ девять отдѣльныхъ серій трудовъ, относящихся къ болѣе спеціальнымъ областямъ и, кромѣ того, ежемѣсячный журналъ общелитературнаго ха-

рактера—«Літературно-науковий Вістник». Въ упомянутыхъ изданіяхъ заключается масса цѣннаго научнаго матеріала и самостоятельныхъ изслѣдованій, знакомство съ которыми обязательно для всякаго изслѣдователя, посвящающаго себя изученію вопросовъ, которые имѣютъ такое или иное отношеніе къ Южной Руси. Можно въ этомъ отношеніи указать на многочисленный и разнообразный этнографическій и филологическій матеріалъ въ изданіяхъ «Науковаго Товариства», а также на изслѣдованія въ области исторіи—профессора Грушевскаго (напр., на его капитальную «Істория України - Руси», 4 тома), въ области археологіи — Волкова, филологіи и діалектологіи—Гнатюка, Колессы, Студинскаго, Маковея, Верхратскаго, литературы — Франка, Житецкаго, сравнительной миѳологіи — Дикарева, и др. «Если бы я захотѣлъ, — говоритъ обозрѣватель научной дѣятельности Общества,—указывать все то новое, что вносятъ въ изученіе Южной Руси эти работы и публикаціи матеріаловъ, мнѣ пришлось бы написать нѣсколько большихъ книгъ. Уже такъ, какъ стоитъ дѣло теперь по нѣкоторымъ вопросамъ, изслѣдователь не можетъ двигаться, не ознакомившись со сдѣланнымъ и опубликованнымъ по этимъ вопросамъ Обществомъ имени Шевченка» («Журн. М-ва Нар. Просв.» 1904 г., III).

Вмѣстѣ съ галицкими, въ изданіяхъ Общества принимаютъ участіе ученые и изъ Украйны. Такъ, въ 1899 году изъ числа 74 сотрудниковъ ученыхъ изданій украинцевъ было 25, въ 1900 года — изъ 62-хъ — 12 (уменьшеніе объясняется большими размѣрами отдѣльныхъ работъ). Научное достоинство трудовъ Общества имени Шевченка засвидѣтельствовано многими компетентными отзывами въ заграничныхъ ученыхъ изданіяхъ. Можно указать, напримѣръ, въ этомъ отношеніи на отзывъ вѣнскаго академика Ягича, который въ своемъ обзорѣ научнаго движенія среди славянъ признаетъ важное значеніе дѣятельности Общества имени Шевченка, въ особенности при крайне трудныхъ условіяхъ, создаваемыхъ цензурнымъ режимомъ въ Россіи, и при этомъ высказываетъ, что Общество это, «благодаря энергической дѣятельности галицкихъ русиновъ и той нравственной помощи, какая оказывается ему изъ Россіи, можетъ со временемъ обратиться въ русинскую академію наукъ» («Archiv für Sl. Philologie», XX, 1898 г.); точно такъ же профессоръ Берлинскаго университета Брикнеръ въ обзорѣ новыхъ трудовъ въ области славяновѣдѣнія («Zeitschrift des Vereins für Volkskunde», 1899 г.), признавая за трудами Общества крупное научное достоинство, также указываетъ на высокое значеніе Общества, какъ главнаго очага украинской науки, центръ которой, вслѣдствіе неблагопріятныхъ политическихъ условій, перенесенъ изъ Кіева во Львовъ. При несомнѣнномъ положительномъ научномъ значеніи напечатанныхъ за границей украинскихъ ученыхъ изданій, воспрещеніе ввоза ихъ въ Россію, крайне неблагопріятно отражаясь на результатахъ научной дѣятельности единоплеменной намъ части зарубежнаго славянскаго народа*), слѣдуетъ признать безусловно не соотвѣтствующимъ также интересамъ и русской науки.

Особенно значительнымъ оказалось участіе украинскихъ писателей въ художественной галицкой литературѣ. Литературная продуктивность зарубежной Руси до начала настоящаго цензурнаго режима въ русской Украйнѣ была сравнительно не велика. Шашкевичъ, Устіановичъ, Федьковичъ,

*) Родственная намъ по крови и единовѣрная Буковина, вслѣдствіе слабости своихъ культурныхъ средствъ, едва влачитъ свое національное существованіе, испытывая на себѣ сильное вліяніе румынизаціи и мадьяризаціи, Угорская же Русь въ значительной части уже мадьяризована.

—вотъ почти всѣ, сколько-нибудь замѣтныя здѣсь литературныя силы, причемъ собственно одинъ только Федьковичъ обладалъ несомнѣннымъ дарованіемъ. Когда для украинскихъ писателей вполнѣ уже опредѣлилась невозможность печатать свои произведенія въ предѣлахъ Россіи, литература зарубежной Руси сразу обогащается выдающимися произведеніями такихъ корифеевъ украинской литературы, какъ И. Левицкій, П. Мырный, А. Конисскій, вмѣстѣ съ которыми работало здѣсь много писателей и меньшаго литературнаго значенія — поэтъ и драматургъ М. Старицкій, поэтесса О. Косачъ, новеллистка А. Кулишъ, поэтъ, критикъ и беллетристъ В. Чайченко и другіе. Такія произведенія, какъ повѣсти Левицкаго — «Микола Джеря», «Кайдашева сімя», «Бурлачка», Мырнаго — «Лихі люде», «Хіба воли ревуть, як ясла повні», Конисскаго — «В гостях добре, а дома лучче»», «Юрій Горовенко», «Семен Жук», — открыли для галицкой публики совершенно новый міръ идей, литературныхъ типовъ и новые для нея художественные пріемы. Реальное изображеніе пореформенной жизни Украйны и главнымъ образомъ народной жизни, новыя прогрессивныя идеи эпохи великихъ реформъ, высокая художественность и чистота литературнаго языка печатавшихся здѣсь украинскихъ произведеній оказали неотразимое вліяніе на художественное творчество галицкихъ писателей и способствовали необыкновенному здѣсь литературному оживленію. Здѣсь вырабатываются мѣстныя силы большого литературнаго значенія: И. Франко, В. Стефаникъ—и тотъ, и другой писатели европейской извѣстности,— Т. Бордулякъ, О. Кобылянская и др. Насколько развились собственныя литературныя силы Галичины, свидѣтельствуетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что среди книгъ наиболѣе крупнаго здѣсь издательскаго предпріятія — «Выдавнича Спілка», — обслуживающаго галицкій литературный рынокъ, значительно уже преобладаютъ произведенія мѣстныхъ писателей, выступившихъ на сцену въ послѣднія же десятилѣтія подъ оживляющимъ вліяніемъ со стороны русской Украйны (таковы, напримѣръ, С. Коваливъ, Н. Кобринская, Б. Лепкый, Л. Мартовичъ, М. Яцкивъ и другіе).

Такимъ образомъ, небольшая по своимъ размѣрамъ и количеству населенія часть Украйны, равная приблизительно одной нашей губерніи, развиваетъ свою литературную дѣятельность до размѣровъ, для нея прямо поразительныхъ. Галичина явилась, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, всеукраинскимъ духовнымъ центромъ, въ которомъ культурно-національная работа совершается общими силами всѣхъ частей Украйны и въ которомъ рѣшаются какъ культурныя, такъ и общественно-политическія проблемы украинскаго движенія; это, конечно, продолжится до тѣхъ поръ, пока съ измѣненіемъ существующаго по отношенію къ украинскому слову режима, движеніе это не будетъ перенесено въ другой центръ — болѣе соотвѣтствующій историческимъ и политическимъ условіямъ Украйны — въ предѣлахъ Россіи. Въ настоящее время, не смотря на ожесточенную, далеко еще не закончившуюся, борьбу съ доминирующимъ въ Галичинѣ польскимъ элементомъ, будущность Галицкой Украйны въ культурно-національномъ отношеніи слѣдуетъ признать вполнѣ обезпеченною. Галичина покрыта сѣтью русинскихъ экономическихъ и просвѣтительныхъ учрежденій («Народна торговля», «Січі», читальни «Просьвіта» и др.), которыя сплочиваютъ все растущіе кадры мѣстной интеллигенціи и значительныя массы пробудившагося народа. Здѣсь издается около 20 періодичеокихъ органовъ печати; обученіе въ школахъ (въ восточной, русинской Галичинѣ) ведется на украинскомъ языкѣ, хотя и не безъ большихъ препятствій съ польской стороны; гимназій съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на украинскомъ языкѣ

имѣется 4, университетскихъ каѳедръ — 6, при чемъ въ послѣднее время настоятельно выдвигается вопросъ объ учрежденіи во Львовѣ отдѣльнаго полнаго украинскаго университета. При такихъ условіяхъ Галичина не только вполнѣ уже можетъ существовать безъ поддержки изъ русской Украйны, но необходимость всеукраинскаго представительства даже ложится на нее теперь тяжелымъ бременемъ, отвлекая значительную часть ея силъ отъ ближайшихъ своихъ, весьма жгучихъ мѣстныхъ интересовъ.

Но если существующій цензурный режимъ способствовалъ оживленію Галицкой Руси, то для литературнаго развитія русской Украйны онъ имѣлъ совершенно обратное значеніе. Прежде всего, здѣсь нѣтъ наиболѣе существеннаго органа такого развитія—періодической печати, галицкія же періодическія изданія допускались въ Россію очень рѣдко и въ теченіе очень непродолжительнаго времени, такъ что случайный пропускъ можно объяснить развѣ лишь недоразумѣніемъ. Хотя въ числѣ другихъ ограниченій закона 1876 г. объ украинскихъ періодическихъ изданіяхъ не упомянуто, но цензурная практика послѣдовательно отклоняетъ всѣ ходатайства по этому поводу, особенно усилившіяся въ послѣднее время, — очевидно, по тѣмъ соображеніямъ, что издавать періодическій органъ печати въ допущенныхъ закономъ предѣлахъ «изящной словесности»—невозможно по существу дѣла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ цензурное вѣдомство относится совершенно отрицательно не только къ возможности украинской прессы, но и къ самой идеѣ систематическаго изданія даже беллетристическихъ произведеній и воспретило, напр., изданіе серіи собранія сочиненій украинскихъ беллетристовъ подъ однимъ общимъ названіемъ «Украинська бібліотека», — что̀ уже не имѣетъ основанія и въ законѣ.

Затѣмъ, даже въ области беллетристики отношеніе цензуры къ украинскимъ произведеніямъ отличается исключительною суровостью, по сравненію, напр., съ отношеніемъ ея къ русской беллетристикѣ. Изъ числа многихъ фактовъ достаточно указать, напр., на запрещеніе разсказовъ Д. Марковича: «Бразиліяне» (русскій переводъ безпрепятственно напечатанъ въ журналѣ «Русское Богатство» за 1896 г.), «Маленьке непорозуминня» (напечатанъ въ «Пчелкѣ» въ 1880 г.), «Два платочкы», «Омелько Каторжныкъ», «Шматокъ», при чемъ эти три разсказа печатались уже на украинскомъ языкѣ въ сборникѣ «Степъ» (въ 1885 г.), а первые два изъ нихъ, кромѣ того, — въ русскомъ переводѣ — напечатаны были въ 1893 г. фирмой Д. Сытина для народнаго чтенія. Произведенія, разрѣшенныя цензурою однажды, при вторичномъ разсмотрѣніи подвергались купюрамъ или полному запрещенію (разсказы Эварницкаго, Марка-Вовчка, Бордуляка, Крымскаго и многихъ другихъ), хотя бывало и наоборотъ: запрещенное однажды—впослѣдствіи, даже послѣ небольшого промежутка времени, безпрепятственно разрѣшалось.

Само собою разумѣется, что сказанныя условія дѣлали невозможнымъ сколько-нибудь правильное развитіе даже допущеннаго закономъ рода украинской литературы—беллетристики, вынуждая авторовъ печатать свои произведенія за границей даже въ томъ случаѣ, когда съ общецензурной точки зрѣнія, повидимому, не было никакихъ препятствій къ появленію этихъ произведеній и въ Россіи. Большинство сочиненій Конисскаго, Мырнаго, Левицкаго, Украинки, Крымскаго, Гринченко, Коцюбинскаго, Старицкаго и мн. другихъ — появлялись впервые за границей, а затѣмъ уже печатались въ Россіи.

Наконецъ, не могло оказать благопріятнаго вліянія на развитіе украинской литературной дѣятельности и то обстоятельство, что произведенія,

написанныя въ русской Украйнѣ, изображающія условія ея жизни и предназначенныя для ея читателей, попадали совсѣмъ не въ ту читательскую среду, къ читателямъ съ другимъ міровоззрѣніемъ и иными литературными вкусами и общественными взглядами. Это всегда лишало украинскаго писателя того существеннаго импульса литературной дѣятельности, какой обыкновенно дается чувствомъ непосредственной связи писателя съ читающей публикой. Отсюда происходили маловѣроятныя въ другихъ литературахъ явленія: многія произведенія украинскихъ писателей, отмѣченныя печатью несомнѣннаго таланта, не появляются вовсе на свѣтъ (сочиненія Мовы-Лыманськаго, Новроцкаго), или печатаются уже нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя по своемъ написаніи, когда они уже значительно утратили свою свѣжесть и интересъ для публики (сочиненія Руданскаго, Свидницкаго, Манжуры, Щоголева и въ значительной степени — Левицкаго, Мырнаго, Конисскаго). Отсюда неудивительно, что большинство украинскихъ писателей не отличается продуктивностью въ такой степени, какъ этого можно было бы ожидать при нормальныхъ условіяхъ, или вовсе прекращаетъ литературную дѣятельность — на время и даже совсѣмъ.

Но и при всѣхъ большихъ своихъ утратахъ, вызванныхъ указанными условіями, украинское литературное движеніе нисколько не ослабѣваетъ. Среди современныхъ украинскихъ писателей, печатающихъ свои произведенія преимущественно за границей, имѣются несомнѣнные таланты, съ развитіемъ которыхъ, при другихъ условіяхъ, была бы вписана не одна блестящая страница въ исторію славянскихъ литературъ; таковы, напримѣръ, Л. Украинка, В. Самійленко, П. Грабовскій, М. Коцюбинскій, В. Винниченко и др. Рядомъ съ этими писателями выступаетъ въ послѣднее время младшее поколѣніе подающихъ надежды литературныхъ силъ: С. Ефремовъ, Н. Чернявскій, А. Крымскій, Г. Григоренко, Л. Яновская и др. Несмотря на крайне неблагопріятныя для литературной дѣятельности условія, писатели эти заявили себя произведеніями, которыя не остались бы незамѣченными и въ другихъ, болѣе богатыхъ литературахъ, чѣмъ малорусская; подтвержденіемъ этого могутъ служить нерѣдко встрѣчаемыя какъ въ русской литературѣ, преимущественно журнальной, такъ и въ нѣмецкой, переводы съ украинскаго языка. Произведенія лучшихъ изъ современныхъ украинскихъ писателей обращаютъ на себя вниманіе широтой и прогрессивностью взглядовъ, весьма серьезнымъ отношеніемъ къ литературнымъ и общественнымъ вопросамъ, глубокой, непоколебимой вѣрой въ будущность своего культурно-національнаго развитія.

Обращаетъ на себя вниманіе развитіе, между прочимъ, отдѣльной отрасли украинской литературы—драматургіи. Послѣдняя, нужно сказать, поставлена въ особенно неблагопріятныя условія, даже по сравненію съ другими формами украинской литературы. Переводъ на украинскій языкъ драматическихъ произведеній съ другихъ языковъ воспрещенъ совершенно; пьесы изъ жизни интеллигенціи и пьесы изъ прошлой жизни Украйны попадаютъ на сцену лишь въ видѣ незначительнаго процента изъ всего, что въ дѣйствительности пишется и представляется по принадлежности для разрѣшенія. Приходится, слѣдовательно, брать темы главнымъ образомъ изъ простонародной жизни. Тѣмъ не менѣе, и при такихъ условіяхъ украинская драматическая литература не только не приходитъ въ упадокъ, но съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе прогрессируетъ въ художественномъ отношеніи, все тверже ступаетъ на реальную почву и, начавъ съ изображенія любовныхъ сюжетовъ, постепенно вноситъ широкую жизненную струю въ свои произведенія, изображаетъ самыя разнообразныя движенія человѣче-

ской психики, самыя живыя стороны общественныхъ отношеній. Въ пьесахъ такихъ драматическихъ писателей (не говоря о другихъ), какъ М. Старицкій («Не судылось», «Въ темряви»), М. Кропивницкій («Гльетай», «Покы сонце зійде», «Олеся»), И. Тобилевичъ («Бурлака», «Хазяинъ», «Суета»), выведены глубоко жизненные типы и рисуются полныя реальной действительности картины жизни. Убѣдительнымъ доказательствомъ жизненности украинскаго театра можетъ служить то обстоятельство, что, несмотря на тяжелыя условія, въ какія онъ поставленъ, существуетъ около 20 отдѣльныхъ украинскихъ труппъ, среди дѣятелей которыхъ имѣются общепризнанныя критикой художественныя силы (Заньковецкая, Линицкая, Саксаганскій, Карпенко, Садовскій и др.).

Произведенія современныхъ украинскихъ писателей, какъ и ихъ предшественниковъ, также ярко отмѣчены тою характерною чертою, какою украинская литература выдѣляется среди другихъ литературъ, — народностью. Такого реальнаго изображенія народнаго быта и всесторонняго освѣщенія народныхъ интересовъ, такой близости къ народному духу нельзя найти ни въ одной изъ европейскихъ литературъ, кромѣ русской. «Эта литература,—говоритъ профессоръ Н. Дашкевичъ,—совершила не мало и принесла много пользы, поддерживая и укрѣпляя любовь къ народу, выясняя народные идеалы, воспроизводя народный бытъ... Не говоримъ о той общей заслугѣ, которая можетъ быть усвоема украинской литературѣ, поскольку послѣдняя выполняла общее призваніе всякой литературы: поднимала народъ духовно, возводила его на высшую ступень человѣчности и развила такимъ образомъ его внутреннія силы». Замедленіе роста такой литературы является, конечно, немалой потерей для народныхъ массъ, которыя, при нормальномъ ея развитіи, могли бы находить въ ней одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для своего культурнаго подъема.

Украинское литературное движеніе изъ года въ годъ постепенно усиливается параллельно съ ростомъ вообще украинскаго національнаго самосознанія. Изученіе Украйны — ея исторіи, языка, литературы, неуклонно движется впередъ, выражаясь въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ весьма серьезныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, среди которыхъ достаточно указать на труды — В. Антоновича, А. Ефименко, М. Грушевскаго, С. Голубева, А. Потебни, А. Шахматова, П. Житецкаго, К. Михальчука, Н. Сумцова, Н. Дашкевича и др. Украинская интеллигенція не могла остаться безучастною къ сообщаемымъ здѣсь новымъ цѣннымъ фактамъ и научнымъ положеніямъ и широко воспользовалась научными выводами для обоснованія своихъ культурно-національныхъ стремленій, которыя получили значеніе твердо установленныхъ теоретическихъ принциповъ. Такимъ образомъ, усиленіе чисто научной дѣятельности въ области украиновѣдѣнія естественно повлекло за собой усиленіе національнаго самосознанія и увеличеніе литературной продуктивности среди украинцевъ. Число украинскихъ работниковъ пера растетъ изъ года въ годъ, а соотвѣтственно съ этимъ прогрессируетъ количественный и качественный ростъ, а также и культурно-общественное значеніе украинской литературы, и трудно ожидать, чтобы украинское литературное движеніе прекратилось. «Приняты были, — говоритъ одинъ изслѣдователь цензурныхъ условій украинской литературы, — всѣ мѣры къ ея прекращенію; уже, кажется, и примѣнялись онѣ безъ послабленія, сжимая временами тиски до полнаго ихъ соприкосновенія,— а она, эта сжимаемая литература, не только не умерла, но, возрождаясь каждый разъ, подобно фениксу, изъ пепла, даже прогрессировала и развивалась, дѣлая свое дѣло, хотя, конечно, не въ томъ объемѣ и не съ тѣми

результатами, какіе были бы возможны и желательны. Проходили годы и десятилѣтія, въ теченіе которыхъ процессъ агоніи долженъ былъ, повидимому, закончиться естественнымъ концомъ, а между тѣмъ мы съ изумленіемъ замѣчаемъ, что ничего подобнаго не случилось, и литература продолжаетъ жить и послѣ нанесеннаго ей, казалось, смертельнаго удара. На защиту ея встала сама жизнь, которая въ свое время и вызвала ее изъ небытія, и она съ честью вышла изъ безпримѣрно тяжелаго испытанія и съ надеждой смотритъ въ будущее. («Русское Богатство» 1905 г., I. С. Ефремовъ: «Внѣ закона»).

Столь необыкновенная живучесть украинскаго литературнаго движенія можетъ найти для себя объясненіе лишь въ томъ, что литература на родномъ украинскомъ языкѣ представляетъ глубокую, органическую потребность создавшаго ее украинскаго племени, потребность, которая, если бы и могла быть подавлена, то лишь при условіи упадка духовныхъ силъ народа и всей его духовной природы, представляющей результатъ многовѣковаго его историческаго существованія. Едва ли слѣдуетъ доказывать, что стремиться къ этому крайне нежелательно и по общимъ принципіальнымъ соображеніямъ, и въ интересахъ многомилліонной массы такъ тѣсно вошедшаго въ государственный нашъ организмъ малорусскаго населенія. Единственно правильнымъ и естественнымъ представляется совершенно противоположный выводъ: не внушая естественнаго чувства недовольства обдѣленному у себя на родинѣ племени, — настолько обдѣленному, что оно даже лишено священнѣйшаго права—читать слово Божіе на родномъ языкѣ, — удовлетворить вполнѣ понятной и законной потребности украинскаго населенія къ свободному культивированію родного слова, «да получитъ»,—какъ говорилъ еще 20 лѣтъ тому назадъ профессоръ А. А. Котляревскій въ собраніи кіевскаго «Общества лѣтописца Нестора»,—общее признаніе и уваженіе поэтическая дѣятельность родного намъ края на языкѣ ему родномъ, да утвердится за нею полное право безбоязненнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго существованія и развитія... Только при такой разумной, естественной свободѣ возможно развитіе силъ и достоинствъ русской природы. Только при свободѣ мѣстнаго поэтическаго творчества и народной рѣчи, при довѣріи, уваженіи и поощреніи ихъ возможенъ отпоръ тому грубому, эгоистическому матеріализму, который различными обольщеніями угашаетъ жизнь духа и все цѣнитъ и размѣниваетъ на звонкую, но фальшивую монету»...

А. Лотоцкій.

V.

Сообщеніе П. М. Саладилова.

Условія, въ которыхъ находится въ настоящее время украинская письменность, до того необычайны, что заставляютъ подозрѣвать необыкновенно глубокую и далекую причину, породившую эти неестественныя условія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ литературныя произведенія, появляющіяся въ Россіи на всякомъ другомъ языкѣ, трактуются правительствомъ исключительно съ точки зрѣнія содержанія, и языкъ, на которомъ они написаны, не играетъ при этомъ никакой роли. Между подвластными Россіи народами есть далеко еще не умиротворенные, далеко не кончившіе своихъ счетовъ съ преобладающимъ племенемъ, но правительству и въ голову не приходило запрещать ихъ литературу и искоренять ихъ языкъ. Въ отношеніяхъ къ различнымъ народностямъ нельзя позволять ничего лишняго, никакого раздраженія, котораго можно было бы избѣжать, и вообще, если допустимъ гнетъ, вызываемый государственными соображеніями, то только въ предѣлахъ строгой необходимости. Такъ и поступаетъ правительственная власть съ прочими народностями: она даетъ преимущество русскому языку, дѣлаетъ его оффиціальнымъ, можетъ быть, имѣетъ усиленный надзоръ за произведеніями мѣстной печати, но не посягаетъ ни на языкъ, ни на литературу отдѣльныхъ племенъ, какое-бы боевое положеніе они ни занимали по отношенію къ Россіи и ея правительству. Слѣдуетъ упомянуть о единственномъ исключеніи—о запрещеніи латинскаго алфавита для литовцевъ, но то было запрещеніе только алфавита, а не языка, и объясняется оно случайнымъ увлеченіемъ фантазіей Гильфердинга и Милютина. Запрещеніе это просуществовало сравнительно долго, можетъ быть, отчасти потому, что прикрывалось этими почтенными именами.

Иначе стоитъ дѣло съ украинскою письменностью. Русская исторія началась на берегахъ Днѣпра; Южная Русь, оторванная отъ Сѣверной татарскимъ погромомъ, сама пошла на соединеніе съ послѣдней; Украина никогда не была организована политически и теперь не имѣетъ ни малѣйшаго стремленія къ особенности въ политическомъ отношеніи, — а между тѣмъ украинскій языкъ отрицается съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, а украинская литература запрещена, какъ будто самое ея существованіе представляетъ грозную политическую опасность. И ради этого запрещенія не останавливаются ни передъ какою цѣною. Правительство православной страны оставляетъ въ полномъ пренебреженіи духовно - нравственное воспитаніе народа, позволяетъ ему совращаться въ штунду, но не потерпитъ появленія Св. Писанія и религіозныхъ книгъ на понятномъ для народа языкѣ; народъ съ трудомъ усваиваетъ элементарное образованіе, потому что несетъ двойной трудъ на одновременное изученіе грамоты и

мало понятнаго языка,—пусть онъ останется безграмотнымъ, только-бы не раздалось въ школѣ малорусское слово; земледѣльская культура, особенно въ странѣ, подверженной засухамъ и малоземельной, остается на крайне низкомъ уровнѣ, но періодическія голодовки не такъ страшны, какъ книжки для народа о сохраненіи влаги въ почвѣ и сѣвооборотѣ; народъ не знаетъ никакихъ кустарныхъ промысловъ, зато не имѣетъ книгъ техническаго содержанія; въ глазахъ интеллигенціи всего свѣта правительство ставитъ себя въ смѣшное положеніе, борясь противъ переводовъ Шиллера, Рейнеке-Лисъ и Одиссеи, но зато украинскій языкъ не разовьется до созданія художественныхъ произведеній; сосѣдняя Галиція имѣетъ естественное, крайне важное для насъ, тяготѣніе къ Украинѣ, и не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она едва не сдѣлалась русской, однако лучше вооружить противъ себя Галицію и дискредитировать себя въ глазахъ другихъ славянскихъ племенъ, только-бы не допустить по сю сторону кордона то, что невозбранно процвѣтаетъ по ту; пусть украинскій народъ напитывается революціонными идеями изъ проникающихъ изъ-за границы и съ радостью встрѣчаемыхъ имъ книжечекъ на его родномъ языкѣ, пусть онъ подчиняется вліянію ксендзовъ въ Холмской Руси, пусть агитаторы, пользуясь безъ конкурренціи народною рѣчью, получатъ въ ней опасное оружіе для своихъ цѣлей, только-бы отнять у народа возможность читать невинныя и благонамѣренныя книжки на этомъ ужасномъ украинскомъ языкѣ. Было даже время, до 1881 года, когда слова народной пѣсенки не могли быть подписаны подъ нотами, и сама пѣсня могла исполняться съ эстрады не иначе, какъ въ безобразномъ переводѣ. Высочайшими повелѣніями 1863 и 1876 годовъ запрещено безусловно все, кромѣ произведеній изящной словесности, да и тѣ разрѣшались съ величайшимъ трудомъ. Наконецъ, сама ороографія, наиболѣе соотвѣтствующая украинской фонетикѣ, была признана опасною и замѣнена грубою, неудобною, сочиненною въ канцеляріяхъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1881 году разрѣшено подписывать малорусскія слова подъ нотами и давать на сценѣ малорусскія пьесы, а въ самое послѣднее время удалось издать нѣсколько брошюрокъ для народа.

Чѣмъ все это объяснить? Какіе призраки политическихъ революцій подвинули на эти жертвы, одинаково тягостныя и народу и правительству? Мѣры очень крутыя, но имѣющія свое оправданіе, неспособны создать такое глухое недовольство внутри страны и настолько уронить престижъ правительства въ глазахъ родственныхъ закордонныхъ племенъ, какъ безконечно мелочныя, ничѣмъ не вызванныя стѣсненія, вдвойнѣ безцѣльныя, вдвойнѣ жестокія, потому что они граничатъ съ издѣвательствомъ. Иностранецъ не повѣритъ, что можно преслѣдовать переводъ Евангелія, Одиссеи, бояться букваря или дѣтской сказки, а если повѣритъ, то составитъ себѣ превратное представленіе о силѣ и разумѣ правительства, о политическихъ стремленіяхъ отдѣльныхъ частей Имперіи. Для возникновенія такихъ призраковъ нѣтъ данныхъ въ исторіи Украины. Вся ея вѣковая борьба съ Польшей имѣла чисто соціальный характеръ и не заключала въ себѣ политическаго элемента, который всегда оставался чуждымъ украинскому народу. Если въ чисто народническомъ, такъ называемомъ украинофильскомъ, движеніи послѣдняго времени увидѣли стремленіе къ сепаратизму, то это было величайшее заблужденіе тѣхъ, кто заблуждался bona fide, т. е. русскаго правительства, и грубый обманъ со стороны тѣхъ, для кого выгодно было навести правительство на такое заблужденіе. Если недовольство повело къ толкамъ объ отдѣленіи Малороссіи, — буде такіе случаи были, — и если толкамъ этимъ придали какое-нибудь значеніе, то, значитъ, смѣшали

слѣдствіе съ причиной и противъ отдѣльнаго мнѣнія не поскупились выставить до смѣшного грозную артиллерію.

Но если не было поводовъ задѣвать лучшія чувства народа и лишать его орудія мысли и знанія, то, съ другой стороны, подобное вопіющее дѣло не можетъ быть случайнымъ, не можетъ не имѣть корней въ прошломъ. Оно не могло бы даже возникнуть, а тѣмъ болѣе продержаться сколько-нибудь продолжительное время, если бы не было вызвано очень крупной причиной. А мы видимъ, что время это весьма продолжительно, что малорусскій языкъ и литература, такъ же, какъ и малорусская школа, давно уже, несравненно раньше 1863 года, влачатъ жалкое существованіе. Когда-то Малороссія была покрыта свободными церковными братствами, покрыта школами и типографіями, поставляла ученыхъ людей для Московскаго государства, поражала путешественниковъ высокимъ уровнемъ просвѣщенія, но отъ всего этого давно уже не осталось и слѣда. Было-бы близоруко приписывать такой результатъ однимъ мѣропріятіямъ центральнаго правительства; одни правительственныя распоряженія были-бы безсильны, если бы не встрѣтили поддержки во внутреннемъ бытѣ народа, въ его соціальныхъ условіяхъ. Мы знаемъ множество строжайшихъ законовъ, которые оставались мертвою буквою, если встрѣчали противодѣйствіе со стороны народа. Щаповъ говоритъ, что вся русская исторія полна того, что правительство приказывало, а народъ не исполнялъ. Остается, слѣдовательно, искать внутреннюю причину успѣшности запретительныхъ мѣръ, а для этого придется обозрѣть исторію Украины за нѣсколько столѣтій.

Еще до Люблинской уніи начался захватъ привольныхъ украинскихъ степей польскими магнатами и шляхтой. Польскій шляхетскій строй не признавалъ свободнаго земледѣльца, не состоящаго въ подданствѣ у пана, и вмѣстѣ съ захватомъ земель началось порабощеніе свободолюбиваго, закаленнаго въ борьбѣ съ татарами народа. Польскія понятія и успѣхъ примѣненія ихъ на Украинѣ соблазнили южно-русское дворянство, и вотъ волынскіе князья и земяне, кіевское боярство, поворачиваютъ фронтъ къ магнатской Польшѣ и тылъ къ своей народности. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, хотя подписалъ Люблинскую унію, но боролся противъ Брестской и былъ опорой православія и просвѣщенія народа, а сынъ его Янушъ сдѣлался ярымъ католикомъ, порвавши съ своимъ народомъ. Родъ князей Вишневецкихъ далъ знаменитаго козака Байду, любимаго героя народныхъ пѣсенъ. Одна изъ Вишневецкихъ была двоюродною сестрою кіевскаго митрополита Петра Могилы и клятвою обязала своего сына Іеремію не измѣнять православію. Но Іеремія измѣнилъ и клятвѣ, и православію и сдѣлался лютымъ его гонителемъ; зато сынъ его Михаилъ умеръ польскимъ королемъ. Перемѣна фронта оказалась выгодною и потому пошла быстро и рѣшительно: въ недолгомъ времени весь верхній слой украинскаго народа ополячился, народъ превратился въ хлопство, языкъ его, его вѣра сдѣлались хлопскими, презрѣнными. Жизнь духа угасла, но народъ не захотѣлъ съ этимъ помириться,—и «козацкая сабля скасовала установившійся порядокъ». Исторію пришлось начинать сначала. Еще полстолѣтія послѣ Переяславскаго договора ушло на ликвидацію стараго строя, и эта ликвидація была такъ мучительна, что самый ея періодъ носитъ въ исторіи характерное названіе Руины.

Наконецъ, Полтавская битва покончила съ польскимъ періодомъ, и начался періодъ московскій. Этотъ мирный періодъ, съ той его стороны, которая касается образованія верхняго слоя и отношеній его къ нижнему, превосходно охарактеризованъ въ изслѣдованіяхъ А. Я. Ефименко, осо-

бенно въ статьѣ ея: «Малорусское дворянство и его судьба». Послѣ 1648 года малорусскій народъ оказался калифомъ на часъ и могъ осуществить свой идеалъ свободнаго труда на свободной землѣ. «При такомъ строѣ общества,—говоритъ г-жа **Ефименко**,—демократическомъ, такъ сказать, до мозга костей,—не было мѣста дворянству. И однако оно явилось, и явилось не актомъ внѣшняго принужденія, а естественнымъ путемъ внутренняго роста. Дѣло въ томъ, что въ нѣдрахъ этого демократическаго общества укрывались аристократическія, унаслѣдованныя отъ Польши, idées-mères, которыя дѣлали появленіе дворянства не только возможнымъ, но въ извѣстной степени и необходимымъ». Культурная связь съ Польшей не прерывалась, польская образованность, польская книга, польскій обычай и связанная съ нимъ утонченность постоянно дѣйствовали на образованнаго малоросса. Разъ Малороссія подчинилась Россіи, гдѣ было дворянство, хотя-бы съ служилымъ характеромъ, то этотъ фактъ также тяготѣлъ надъ Малороссіей и былъ несомнѣнно благопріятенъ для образованія малорусскаго дворянства, которое могло найти поддержку въ центральной государственной власти, мало знакомой съ особенностями малороссійскаго быта и строя.

И вотъ, почти все XVIII столѣтіе уходитъ на медленный, упорный, хищническій процессъ захвата войсковымъ урядомъ земли, притѣсненія посполитыхъ, опутыванія ихъ судебными процессами, расширенія правъ надъ ихъ трудомъ и личностью, наконецъ, полнаго ихъ закрѣпощенія. «Вмѣстѣ съ г. **Лазаревскимъ**, который посвятилъ десятки лѣтъ добросовѣстнаго труда детальному выясненію фактической стороны происхожденія большей части малорусскихъ крупныхъ дворянскихъ родовъ, мы,—говоритъ г-жа **Ефименко**,—должны признать, что малорусское панство выросло на всяческихъ злоупотребленіяхъ своею властью и положеніемъ. Насиліе, захватъ, обманъ, вымогательство, взяточничество—вотъ содержаніе того волшебнаго котла, въ которомъ перекипала болѣе удачливая часть козачества, превращаясь въ благородное дворянство». Однако, только превращалась, но еще не превратилась. Для этого мало пріобрѣсти маетности, а нужно еще провести рѣзкую грань между собою и хлопомъ, забыть общую культуру, языкъ, формы быта, отполировать себя на европейскій ладъ и, наконецъ, не дожидаясь огульнаго правительственнаго признанія малорусскихъ пановъ дворянствомъ, документально доказать свое шляхетское происхожденіе, свою принадлежность не къ «здѣшней, простонародной малороссійской породѣ». Вѣроятно, это послѣднее стоило не особенно дорого, такъ какъ, по изысканіямъ **Романовича-Славатинскаго**, ко времени возникновенія коммиссій о разборѣ дворянскихъ правъ въ Малороссіи оказалось до 100.000 дворянъ съ документами, сфабрикованными, главнымъ образомъ, въ Бердичевѣ.

Производя себя отъ шляхетства всѣхъ странъ и народовъ, тѣмъ необходимѣе было отвернуться отъ здѣшняго, **простонароднаго малороссійскаго языка**, на которомъ говорили еще дѣдъ и отецъ пана, а слѣдовательно, погубить и литературу, которая, дѣйствительно, въ XVIII столѣтіи совершенно отсутствуетъ. Если православная вѣра во второй разъ не была забыта, то только потому, что и россійское дворянство было православное.

Стремленія нарождающагося украинскаго дворянства встрѣтили сочувственный пріемъ у русскаго правительства, особенно въ царствованіе Императрицы Екатерины, и наконецъ, жалованная дворянская грамота закончила превращеніе. Сочувствіе это будетъ понятно, если вспомнить, что и въ Россіи совершался тотъ-же процессъ, и все XVIII столѣтіе, начиная со смерти Петра Великаго, ушло на полное закрѣпощеніе крестьянъ. Въ цар-

ствованіе Екатерины и Павла было роздано въ кабалу столько крестьянъ, что потомки ихъ составили почти половину освобожденныхъ 19 Февраля.

Такъ было въ лѣвобережной Украинѣ; что-же касается правобережной, то она осталась за Польшей, а потому раздѣленіе сословій шло тамъ несравненно проще. За время Руины правобережная Украина совершенно обезлюдѣла, но тотчасъ по замиреніи украинскія земли были подѣлены между магнатами и шляхтой, которымъ нетрудно было привлечь въ этотъ благословенный край хлопа, а затѣмъ уже, при польскомъ безправіи, ничего не стоило закрѣпостить его путемъ насилія (см. Ефименко: «Очерки исторіи Правобережной Украины»). Правда, хлопъ иногда бунтовалъ, но самое страшное возстаніе, такъ называемая Коліевщина, было подавлено русскими войсками. Такимъ образомъ, на правомъ берегу Днѣпра сразу оказалось два слоя, при чемъ въ интересы верхняго вовсе не входило поддерживать духовную жизнь нижняго.

Наконецъ, съ началомъ XIX столѣтія, прекратился процессъ закрѣпощенія, а обратный процессъ еще не начинался. Послѣдующія два царствованія представляютъ собою, можетъ быть, единственный періодъ русской исторіи, характеризующійся твердымъ, установившимся порядкомъ, съ которымъ всѣ сжились и на которомъ успокоились. Характерно, что съ началомъ XIX столѣтія, т. е. съ окончаніемъ процесса закрѣпощенія, начинается и возрожденіе украинской литературы. Порядокъ былъ проченъ, всѣхъ обезпечивалъ, все было забрано, что только можно забрать, а слѣдовательно, утрачивалась потребность отдѣлять себя отъ народа въ смыслѣ языка и литературы, особенно потому, что въ началѣ литература носила безобидный для строя характеръ. Но съ теченіемъ времени дѣло начало понемногу мѣняться. Въ Россіи явилась плеяда русскихъ писателей, явились люди сороковыхъ годовъ, на Украинѣ поднялъ голосъ Шевченко и образовалось Кирилло-Меѳодіевское братство, и все это пошло противъ установившагося порядка. Впрочемъ, правительство стояло на стражѣ общественнаго строя и сдержало на первый разъ докучливую критику; послѣ процесса Петрашевскаго и закрытія Кирилло-Меѳодіевскаго братства критика притихла какъ въ Великой, такъ и въ Малой Россіи. Но вотъ прокатился севастопольскій громъ, и строй не выдержалъ, зашатался. Опять, вмѣстѣ съ русской литературой, начинается оживленіе украинской. Вернулся Шевченко, начала выходить «Основа», работали Костомаровъ, Кулишъ, Драгомановъ, Марко-Вовчокъ. 19 Февраля освободило крѣпостную Россію, и должна была, казалось-бы, начаться новая жизнь. Она и дѣйствительно началась поднятіемъ и просвѣщеніемъ народной массы. Ее, освобожденную Верховною Властью, нельзя уже было поработить, и всѣ эгоистичные по отношенію къ ней элементы должны были уступить мѣсто элементамъ сочувствующимъ. Въ Россіи и на Украинѣ ходъ вещей былъ буквально одинъ и тотъ-же, потому что обѣ страны давно и прочно спаяны и живутъ одинаковыми интересами. Новое движеніе получило въ Россіи названіе народничества, а въ Малороссіи — украйнофильства, польскими-же панами-помѣщиками окрещено именемъ хлопоманства. Но была и нѣкоторая разница, зависящая отъ мѣстныхъ особенностей быта и исторіи. Въ Россіи образованные классы говорятъ языкомъ народа, а на Украинѣ имъ нужно было сначала вернуться къ забытому народному языку, позаботиться о дальнѣйшемъ его развитіи, о томъ, чтобы онъ догналъ своего далеко ушедшаго собрата. Интеллигенція не въ правѣ требовать отъ народа, чтобы тотъ, приближаясь къ ней, выбрасывалъ за бортъ свое духовное достояніе. Ея священная обязанность, чтобы изъ народной сокровищницы ничто не погибло,

а, напротивъ, пріумножилось. Поэтому на Украинѣ вопросъ о языкѣ и литературѣ прямо-таки выдвигался на первый планъ.

Но, къ сожалѣнію, изъ акта 19 февраля не были выведены всѣ его естественныя слѣдствія. Въ исторіи, какъ и въ природѣ, дѣйствуетъ законъ инерціи, и никакая перемѣна не происходитъ мгновенно, безъ борьбы новаго съ старымъ. Въ Россіи, скоро послѣ 1861 года, началась реакція не только въ правительственныхъ сферахъ, а также въ печати и въ обществѣ, гдѣ подняли голову крѣпостническія тенденціи. Въ Малороссіи украйнофильство на первыхъ же порахъ обратило на себя вниманіе тѣхъ круговъ, которые, съ одной стороны, не забыли Коліевщины, а съ другой,—сами готовясь къ шляхетско-польскому возстанію,—не могли сочувствовать возрожденію народной массы. Первые доносы пошли изъ одного еврейскаго органа и отъ польскихъ пановъ-помѣщиковъ. Они были подхвачены реакціонной русской прессой, но въ ней украйнофильство, отчасти по незнакомству съ мѣстными условіями, а еще вѣрнѣе, что для усиленія эффекта, превратилось въ сепаратизмъ и польскую интригу. Опять сыграла роль мѣстная особенность, именно — близость Польши и вспыхнувшее въ ней возстаніе. Правительство было напугано и рѣшилось въ корнѣ убить украинскую литературу, что могло казаться даже не особенно вреднымъ, въ виду того, что литература эта едва пускала ростки, и что читатель не вовсе-же оставался безъ печатнаго слова. Въ страхѣ и смятеніи некогда было подумать, что этимъ запрещеніемъ останавливалось духовное развитіе огромнаго народа. Разъ установилась на украинскій языкъ такая точка зрѣнія, то и она должна была слѣдовать закону инерціи,—и вотъ, во всемъ дальнѣйшемъ, всѣ распоряженія, вся аргументація, много ученыхъ доводовъ повторяютъ дословно однажды усвоенное. Припутался, какъ всегда, и своекорыстный разсчетъ, по крайней мѣрѣ, разсчетъ этотъ не чуждъ иниціаторамъ закрытія юго-западнаго отдѣла Географическаго Общества въ 1876 году. Въ результатѣ получился рядъ законодательныхъ мѣръ, которыхъ не рѣшились даже обнародовать, которыя извѣстны немногимъ несчастливцамъ, испытавшимъ ихъ на собственномъ опытѣ, и противъ которыхъ единственное средство— уходъ въ Галицію. Русская публика, ко многому привыкшая, отказывается вѣрить въ существованіе этихъ постановленій и, не видя печатныхъ произведеній украинскаго слова, наивно думаетъ, что языкъ двадцатишестимилліоннаго народа наканунѣ исчезновенія. Этому представленію противорѣчитъ малорусскій театръ, поразившій великороссовъ своею неожиданностью, но у многихъ-ли найдется время и охота задумываться надъ всѣми жизненными противорѣчіями? Точно такъ же немногимъ въ Россіи извѣстно, что творится у западныхъ славянъ и, въ особенности, въ Галиціи, гдѣ, несмотря на бѣдность народа, создалась цѣлая литература, благодаря, главнымъ образомъ, нашимъ украинскимъ писателямъ. Можно себѣ представить, какова была-бы эта литература, если бы она развивалась нормально и обслуживала народъ, въ восемь разъ превышающій населеніе Галиціи.

Резюмируя все сказанное, необходимо признать, что нѣтъ тѣхъ политическихъ причинъ, которыя вызывали бы стѣсненія украинской письменности, что упадокъ этой письменности въ теченіе долгаго ряда лѣтъ обусловливался соціальными причинами, что причины эти исчезли 19 февраля, что правительство, поставившее Россію на новый путь въ этотъ знаменательный день, не во всемъ шло послѣдовательно по указанному имъ

самимъ пути, что непослѣдовательность вызвала гоненія на языкъ и письменность украинской народности, что запретительныя мѣры суть плодъ недоразумѣнія, не позволившаго власти отличить враговъ отъ друзей, что случайное недоразумѣніе повело за собою неисчислимыя и не поддающіяся исчисленію послѣдствія, и что продолжительное существованіе этого недоразумѣнія должно быть объяснено слишкомъ большою инертностью и слишкомъ медленнымъ темпомъ нашей общественной и политической жизни.

VI.

Сообщенiе В. П. Науменка.

Отмѣна тѣхъ стѣсненiй, которыя въ настоящее время не даютъ свободнаго проявленiя малорусскому слову въ печати, окажетъ влiянiе не только на подъемъ знанiй въ народной средѣ, путемъ распространенiя ихъ научно-популярными книгами и перiодическими народными изданiями, но и на общiй подъемъ культурнаго облика народа. Нельзя отрицать того факта, что очень часто въ мало образованномъ и развитомъ кругѣ общества устанавливается какой то ненормальный типъ полу-культурнаго, или лучше сказать—псевдо-культурнаго человѣка, берущаго поверхностныя наслойки высшей культуры, не только плохо привитыя къ нему, но просто-таки уродливо присоединившiяся къ основѣ совсѣмъ некультурной.

Чаще всего этотъ фактъ наблюдается по отношенiю къ той разговорной рѣчи, которая усваивается подобной псевдо-культурой. Бываетъ это тогда, когда въ жизни такого слоя вырабатывается убѣжденiе, будто своя родная рѣчь есть признакъ простоты и необразованности, и что стоитъ только подладиться подъ говоръ высшихъ сословiй, — и уже прiобрѣтены права на сознанiе себя чѣмъ то выше стоящимъ, сравнительно съ своимъ же собратомъ по крови и по духу, но сохраняющимъ свою естественную рѣчь. Явленiе это, хотя и замѣчается до извѣстной степени въ великорусскомъ простомъ народѣ, но неизмѣримо меньше по сравненiю съ малороссомъ - простолюдиномъ. И неудивительно: разстоянiе между народной малорусской рѣчью и литературнымъ русскимъ языкомъ такъ сравнительно велико, что малороссу удается овладѣть, если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, сносно, литературнымъ русскимъ языкомъ только при условiи прохожденiя долголѣтней школы и постояннаго почти пребыванiя въ средѣ, говорящей на литературномъ русскомъ языкѣ. Малороссъ же простолюдинъ, во всемъ своемъ домашнемъ и общественномъ быту, постоянно пребывая въ кругу родного своего языка, можетъ въ теченiе кратковременнаго школьнаго ученiя схватить только верхушки книжной рѣчи и съ этимъ запасомъ языка выпускается въ жизнь. Если бы въ школѣ онъ, изучая въ возможныхъ границахъ книжную русскую рѣчь, въ то же время сохранялъ уваженiе къ своему родному языку, то онъ выходилъ бы изъ школы съ знанiемъ этой книжной рѣчи, поскольку она необходима ему для пониманiя всякихъ оффицiальныхъ бумагъ и разговоровъ съ нимъ, и въ то же время для своего постояннаго обихода пользовался бы роднымъ языкомъ, не коверкая его, не уродуя своего природнаго дара рѣчи и не кичась передъ домашними и близкими себѣ какой то высшей яко бы культурой. Теперь сплошь и рядомъ можно встрѣтить тотъ уродливый фактъ, что юноша изъ крестьянъ, прошедшiй слабую школьную науку, относится къ своимъ собратьямъ съ нѣкоторымъ презрѣнiемъ, и прежде всего къ родному языку, отзываясь о немъ, какъ о

мужицкомъ языкѣ, и стараясь употреблять въ своей собственной рѣчи какой то невозможный жаргонъ. Можно ли желать для малорусскаго народа распространенія такой рѣчи, которую часто можно услышать отъ школьниковъ: «потому, значытця, онъ прыйшолъ до миня и хотѣвъ миня вдарыть»? Утѣшеніемъ тутъ является то обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ такая ужасающая рѣчь вскорѣ начинаетъ нѣсколько сглаживаться, постепенно обращаясь, подъ вліяніемъ окружающей деревенской среды, въ прежнюю свою родную норму.

Но вѣдь это бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда юноша, по окончаніи школы, остается въ деревенской своей обстановкѣ; если же судьба закинетъ его въ городъ, то рѣчь его пойдетъ еще далѣе по пути коверканья и все же никогда не достигнетъ хоть сколько-нибудь сносной книжной русской рѣчи.

Самымъ естественнымъ выходомъ изъ этого положенія было бы признаніе въ школьной наукѣ необходимости обучать дѣтей ихъ родному языку, одновременно съ тѣмъ пріучая и къ разумѣнію книжной русской рѣчи, что̀, пожалуй, достигалось бы легче, чѣмъ теперь, такъ какъ выдержанъ былъ бы основной педагогическій принципъ — переходъ отъ близкаго и извѣстнаго къ болѣе отдаленному и неизвѣстному. Выигрышъ въ этомъ случаѣ былъ бы тотъ, что дѣти, прошедшія курсъ даже современной небольшой начальной школы (одноклассной и двуклассной), выходили бы изъ нея съ неменьшимъ, сравнительно съ теперешнимъ, знаніемъ обще-государственнаго языка и съ сохраненіемъ у себя своего природнаго дара рѣчи, путемъ школьной науки значительно развившейся и закрѣпленной въ сознаніи юношей, какъ рѣчь не низшаго качества, а какъ естественный и вполнѣ узаконенный людьми и собственнымъ природнымъ чутьемъ даръ выраженія мыслей. Въ этомъ случаѣ народный обликъ сохранился бы въ полной своей цѣльности, оставаясь неизуродованнымъ, неисковерканнымъ, — а это былъ бы несомнѣнный шагъ впередъ въ развитіи этическихъ началъ въ человѣкѣ.

Если даже не касаться школьнаго вопроса, не входящаго непосредственно въ задачи данной записки, то и тогда можно ослабить теперь замѣчаемое отрицательное явленіе въ народной жизни—пренебреженіе къ своей родной рѣчи. Стоитъ только, путемъ освобожденія малорусской книги отъ запрета, поднять въ народѣ престижъ его родного языка. Вѣдь теперь, какъ ни какъ, слухи объ исключительности положенія малорусскаго слова доходятъ до народа, а слабое распространеніе книгъ, напечатанныхъ по-малорусски, укрѣпляетъ въ нихъ сознаніе, что это языкъ низменный, на которомъ не стоитъ даже и читать. Едва ли интересно поддерживать это сознаніе въ народѣ, который, идя по пути своего культурнаго подъема, долженъ вырабатывать въ себѣ все лучшее въ общечеловѣческихъ чертахъ, а также здравое понятіе о своемъ національномъ *я*, на каковой основѣ только и создается естественно, а не искусственно развивающееся чувство народной гордости.

Нельзя не упомянуть еще и о томъ, что признаніе языка многомилліоннаго народа языкомъ, имѣющимъ право на свое развитіе, языкомъ, находящимся не въ положеніи пасынка, а равноправнаго сына одной исконной русской семьи, послужитъ подъему и росту литературныхъ силъ страны, что̀ также будетъ способствовать усиленію культурности всего народа. При теперешнемъ положеніи малорусской письменности, загнанной въ темный уголъ, нѣтъ, конечно, возможности обнаружиться во всемъ объемѣ тѣмъ творческимъ силамъ, которыя несомнѣнно таятся въ малорусской народности. Надо удивляться, что, при такихъ стѣсненныхъ условіяхъ, продукція

творческихъ способностей малоросса дала въ теченіе XIX вѣка такіе блестящіе результаты: при отсутствіи своей школы, при громадномъ отвлеченіи литературныхъ силъ въ область творчества на другомъ языкѣ, при полной матеріальной необезпеченности литературнаго заработка, Малороссія дала рядъ выдающихся талантовъ; на сколько же сильнѣе проявилась бы творческая дѣятельность въ ней, если бы была дана свобода безпрепятственно пользоваться роднымъ словомъ для научныхъ и литературныхъ работъ! А чѣмъ выше стоитъ творчество въ представителяхъ націи, тѣмъ болѣе результатовъ оказывается въ культурѣ всей массы, въ прямой зависимости отъ чего находится и матеріальное благосостояніе народа.

VII.

Письмо В. Леонтовича къ Д. Л. Мордовцеву.

Глубокоуважаемый Даніилъ Лукичъ!

Не поставьте мнѣ въ вину ту не совсѣмъ обыкновенную просьбу, съ которой я обращаюсь къ Вамъ. Не откажите взять на себя трудъ стать выразителемъ горячихъ желаній и мольбы, выразителемъ глубокой обиды многихъ писателей и многихъ милліоновъ русскихъ подданныхъ малорусскаго происхожденія и передать въ подлежащее вѣдомство просьбу, которая, Вы знаете, рвется изъ сердца всѣхъ малороссіянъ, кто изъ нихъ успѣлъ узнать радости, доставляемыя людямъ знаніемъ и книгой,—именно просьбу отъ отмѣнѣ закона 1876 года, жестокимъ гнетомъ тяготѣющаго надъ малорусской литературой, и о сравненіи ея въ цензурномъ отношеніи съ литературою русскою. Я знаю, Даніилъ Лукичъ, что Вы, какъ литераторъ того благороднаго типа, которому всегда всего дороже были интересы истины, что Вы, какъ малороссіянинъ, и вдали сохранившій горячую любовь къ своему народу, отозветесь Вашимъ чуткимъ сердцемъ на эту, въ сущности не мою личную, а всенародную просьбу и не осудите меня за то, что я рѣшаюсь возлагать на Васъ этотъ трудъ. Вы поймете, что не лѣнь и не равнодушіе заставляютъ меня не взять на себя лично это дѣло, а просить Васъ направить его. Ваше заслуженное имя, то глубокое и всеобщее уваженіе, которое Васъ окружаетъ, заставило меня въ интересахъ самого дѣла просить Васъ объ этомъ. Къ Вашему мнѣнію прислушаются, Вамъ дадутъ сказать до конца, на что я не могу расчитывать. А вѣдь въ вопросѣ этомъ достаточно только прислушаться, чтобы стало до очевидности ясно, что гнетъ, претерпѣваемый малорусскою литературою, и не заслуженъ, и не нуженъ ни въ интересахъ правительства, ни въ интересахъ государства, что онъ является результатомъ обиднаго недоразумѣнія.

Вѣдь это не вѣрно, будто малорусскій крестьянинъ, даже окончившій школу, хорошо понимаетъ русскую книгу, а вѣрно то, что безъ чтенія близкой, на понятномъ родномъ языкѣ написанной книги онъ дичаетъ, бѣднѣетъ, отчуждается отъ чтенія!

Вѣдь это невѣрно, будто злостныя, сепаратическія стремленія побуждаютъ малоросса-писателя любить свой языкъ и писать на немъ. Разъясните тѣмъ, кому будете дѣлать докладъ, что только испуганное воображеніе или злостный навѣтъ создали такія предубѣжденія! Разъясните, что жаворонка нельзя научить пѣть по-соловьиному, что только скворцы поютъ чужія пѣсни и поютъ плохо. Слова истины, красоты и любви должны выливаться естественно и потому свободно: только при этомъ условіи они будутъ безусловно истинны, только при этомъ условіи они будутъ способны разбудить въ читателѣ тѣ чувства и мысли, какими былъ охваченъ самъ

авторъ. И это невѣрно, будто въ школѣ могутъ дать человѣку другой родной языкъ. Школа можетъ вытравить въ человѣкѣ знаніе его родного языка, но никогда языкъ школы не сдѣлается для него столь близокъ, какъ былъ близокъ утраченный. Никогда мысль такого человѣка не выльется у него такъ легко, такъ красиво и искренно на школьномъ, выученномъ языкѣ. Рѣчь его сдѣлается (за весьма и весьма немногими исключеніями) безцвѣтной, безсодержательной, простите за грубое выраженіе, суконной рѣчью!

Я родился въ дворянской семьѣ Полтавской губерніи, гдѣ, по требованіямъ моды, по служебнымъ традиціямъ, уже два поколѣнія говорили по-русски, я окончилъ классическую гимназію съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ и юридическій факультетъ со степенью кандидата правъ въ Московскомъ университетѣ, въ дѣтствѣ мнѣ даже запрещалось говорить по-малорусски, и однако же, потому должно быть, что огромная толща окружавшей меня среды, вся масса недворянскихъ сословій, огромное большинство моихъ гимназическихъ товарищей говорили или, по крайней мѣрѣ, думали по - малорусски, — огромное большинство самыхъ яркихъ впечатлѣній дѣтства и юности запечатлѣлись въ моемъ мозгу въ малорусскихъ образахъ, съ малорусскою рѣчью; по всему этому я и теперь, когда хочу и могу сказать что-либо достойное того, чтобы рѣшиться предложить его читателю, не могу сдѣлать этого иначе, какъ малорусскою рѣчью.

Мнѣ омерзительно было бы сводить свою роль, какъ писателя, на роль болтуна, зарабатывающаго деньги мертвеннымъ пустословіемъ, и вотъ почему я не могу писать по-русски. По-русски у меня все выходитъ мертвенно, блѣдно, несодержательно, даже неграмотно. Сознаніе это гнететъ меня, я чувствую, что я не въ правѣ злоупотреблять вниманіемъ читателя и не въ правѣ замусоривать своею неправильною русскою рѣчью богатый и выработанный русскій литературный языкъ! Къ тому же всѣ мои воспоминанія, весь мой опытъ сложились, главнымъ образомъ, среди малороссовъ. Я знаю, чего имъ не достаетъ, знаю, чего они не знаютъ, что́ и какъ имъ нужно сказать; я знаю, что здѣсь, и только здѣсь, мое слово и нужно, и, можетъ быть, полезно! За что же отымать у меня величайшее на землѣ счастье работою своего ума и сердца служить моему ближнему? За что же и у малоросса-читателя отнимать возможность узнать отъ меня то, что я могу сказать ему?! За что у Уріи хотятъ отнять его единственную Варсавію?! Развѣ онъ не такой же работникъ Всероссійскаго Государства? Вѣдь для этого нужно убить Урію!

На себѣ, какъ на частномъ примѣрѣ, который, конечно, можетъ дать только частичное отраженіе изображаемаго явленія, я приведу образецъ того, что̀ дѣлаетъ законъ 1876 года съ развитіемъ способностей писателя. По природѣ я не беллетристъ, но законъ, отымая у меня право писать что бы то ни было серьезнаго содержанія на моемъ языкѣ, заставилъ меня сдѣлаться беллетристомъ. Подвергнувъ себя такой ломкѣ, я все же не получилъ удовлетворенія служить тому, кому я могъ и хотѣлъ служить моимъ литературнымъ трудомъ. Ни одна изъ моихъ повѣстей не была допущена цензурою, хотя въ нихъ и не было ничего противозаконнаго. Я вынужденъ былъ издать ихъ въ Галиціи, ограничивая кругъ моихъ читателей до $1/5$ его естественнаго размѣра. Къ тому же этотъ искусственно сжатый кругъ ихъ живетъ уже въ другой средѣ и обстановкѣ, чѣмъ тѣ, которыя мною описаны. Для нихъ содержаніе моихъ повѣстей не можетъ быть уже такъ близко, какъ было бы оно близко моимъ соотечественникамъ, живущимъ въ Россіи. Я говорю о себѣ, но для Васъ ясно, Даніилъ Лукичъ, что здѣсь дѣло не во мнѣ одномъ, что все, мной сказанное, относится оди-

наково къ каждому малорусскому писателю, и что въ этомъ кроется не пустая прихоть, а горькая и тяжелая драма!

Я написалъ очень длинное письмо и далеко не сказалъ все, что́ было бы необходимо. Но я знаю, что и не могъ бы прибавить ничего новаго къ тому, что Вы испытали сами. Въ этомъ отношенiи мои, Ваши, каждаго малоросса чувства—одни, ихъ нельзя ни забыть, ни выдумать, они слишкомъ больно и безжалостно, не давая отдыха, напоминаютъ о себѣ. Возьмите же, глу́бокоуважаемый Данiилъ Лукичъ, на себя еще и этотъ трудъ, трудъ представительства за весь нашъ бѣдный народъ. Дѣло это, какъ ни много Вы сдѣлали доселѣ, будетъ Вашимъ величайшимъ дѣломъ, и да поможетъ Вамъ Богъ!

VIII.

Историческая записка К. А. Военскаго по вопросу объ ограничительныхъ распоряженіяхъ, касающихся малорусской письменности*).

Руководящимъ началомъ для цензурнаго вѣдомства, при разсмотрѣніи произведеній печати на малорусскомъ нарѣчіи, служитъ Высочайшее повелѣніе 18 Мая 1876 года съ послѣдующими дополненіями.

Въ Августѣ 1875 года, въ виду замѣченнаго усиленія дѣятельности такъ называемыхъ украинофиловъ, было учреждено, по Высочайшему повелѣнію, Особое Совѣщаніе по этому вопросу, подъ предсѣдательствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ-Адъютанта Тимашева, въ составѣ: Министра Народнаго Просвѣщенія и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода графа Д. А. Толстого, Главнаго Начальника III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи Генералъ-Адъютанта Потапова и Предсѣдателя Кіевской Археографической Коммиссіи Тайнаго Совѣтника Юзефовича.

При обсужденіи вопроса, Совѣщаніе основывалось, главнымъ образомъ, на сообщеніяхъ Тайнаго Совѣтника Юзефовича и частью на свѣдѣніяхъ, которыми располагали Главное Управленіе по дѣламъ печати и III Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

По мнѣнію Тайнаго Совѣтника Юзефовича, идея малорусской самобытности являлась измышленіемъ австрійско-польской интриги и не имѣла почвы въ исторіи и духѣ малорусскаго народа. Пропаганда украинофиловъ, до послѣдняго времени, не пользовалась успѣхомъ: серьезное значеніе она пріобрѣла лишь со времени учрежденія въ Кіевѣ Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ составъ котораго вошли крайне неблагонамѣренныя лица, современное-же украинофильство маскируетъ собою идеи соціализма и потому требуетъ энергичныхъ мѣръ для пресѣченія зла.

Изъ свѣдѣній Главнаго Управленія по дѣламъ печати Совѣщаніе усмотрѣло, что цензурное вѣдомство въ литературной дѣятельности украинофиловъ видитъ стремленіе обособиться отъ великорусской литературы, а слѣдовательно скрытое посягательство на государственное единство Россіи.

III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи указало на случаи распространенія среди сельскаго населенія книгъ и брошюръ на малорусскомъ нарѣчіи, хотя и разрѣшенныхъ къ печати цензурою и не имѣющихъ, по содержанію своему, антиправительственнаго характера, но раздаваемыхъ съ предвзятою цѣлью.

На основаніи этихъ соображеній Совѣщаніе признало, что украинофильское движеніе исходитъ изъ превратнаго убѣжденія въ рѣзкомъ различіи между малорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями и имѣетъ конечною

*) Представлена Начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати 12 ноября 1900 года.

цѣлью—сначала литературное, а затѣмъ и политическое обособленіе Малороссіи отъ остальной Россіи, что представляется явленіемъ опаснымъ. Въ виду этого Совѣщаніе постановило: 1) принять ограничительныя мѣры по отношенію къ Кіевскому Отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества; 2) установить надзоръ за преподавателями и библіотеками учебныхъ заведеній малороссійскихъ губерній; 3) субсидировать руссофильскую галицкую газету «Слово»,—и, наконецъ, съ цѣлью положить предѣлъ распространенію книгъ и брошюръ на малорусскомъ нарѣчіи, выработало слѣдующія правила:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи, безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малорусскомъ нарѣчіи.

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности; но съ тѣмъ, чтобы, при печатаніи историческихъ памятниковъ, безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія, и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописей въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.

3. Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малороссійскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ.

Постановленія Совѣщанія были Высочайше утверждены 18 мая 1876 года, при чемъ сверхъ того Высочайше повелѣно было закрыть Кіевскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ его тогдашнемъ составѣ.

Въ 1881 году вышеупомянутыя правила подверглись пересмотру, въ виду поступившихъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ отзывовъ: Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора Генералъ-Адъютанта Черткова и временнаго Харьковскаго Генералъ - Губернатора князя Дондукова-Корсакова. Первый высказалъ, что суровая мѣра 1876 года, *принятая безъ вѣдома и заключенія мѣстной администраціи*, не оправдывается дѣйствительною необходимостью и вызываетъ лишь нежелательное раздраженіе среди южно-русской интеллигенціи. Признавая отмѣну ограниченій 1876 года желательною, въ интересахъ утвержденія довѣрія къ Правительству, *Генералъ-Адъютантъ Чертковъ полагалъ*, что литературныя произведенія на малорусскомъ нарѣчіи слѣдуетъ поставить въ одинаковыя цензурныя условія съ произведенія на обще-русскомъ языкѣ. *Князь Дондуковъ-Корсаковъ находилъ*, что правила 1876 года не только не достигли цѣли, но вызвали недовольство даже въ искреннихъ приверженцахъ единенія съ Россіей и потому требуютъ значительнаго смягченія: запрещеніе сценическихъ представленій и музыкальныхъ пьесъ должно быть, по его мнѣнію, отмѣнено; изданіе сочиненій на малорусскомъ нарѣчіи должно допускаться въ зависимости отъ ихъ содержанія; учителямъ начальныхъ школъ въ малороссійскихъ губерніяхъ слѣдуетъ разрѣшить давать объясненія, въ теченіе перваго года обученія, по-малорусски. Только полная замѣна русскаго языка малорусскимъ, хотя бы только въ начальной школѣ, могла бы считаться нежелательной для государственнаго единства.

По всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Н. П. Игнатьева, Высочайше повелѣно было обсудить вопросъ о прави-

лахъ 1876 года въ Особомъ Совѣщаніи, при участіи Тайнаго Совѣтника Побѣдоносцева, Статсъ-Секретарей Островскаго и Сольскаго и Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати Гофмейстра князя Вяземскаго. Совѣщаніе признало необходимымъ сохранить правила 1876 года въ силѣ и на будущее время, сдѣлавъ въ нихъ лишь слѣдующія дополненія, не отмѣняющія началъ, положенныхъ въ основаніе правилъ:

1) Пунктъ 2 правилъ дополнить поясненіемъ, что къ числу изданій, которыя дозволяется печатать на малорусскомъ нарѣчіи, прибавляются словари, подъ условіемъ печатанія ихъ съ соблюденіемъ обще-русскаго правописанія или правописанія, употреблявшагося въ Малороссіи не позже XVIII вѣка.

2) Пунктъ 3 разъяснить въ томъ смыслѣ, что драматическія пьесы, сцены и куплеты на малорусскомъ нарѣчіи, дозволенныя къ представленію въ прежнее время драматическою цензурою и могущія вновь быть дозволенными Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати,—могутъ быть исполняемы на сценѣ, съ особаго, однако, каждый разъ разрѣшенія Генералъ-Губернатора, а въ мѣстностяхъ, не подчиненныхъ Генералъ-Губернаторамъ,—съ разрѣшенія Губернаторовъ, и что разрѣшеніе печатанія на малорусскомъ нарѣчіи текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ, при условіи общепринятаго русскаго правописанія, предоставляется Главному Управленію по дѣламъ печати.

и 3) Совершенно воспретить устройство спеціально-малорусскаго театра и формированіе труппъ для исполненія пьесъ и сценъ исключительно на малорусскомъ нарѣчіи.

Постановленія Совѣщанія были Высочайше утверждены 8 октября 1881 года, при чемъ, какъ и первоначальныя правила 1876 года, не были распубликованы.

Въ 1884 году, по докладѣ Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Д. А. Толстому, Главное Управленіе по дѣламъ печати циркулярно подтвердило начальникамъ губерній о необходимости слѣдить, чтобы въ репертуаръ малорусскихъ труппъ входили русскія пьесы, и вообще наблюдать за украинофилами, избравшими сцену орудіемъ своей пропаганды.

Въ 1892 году (8 января, за № 96) С.-Петербургскому Цензурному Комитету предложено, независимо отъ безусловнаго запрещенія переводовъ съ русскаго на малорусскій языкъ, прямо противорѣчащихъ пункту 2 Высочайше утвержденныхъ правилъ 1876 года, съ особенной строгостью разсматривать всѣ оригинальныя малорусскія произведенія, запрещая при этомъ не только все, противорѣчащее общимъ цензурнымъ правиламъ, но, при малѣйшемъ къ тому поводѣ, сокращая число такихъ произведеній въ цѣляхъ чисто государственныхъ.

Въ 1895 году Главное Управленіе по дѣламъ печати предложило не дозволять къ печати книгъ и сборниковъ на малорусскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, «хотя бы по существу содержанія они и представлялись благонамѣренными» (Предложеніе С.-Пб. Ценз. К-ту отъ 2 декабря 1895 г., за № 7143).

Наряду съ приведенными выше ограничительными распоряженіями, Главное Управленіе по дѣламъ печати признавало иногда возможнымъ разрѣшать къ печати, въ видѣ исключенія, небольшія популярныя брошюры на малорусскомъ нарѣчіи, если польза отъ распространенія подобныхъ изданій среди народа была вполнѣ очевидна и удостовѣрялась со стороны подлежащаго вѣдомства.

Изложеннымъ исчерпывается матеріалъ, послужившій основаніемъ

дѣйствующихъ ограничительныхъ постановленій по отношенію къ малорусской литературѣ. Нельзя не отмѣтить, что въ мотивахъ, которыми руководствовались иниціаторы закона 1876 года, малорусское литературное движеніе получило совершенно одностороннюю окраску. При оцѣнкѣ этого движенія вовсе не нашла себѣ мѣста культурно-историческая точка зрѣнія, а единичнымъ политическимъ увлеченіемъ отдѣльныхъ представителей такъ называемаго украинофильства было придано самое широкое обобщеніе: такъ, направленіе одного изъ учредителей Кіевскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Драгоманова, дало Тайному Совѣтнику Юзефовичу основаніе заключить, что всѣ вообще украинофилы являются опасными политическими агитаторами съ ярко сепаратистическими тенденціями. Особенно характерно, что, при разрѣшеніи вопроса, которому придавалось столь важное государственное значеніе, *мнѣніе высшей мѣстной администраціи* (въ лицѣ Кіевскаго и Харьковскаго Генералъ-Губернаторовъ) *не было вовсе принято во вниманіе*, и такая суровая мѣра, какъ правила 1876 года, была установлена почти исключительно подъ впечатлѣніемъ показаній одного лица — Тайнаго Совѣтника Юзефовича, которымъ было положено пятно преступности на исконныя и по существу безвредныя, всегда отличавшія малороссовъ, проявленія любви къ родинѣ. Эта опала, постигшая въ 1876 году малорусское слово, въ виду опасенія вредныхъ идей, которымъ оно можетъ служить выраженіемъ у нѣкоторыхъ мечтателей,—была равносильна запрещенію употреблять спички изъ опасенія могущихъ произойти пожаровъ.

Малорусское литературное движеніе, корни котораго заложены въ бытовомъ, историческомъ прошломъ Малороссіи, отвѣчаетъ двумъ органическимъ стремленіямъ малорусской интеллигенціи: потребности рисовать окружающую жизнь наиболѣе сродными ей красками и желанію дать народной массѣ просвѣщеніе въ наиболѣе для него доступной формѣ. Политическій характеръ въ малорусскомъ литературномъ движеніи является элементомъ случайнымъ, наноснымъ, и сепаратизмъ едва-ли свойственъ исторіи и духу малорусской народности. *По отзыву Генералъ-Адъютанта Черткова*, проповѣдники сепаратизма, если-бы таковые и нашлись, встрѣтили-бы въ средѣ мѣстнаго населенія такой же отпоръ, какой былъ данъ въ 1863 году проповѣдникамъ польщизны. Соціализмъ и демагогическія стремленія, въ которыхъ обвинялъ украинофиловъ Тайный Совѣтникъ Юзефовичъ, лишь по недоразумѣнію могли быть связаны съ вопросомъ о языкѣ и правописаніи. При нормальныхъ условіяхъ развитія, малорусская письменность спокойно заняла-бы свое мѣсто вспомогательной побочной словесности при обще-русской литературѣ и столь же мало угрожала бы государственному единству Россіи, какъ мало угрожаетъ единству Франціи провансальская литература и нѣмецкое Plattdeutsch единству современной Германіи, и какъ, наконецъ, не угрожаетъ самой Россіи существованіе литературъ польской, грузинской, армянской, латышской и т. п.

Между тѣмъ, правила 1876 года, лишь отчасти смягченныя постановленіями 1881 года, ставятъ малорусскую письменность—эту разновидность обще-русской литературы — въ исключительное и тяжелое положеніе чего-то чуждаго, опальнаго, антиправительственнаго. Ненормальность такой постановки вопроса ощущается самимъ цензурнымъ вѣдомствомъ, которое въ своемъ отношеніи къ поступающимъ на его разсмотрѣніе малорусскимъ рукописямъ, въ теченіе истекшаго 25-лѣтія, нерѣдко проявляло значительную неустойчивость, то разрѣшая къ печати запрещенныя закономъ 1876 года популярно-научныя брошюры, въ виду ихъ несомнѣнно полезнаго содер-

жанія, а слѣдовательно совершенно независимо отъ идеи вредоносности малорусскаго нарѣчія въ произведеніяхъ не беллетристическихъ, — то, съ другой стороны, запрещая такія произведенія изящной литературы, какъ *дѣтскія сказки*, въ которыхъ будто бы усматривалась особенная опасность украинофильской пропаганды. Подобная же неустойчивость замѣчается въ отношеніяхъ цензуры и къ переводамъ на малорусское нарѣчіе, которые, въ зависимости отъ различныхъ толкованій закона 1876 года, сначала безпрепятственно разрѣшались [1]), а за послѣднее время безусловно воспрещаются.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей являлось, съ одной стороны, отмѣченное мѣстной высшей администраціей, уже послѣ пятилѣтняго дѣйствія правилъ 1876 года, недовольство и раздраженіе даже въ самыхъ благонамѣренныхъ слояхъ малорусской интеллигенціи, а слѣдовательно именно та рознь между обѣими народностями и то взаимное чисто искусственное отчужденіе, во избѣжаніе которыхъ и были выработаны самыя правила. Съ другой стороны, опала надъ литературнымъ творчествомъ малорусскихъ писателей въ Россіи породила недовѣріе и даже враждебное отношеніе къ Россіи въ значительной части австрійскихъ малороссовъ, съ точки зрѣнія которыхъ правила 1876 года угнетаютъ самую существенную потребность человѣка—свободу пользоваться родною рѣчью. Наконецъ, дѣйствіе ограничительныхъ правилъ вызвало еще большую интенсивность въ развитіи малорусской литературы въ Галиціи, гдѣ вліяніе сосѣднихъ народностей — польской, нѣмецкой, мадьярской — сказалось обильнымъ внесеніемъ чужеземныхъ элементовъ въ галицкую литературу, дѣйствительно обособляя ее отъ обще-русской.

Въ виду изложеннаго представлялось-бы весьма желательнымъ измѣнить, наконецъ, установленную правилами 1876 года точку зрѣнія на малорусскую литературу и поставить малорусскія произведенія, въ отношеніи ихъ цензурнаго дозволенія, въ одинаковыя условія съ произведеніями обще-русской литературы.

---

1) Въ 1881—1882 гг. напечатанъ рядъ переводовъ Александрова и Старицкаго изъ Лермонтова, Крылова, Шекспира, Байрона, Мицкевича, Гейне, Сырокомли и др.

IX.

О числѣ малороссовъ.

Малороссы живутъ главнѣйшею своею массою въ слѣдующихъ 23-хъ губерніяхъ Россійской Имперіи: въ частяхъ Люблинской, Сѣдлецкой и Гродненской, въ губерніяхъ Волынской, Кіевской, Подольской, части Бессарабской, въ Херсонской, Полтавской, большей части Черниговской, южной половинѣ Курской, въ Харьковской, Екатеринославской, въ частяхъ Таврической, Донской, Воронежской, Саратовской, Самарской, Астраханской, Ставропольской, Кубанской, Терской и небольшой части Оренбургской.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній они составляютъ 70—93% всего населенія; въ другихъ, гдѣ они живутъ лишь въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, относительное число ихъ падаетъ до 2—6% всего населенія губерніи, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, цифры которой заимствованы изъ отпечатанныхъ и изготовленныхъ къ печати тетрадей первой всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи 1897 года.

Губерніи и области:	Всего населенія:	Малороссовъ:	%
Полтавская	2.778.151	2.583.133	93,0
Подольская	3.018.299	2.442.819	80,9
Харьковская	2.492.316	2.009.411	80,6
Кіевская	3.559.229	2.819.145	79,2
Волынская	2.989.482	2.095.579	70,1
Екатеринославская	2.113.674	1.456.369	68,9
Херсонская (съ Одессою)	2.733.612	1.462.039	53,5
Таврическая	1.447.790	611.121	42,2
Воронежская	2.531.253	915.883	36,2
Донская	2.564.238	719.655	28,1
Гродненская	1.603.409	362.526	22,6
Курская	2.371.012	527.778	22,3
Бессарабская	1.935.412	379.698	19,6
Люблинская	1.160.662	196.476	16,9
Сѣдлецкая	772.146	107.785	13,9
Астраханская	1.003.542	133.115	13,2
Саратовская	2.405.828	149.291	6,2
Терская	933.936	42.036	4,5
Самарская	2.751.336	119.301	4,3
Оренбургская	1.600.145	41.541	2,5
Въ 20 губерніяхъ	42.765.472	19.174.701	44,8

Здѣсь приведены цифры, взятыя изъ таблицъ I, XIII и XXIV издающихся выпусковъ первой всеобщей переписи. Въ нихъ національность опредѣлена по показаніямъ зарегистрованныхъ лицъ о ихъ родномъ языкѣ— великорусскомъ, малорусскомъ или бѣлорусскомъ. Что многіе малороссы изъ ложнаго стыда показывали родной языкъ не малорусскимъ, —можно видѣть изъ того, напр., что въ Одесскомъ градоначальствѣ крестьянъ и мѣщанъ, живущихъ въ Дальницкомъ полевомъ участкѣ, по переписи оказалось 4.281 великоруссовъ, тогда какъ всѣ они въ домашнемъ быту говорятъ по-малорусски, а во всемъ городѣ лицъ этихъ сословій: великоруссовъ — 161.492, а малороссовъ—только 35.941. Подобною же тенденціею можно объяснить и то, что и дворяне, и духовные, говорящіе и по-великорусски, и по-малорусски, предпочитали показывать своимъ роднымъ языкомъ великорусскій; иначе нельзя объяснить въ средѣ этихъ сословій въ нѣкоторыхъ губерніяхъ преобладанія великорусскаго языка надъ малорусскимъ; напр., въ Харьковской губерніи дворянъ съ великорусскимъ «роднымъ» языкомъ—21.836, съ малорусскимъ—только 7.297; въ Екатеринославской—13.446 и 3.454, въ Херсонской духовныхъ съ великорусскимъ языкомъ—5.817, съ малорусскимъ—1.818 и т. п. Въ Подольской губерніи замѣчаемъ такое же преобладаніе у разныхъ сословій польскаго языка надъ малорусскимъ. Поэтому можно считать общее число малороссовъ въ 20 перечисленныхъ губерніяхъ—преуменьшеннымъ.

Желаніе скрыть свое малорусское происхожденіе обнаруживается и для многихъ жителей С.-Петербурга, если мы обратимся къ свѣдѣніямъ о числѣ малороссовъ, здѣсь живущихъ, по переписи, произведенной городскимъ управленіемъ 15 декабря 1900 года: говорившихъ по-малорусски было 1.513, тогда какъ крестьянъ уроженцевъ 8-ми губерній малорусскихъ (Полт., Кіев., Харьков., Подольск., Волын., Черниг., Екатериносл. и Херсонской) по той же переписи зарегистровано 11.333*).

Относительно губерній Черниговской, Ставропольской и Кубанской, въ которыхъ большинство населенія — малороссы, данныя всеобщей переписи еще не подсчитаны окончательно, и здѣсь приходится принять нѣсколько проблематическія цифры. Если предположить, что въ Черниговской губерніи всѣ козаки, крестьяне и половина мѣщанъ (за исключеніемъ сѣверной полосы съ бѣлорусскимъ населеніемъ) говорятъ по-малорусски, то, на основаніи описанія этой губерніи, изданнаго губернскимъ земствомъ въ 1898—99 гг., малороссовъ здѣсь слѣдуетъ считать не менѣе 1.700 тысячъ изъ $2\frac{1}{3}$ милліоновъ всего населенія; въ Кубанской области то же число 1.700 тысячъ нужно принять изъ общаго ея населенія въ 1.977 тысячъ, а въ Ставропольской изъ 873 тысячъ—не менѣе 600 тысячъ малороссовъ. Если эти 4 милліона живущихъ компактными массами прибавимъ къ исчисленнымъ выше малороссамъ въ 20 губерніяхъ, то получимъ общее число ихъ въ 23 губерніяхъ—23,2 милліона.

Но и внѣ области, очерченной выше, малороссы живутъ спорадически—и въ Польшѣ, и на Кавказѣ, и въ центральной Россіи, и въ Средней Азіи, и въ Сибири, куда особенно усиленно въ послѣдніе годы направлялась ихъ колонизація изъ метрополіи. Къ сожалѣнію, для губерній и областей Остзейскихъ, Кавказскихъ, Средне-Азіатскихъ и Сибирскихъ еще не закончены всѣ подсчеты, и тутъ можно имѣть лишь неполныя цифры. Именно, число говорившихъ по-малорусски, по переписи, было:

---

*) «Кіевская Старина» 1903, іюнь, стр. 511.

въ остальныхъ губерніяхъ Европ. Россіи (за искл. Эстляндской, Курляндской и Нижегородской)	112.625
» Сибирскихъ губерніяхъ (за искл. Амурской и Тобольской)	164.409
» Среднеазіатскихъ (за искл. Самаркандской, Семипалатинской, Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской)	78.352
» Черноморской и Дагестанской обл. Кавказа	12.147
	367.533

Такимъ образомъ, можно считать, что въ январѣ 1897 года въ предѣлахъ Россійской Имперіи общее число малороссовъ было не менѣе 23,5 милліоновъ. Если мы естественный годовой приростъ населенія среди малороссовъ примемъ въ $1\frac{1}{2}$—2% (основаніемъ чему служатъ разсчеты, произведенные въ Черниговской, Полтавской и Херсонской губерніяхъ по даннымъ метрическихъ книгъ о числѣ рождавшихся и умиравшихъ за разные періоды лѣтъ съ большею или меньшею урожайностью), то къ январю—февралю 1905 года получимъ вмѣсто 23,5 милліоновъ января 1897 года 26,4—27,6 милліоновъ.

Число малороссовъ, живущихъ за границею, въ 1900 году*) числилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ Галичинѣ	3.074.000
» Венгріи	429.447
» Буковинѣ	299.379
» Сѣв. и Южн. Америкѣ	250.000
» Румыніи	10.000
» Турціи	2.000
	4.064.826

Если у этихъ малороссовъ антропологическія свойства тѣ же, что и у населяющихъ Россію, т. е. естественный приростъ населенія колеблется въ разные годы между $1\frac{1}{2}$—2%, то ихъ численность въ 1905 году будетъ 4,4—45, милліоновъ.

Такимъ образомъ, общее число малороссовъ въ настоящее время можетъ быть выражено цифрою 31—32 милліона. Изъ нихъ 85—86% находится на территоріи Россійской Имперіи и только 15—14% за ея предѣлами.

А. Русовъ.

*) «Ruthenische Revue» 1905, № 1.

X.

Газета «Гражданинъ» за 1905 годъ, № 9.

Ради всего святого, дайте мѣсто сему письму въ вашей уважаемой газетѣ.

Обращаюсь съ нимъ къ вамъ потому, что вы до сихъ поръ пока единственный, который трезво смотритъ на задачи Россіи и ея великія цѣли. Всѣ остальные спутались и не знаютъ, кому чего нужно, а главное — что нужно намъ всѣмъ.

Наши вѣковые устои гибнутъ, и нѣтъ никого, кто бы указалъ ближайшую причину ихъ крушенія.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ губерніяхъ южной и юго-западной Россіи, начиная отъ Люблина и кончая Кубанью и Новороссійскомъ, живетъ почти сплошною массою украинскій или, какъ его называютъ, малороссійскій народъ. По моимъ служебнымъ обязанностямъ полицейскаго чиновника, мнѣ пришлось проживать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на указанномъ пространствѣ, и вотъ что я вынесъ изъ моихъ наблюденій.

Народъ этотъ говоритъ на своемъ особомъ языкѣ, хотя и близкомъ къ русскому, но для насъ малопонятномъ. Въ свою очередь, и нашъ русскій языкъ для этого народа также малопонятенъ. Только съ теченіемъ времени русскій научается понимать украинца и обратно. Существующія здѣсь русскія народныя и приходскія школы не оказываютъ почти никакого вліянія на развитіе русской грамотности въ народѣ, такъ какъ ученики школъ, послѣ выхода изъ нихъ, года черезъ два-три забываютъ грамоту. Я старался изслѣдовать причины этого печальнаго явленія, констатированнаго неоднократно печатью всѣхъ лагерей, и вотъ что обнаружилъ.

Дѣти въ школахъ, пока учатся, затверживаютъ нѣсколько десятковъ словъ, имѣющихся въ школьныхъ учебникахъ, и, съ грѣхомъ пополамъ, оканчиваютъ школу. По выходѣ изъ нея, ребенокъ попадаетъ весь подъ непосредственное вліяніе той среды, откуда вышелъ, и забываетъ то, чему его учили. Мало того, въ книгахъ, попадающихся ему и написанныхъ на томъ языкѣ, какого онъ въ своей средѣ не слышитъ, онъ встрѣчаетъ или совсѣмъ незнакомыя ему, или же мало знакомыя слова; трудность пониманія этой книжной рѣчи отбиваетъ ему охоту читать, онъ бросаетъ самую полезную книжку и предается пьянству или разврату.

Я ихъ вполнѣ оправдываю. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я, напримѣръ, буду читать по-нѣмецки, если мнѣ извѣстны какихъ-нибудь десять нѣмецкихъ словъ? Вѣдь самую интересную и полезную нѣмецкую книжку я такъ же брошу, какъ мой украинецъ русскую

Но это было бы еще полгоря. Не хочетъ человѣкъ стараться, не хочетъ учиться, и Богъ съ нимъ, не надо; тебѣ же хуже. Но бѣда надвигается съ другого конца.

Въ то время, какъ правительство принимаетъ всѣ мѣры къ развитію въ украинскомъ народѣ русской грамоты и, всячески поощряя развитіе народной литературы на русскомъ языкѣ, ставитъ всевозможныя препятствія къ развитію литературы на малорусскомъ языкѣ, благодаря чему народъ остается внѣ всякаго спасительнаго воздѣйствія правильныхъ государственныхъ понятій, разрушительные элементы общества воспользовались неудовлетворенною жаждою народа къ просвѣщенію и снабжаютъ его брошюрами и книгами антиправительственнаго характера, печатанными въ заграничныхъ типографіяхъ по-малорусски. Обратите вниманіе на прилагаемый при семъ, попавшій ко мнѣ въ руки по долгу моей службы, «Докладъ центральнаго комитета революціонной украинской партіи международному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ». Въ немъ, на стр. 12 — 15, увидите, какую массу книгъ и брошюръ на малорусскомъ языкѣ успѣла распространить въ народѣ партія за время съ 1900 года по 1 іюля 1904 года. Всего выпущено партіей 38 названій (нѣкоторыя 3-мъ изданіемъ), въ количествѣ около 140 тысячъ экземпляровъ, или около 308 тысячъ печатныхъ листовъ. Вѣдь это горы! А вѣдь въ этотъ счетъ не входятъ груды прокламацій и изданія «Украинской соціалистической партіи». И это только въ начальномъ періодѣ роста дѣятельности партій!

Народъ, встрѣчая въ попадающихъ къ нему брошюрахъ родное, понятное ему слово, относится къ нему съ величайшею любовью, вѣрою и уваженіемъ. Оно для него понятно, и этимъ все сказано. Все пропечатанное въ упомянутыхъ произведеніяхъ подпольной печати принимается народомъ, какъ святая истина, безъ критики, безъ разсужденій. Впервые здѣсь литература говоритъ съ нимъ на его родномъ, до сихъ поръ гонимомъ языкѣ, и это даетъ всему, что возмутительнаго написано въ изданіяхъ революціонной украинской партіи, значеніе непреложной истины и святости.

По опыту знаю, какъ безсильна борьба наша съ фактами распространенія подпольной литературы между украинскимъ народомъ и съ ея вліяніемъ на умы населенія. Репрессіи только усугубляютъ осторожность преслѣдуемыхъ и помогаютъ разростаться явленію вглубь.

Слѣдствія этого уже успѣли сказаться и притомъ очень выпукло.

На мой взглядъ, бороться съ описываемымъ печальнымъ и горестнымъ явленіемъ возможно однимъ лишь путемъ — идейнымъ же. Необходимо, въ противовѣсъ дѣятельности разныхъ преступныхъ организацій, дѣятельности, какъ изволите видѣть, все расширяющейся и неудержимо развивающейся, создать и поощрять дѣятельность всякаго рода просвѣтительныхъ учрежденій, которыя исполняли бы свою культурную миссію въ духѣ, покровительствуемомъ законами, на малорусскомъ языкѣ.

Страшно подумать, какая каша можетъ въ очень скоромъ будущемъ завариться здѣсь, въ южной Россіи. Долго сдерживаемое искусственно воздвигаемыми правительствомъ преградами развитіе народной литературы на украинскомъ языкѣ нашло себѣ выходъ въ другомъ направленіи, и мы уже не въ силахъ бороться съ неудержимымъ потокомъ, разливающимся все шире и шире. Этотъ потокъ грозитъ нашей безопасности и благу родины. Преградить его нѣтъ силъ и опасно, какъ бы не разорвалъ плотины и не причинилъ еще больше вреда. На мой простой взглядъ — не лучше-ли его регулировать, внеся въ него нѣкоторый коррективъ въ видѣ отмѣны существующихъ ограничительныхъ законовъ, касающихся малорусской

литературы (Высочайшее повелѣніе 1876 года), и разрѣшенія издавать газеты и журналы на малорусскомъ языкѣ. Я увѣренъ, что нашлись бы вполнѣ благонамѣренныя лица, коихъ сердцу дороги интересы Россіи, и которыя, одушевленныя любовью къ обожаемому Монарху, смѣло выступили бы на идейную борьбу съ гидрою крамолы. Здѣшній народъ по природѣ своей глубоко консервативный и неподатливъ на заигрыванія революціонеровъ, но, при отсутствіи надлежащаго, понятнаго ему руководительства, при отсутствіи противодѣянія искусственно прививаемымъ ему взглядамъ, легко можетъ проникнуться разрушительными идеями, и тогда — *горе намъ!*

Князь! Во имя спасенія Россіи обратите вниманіе, что дальнѣйшее держаніе подъ чрезвычайными стѣсненіями малорусской литературы грозитъ намъ страшными бѣдствіями. Правительство, не допуская развитія легальной украинской прессы, тѣмъ самымъ способствуетъ расширенію прессы нелегальной и заставляетъ насъ, помѣщиковъ, плясать на готовомъ къ изверженію вулканѣ. Что они тамъ себѣ, въ Петербургѣ, думаютъ? Почему въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, имѣются данныя о дѣятельности Р. У. П. и У. С. П., не обратятъ вниманія на необходимость создать противодѣйствіе возрастающимъ вреднымъ вліяніямъ?

Простите, ваше сіятельство, нелитературность изложенія сего письма. Я убѣжденъ, что то, что̀ здѣсь не доказано или не договорено, вамъ очень понятно, болѣе, чѣмъ кому-либо.

Бывшій исправникъ, нынѣ помѣщикъ, изъ дворянъ. Е. Ш.